РУСКАЯ
ИСТОРІЯ,

СОЧИНЕННАЯ

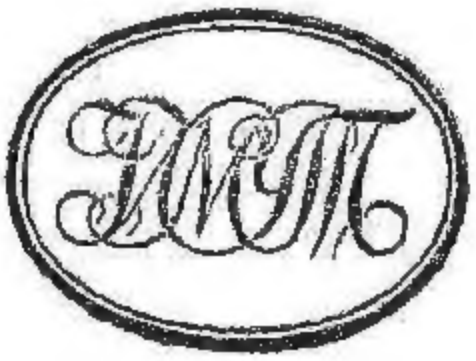
СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

Изданіе третіе и вновь дополненное.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1823.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Октября 8го дня 1823 года. *О. П. Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*



5130/45

ОГЛАВЛЕНІЕ И СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

Отъ вступленія на престолъ Екатерины Второй до начала мятежа Французскаго, то есть отъ 28 Іюня 1762 до исхода Апрѣля 1789 года.

Вступленіе на престолъ Екатерины Второй 28 Іюня 1762 г. — Отвѣтъ Миниха. — Вызовъ изъ ссылки Бестужева-*Рюмина*. — Волненіе крестьянъ. — Заботливость Екатерины о уменьшіи цѣнъ на жизненные припасы, особенно на соль. — Сношенія Екатерины съ Европой. — Миръ съ Пруссіей. — Уничтоженіе заговора въ Москвѣ. — Вѣнчаніе Екатерины на Царство 1762 года Сентября 22. — Дозволеніе подавать прозьбы на Высочайшее имя въ собственныя руки. — Свободное трех-дневное книгопечатаніе въ Москвѣ. Въ сіе время извѣстный Фонъ Визинъ напечаталъ Посланіе къ *слугамъ своимъ*, которое послѣ самъ осуждалъ. — Основаніе Сиропитательнаго Дома. — Въ Іюнѣ 1764 г. Екатерина предприняла самолично обозрѣніе *Эстляндіи* и *Лифляндіи*. — Учрежденіе Духовной *Коммиссіи*. — Заговоръ *Мировича*. — Подвигъ Александра Ильича Бибикова. — Смерть Ломоносова 1765 г. Подробности о жизни его. — Каруселъ 1766 г. Іюля 14. По случаю сей карусели *Петровъ* сочинилъ первую свою оду. — 1766 Г. Декабря 14 Манифестъ о созваніи Депутатовъ. — 1767 Г. пла-

ваніе Екатерины по Волгѣ. — 30 Іюня 1767 г. торжественное молебствіе въ Успенскомъ Соборѣ по случаю собранія Депутатовъ. — *Наказъ* Екатерины. — Въ Жизни Іосифа Втораго Маркизъ *Каракціоли* увѣряетъ, будто бы Екатерина призывала иностранцевъ для соучаствованія въ ея законодательствѣ. Это несправедливо. Наказъ Екатерины, писанный собственною ея рукою, хранится въ Академіи Наукъ. *Дидеротъ* былъ въ Петербургѣ не для законодательства. Екатерина никому не уступала права указывать подданнымъ своимъ пути къ ихъ благосостоянію. — Рѣчь Бибикова, Маршала Коммиссіи Депутатовъ. — Предложеніе Екатеринѣ Депутатами блистательныхъ наименованій. Отвѣтъ ея. — Въ исходѣ 1768 года, по случаю войны съ Турціей, закрылось Собраніе Депутатовъ. — Подробности о причинахъ сей войны. — Повѣствованіе о томъ же, почерпнутое изъ Записокъ Короля Прускаго Фридерика Втораго. — Мнѣніе о первой войнѣ съ Турціей Французскаго сочинителя новой *Оттоманской Исторіи*. — Состояніе Россіи. — Князь Голицынъ начальствуетъ *первою* арміей; Графъ Румянцевъ *второю*. — Неудачное вторженіе Крымцевъ въ Новороссійскій край. — Дѣйствія и движенія Рускихъ армій. — 6 Августа 1769 года умеръ *Третьяковскій*, извѣстный ученостью и трудами своими. Переводомъ Ролленевой Исторіи онъ пріохотилъ къ чтенію *историческихъ книгъ*. 1769 Года Сентября 10 покоренъ *Хотинъ*. — Сентября 16 Румянцевъ принялъ начальство надъ *первою* арміей. — Нѣкоторыя подробности о Румянцовѣ. — Французъ-

ское правительство предаетъ *Наказъ* огню. — Военныя дѣйствія 1770 г. — Русскіе корабли въ *Морѣ*. — Въ ночь на 26 Іюня сожженіе Турецкаго флота при *Чесмѣ*. Князь Юрій Владимировичь Долгорукой приглашаемъ былъ на совѣтъ во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ въ предѣлахъ древней Греціи. — Дѣйствія сухопутныхъ войскъ. — 29 Іюня Графъ Панинъ съ арміей своей переходитъ за *Днѣстръ*. — Іюля 6 Румянцевъ созываетъ военный совѣтъ; рѣчь его. — Битва *Ларгская* 7 Іюля. — Битва Кагульская Іюля 21. — Екатерина извѣщаетъ Вольтера о побѣдахъ. — Иностранныя сужденія о произшествіяхъ 1770 г. — Волненіе умовъ во Франціи. — Повсемѣстная опасность угрожаетъ *Порту*. — 15 Сентября 1770 г. торжество о побѣдѣ подъ Чесмою. — Рѣчь Платона. — По сему случаю Василій *Майковъ*; сочинилъ слѣдующіе стихи:

„При *Чесмѣ* Агарянъ среди морскихъ зыбей,
Екатерина тьму огромныхъ кораблей
Оружіемъ своимъ во пепелъ обратила,
И знакъ своихъ побѣдъ Герою посвятила,
Который основалъ и городъ сей и флотъ.
Проснися, Петръ! и зри трудовъ своихъ ты плодъ;
А плодъ сей намъ твоя днесь Внука возрастила.“

Петровъ и Херасковъ, творецъ Россіяды, воспѣли шакже Чесмесскій бой. Подробности о жизни Хераскова предложу въ годъ его кончины.

— Въ исходѣ 1770 г. прибытіе въ Петербургъ Прускаго Принца. — 1771 Г. предвѣстія моровой язвы въ Москвѣ. — 1771 Г. появленіе новыхъ Рускихъ Героевъ на поприщѣ военномъ. — Въ Іюнѣ мѣсяцѣ торжественное воспоминаніе

Чесмесскаго сраженія. — Того же года 26 Іюня празднество въ приморскомъ домѣ *Левендаль* Льва Александровича Нарышкина. — Предвѣстія моровой язвы въ Москвѣ. — 13 Сентября пріѣздъ Бибикова въ Варшаву. — Замѣшательство Польскихъ дѣлъ. — Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ. — Народное волненіе въ Москвѣ. — Убіеніе Преосвященнаго Амвросія. — Подвиги въ предѣлахъ древней Греціи Князя Юрій Владимировича *Долгорукова*, начальствовавшаго всѣми высадными Рускими войсками, также *Албанцами и Славонцами*. — Дѣла Польскія. — Подвиги Суворова. — 22 Января 1772 года Французы захватываютъ обманомъ *Краковскій* замокъ. — Генералъ Маіоръ Князъ Голицынъ беретъ крѣпость *Ченстохову*, и симъ подвигомъ прекратились въ Польшѣ военныя дѣйствія 1772 г. — 8 Августа 1772 г. перемѣна правительства въ Швеціи. — Французы поощряютъ Турокъ къ истребленію Россійскаго флота. — Окончаніе перемирія. — Весною 1773 г. возобновились военныя дѣйствія въ Турціи. — Въ сей годъ Потемкинъ первый сразился съ Турками. — Суворовъ въ Турціи. — Подвиги его. — 11 Іюня Румянцевъ перешелъ за *Дунай*. — 18 Іюня побѣда подъ *Силистріей*. — Смерть юнаго Щербинина. — Письмо Румянцева къ отцу его. — 22 Іюня 1773 г. смерть Вейсмана. Знаменитый *Вейсманъ* пользовался общею любовью войска и отдавалъ каждому справедливость. Сказываютъ, что въ карманѣ сего убитаго Героя нашли списокъ отличившихся, которыхъ готовился онъ представить къ наградамъ. — Обратная переправа за Дунай. — Отъ 30 Іюня 1773 г. Ру-

мянцевъ препроводилъ къ Екатеринѣ отчетъ о дѣйствіяхъ Задунайскихъ. — Отвѣтъ Екатерины. — Бибиковъ въ немилости. — Великодушный подвигъ Графа Никиты Ивановича при раздачѣ Бѣлорусскихъ деревень. — Отъѣздъ Бибикова изъ Польши. — Самозванецъ *Пугачевъ*. — Екатерина избираетъ Бибикова къ отраженію мятежника. — Подробности о Пугачевѣ. — Отправленіе Бибикова въ Казань 9 Декабря 1773 г. — Манифестъ, воспослѣдовавшій въ первый день 1774 г. — Ополченіе Казанскихъ Дворянъ. — Екатерина приняла наименованіе *Полвдицицы Казанской*. — Рѣчь Державина въ Казани по сему случаю. — Смерть Бибикова въ *Бугульмѣ* 9 Апрѣля 1774 г. — Замѣшательство въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева. — Подвиги личной храбрости, оказанные въ Апрѣлѣ и Маѣ 1774 г. Подполковникомъ *Бухвостовымъ* и *Платовымъ* въ Крымской арміи. — Пугачевъ захваченъ Суворовымъ. — Бунтовщикъ казненъ въ Москвѣ 10 Января 1775 г. — Подвиги Рускаго Духовенства во время Пугачевскаго бунта. — Великодушная смерть въ Казани Генералъ - Маіора Нефеда Никитича Кудрявцева. — Подвигъ на Твердышевскомъ заводѣ Арефья Ипатича Круглова. — Вторичная отставка Графа Панина. — Миръ, заключенный съ Турціей въ Болгаріи при *Куйчукъ - Кайнарджи*. — Извѣстіе о томъ къ Екатеринѣ. — Отъѣздъ Екатерины въ Москву. — Въ Іюлѣ 1775 г. торжество по случаю мира. — Рѣчь Вяземскаго. — Отвѣтъ Екатерины. — Екатерина въ слѣдствіе мира уменьшаетъ поборы и отмѣняетъ различныя запрудительныя пода-

ти. — 12 Ноября 1775 г. Указъ о учрежденіи Губерній. — Письмо Екатерины въ Варшаву къ *Штакельбергу*. — 1776 Г. колеблемость мира. — Неистовства *Гассанъ Паши* въ *Морей*. — Смерть первой супруги Павла Перваго. — 26 Сентября вторичный его бракъ. — 1777 Г. возмущеніе въ Крыму. Посольство въ Петербургъ отъ Крымскаго Хана. — 12 Декабря 1777 г. рожденіе нынѣ царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Перваго. — Возвышеніе Потемкина со времени Крымскихъ дѣлъ. — Въ исходѣ 1777 г. умеръ Александръ Петровичъ Сумароковъ. *Подробности о его сочиненіяхъ*. — Въ Маѣ 1778 г. умеръ *Вольтеръ*. — О перепискѣ его съ Екатериной. — Краткія замѣчанія о семъ писателѣ. — Раздоръ между Австріей и Пруссіей. — *Тешинскій* миръ. — Построеніе Херсона. — 1779 Г. Апрѣля 27 рожденіе Цесаревича КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА. — 1780 Г. путешествіе Екатерины. — Свиданіе съ Императоромъ Іосифомъ. — Того же 1780 г. Мая 8 воспослѣдовало учрежденіе о мореплаваніи и торговлѣ по причинѣ войны Англіи съ Франціей, также и войны Гишпанской. Въ Ноябрѣ 1780 г. смерть Маріи Терезіи, бывшей союзницы Императрицы Елисаветы Петровны. — Учрежденіе народныхъ училищъ. — Изданіе различныхъ сочененій Екатериною. — 1781 Г. важныя внѣшнія обстоятельства, относящіяся къ Россіи. — 1782 Г. Августа 17 открытіе памятника Петру Первому. — 1783 г. Изданіе ежемѣсячнаго сочиненія, подъ заглавіемъ: *Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова*. — Ода Державина Фелицѣ. — Непосредственное участіе Екатерины въ

Собесѣдникѣ. — Отвѣты ея на вопросы Фон-Визина. — 12 Марта 1783 г. посредничество Екатерины въ примиреніи Англіи съ Франціей. — Продолженіе Крымскихъ дѣлъ. — 28 Іюля 1783 г. Суворовъ награжденъ Орденомъ Владимира первой степени за участіе въ Крымскихъ дѣлахъ. — 1785 Г. Апрѣля 21 утвержденіе Дворянской грамоты и Городоваго Положенія. — Узаконенія касательно иностранцевъ. — 1786 Г. выпускъ *ста* милліоновъ ассигнацій. — 1787 Г. Екатерина предприняла путешествіе въ Таврическую Область. — Екатерина на полѣ Полтавскаго сраженія. — *Восточный проэктъ*. — Освобожденіе Сѣверныхъ Американскихъ областей. — Предвѣстіе Французскаго мятежа. — Заключеніе Булгакова въ семибашенный замокъ. — Негодованіе Императора Іосифа на Турцію. — 9 Сентября 1787 г. Манифестъ о войнѣ съ Турціей. Румянцевъ-*Задунайскій* и Потемкинъ-*Таврическій* начальники армій. — Французской сочинитель новой Оттоманской Исторіи признается, что Екатерина и вторую войну предприняла принужденно. — Октября 1 возгорѣлись битвы. — Побѣда Суворова подъ *Кинбургомъ*. — Въ Февралѣ 1788 г. начались военныя дѣйствія Австрійцевъ. — Дѣйствія въ Турціи и тамошнія извѣстія. — Неудачи Австрійцевъ. — Въ Іюлѣ 1788 г. 28 числа станъ Русскихъ въ виду *Очакова*. — Внезапное нападеніе Шведскаго Короля Густава. — Подвигъ *Нейшлотскаго* Коммендантша *Баранова*. — 3 Іюля 1788 сраженіе съ Турками на водахъ Чернаго моря. — Іюля 8 Грейгъ сразился съ Шведами на Балтійскомъ морѣ. — 23 Іюля 1788 г.

письмо Императрицы къ Адмиралу Грейгу. — Дѣйствія подъ Хотинымъ и Очаковымъ. — Размолвка Потемкина съ Суворовымъ. — Чудесная рана Кутузова. — Безсмертный подвигъ Сакена, взорвавшаго корабль свой. — Осада Очакова продолжалась; Екатерина уничтожала предпріятія высокомѣрнаго Густава. — Въ Августѣ 1788 начались военныя дѣйствія за Кубанью. — Талызинъ и Нелидовъ. — Тикелій. — Потемкинъ безпокоитъ берега *Анатоліи*. — Военныя дѣйствія на Балтійскомъ морѣ прекратились 27 Октября 1788 г. — Дѣйствія подъ Очаковымъ. — *Дѣйствія Румянцева*. — *Взятіе Очакова* 6 Декабря 1788 г. — Наступленіе 1789 г., пагубнаго для Франціи. — Злоумышленія противъ Россіи Герцога *Шуазеля Гуфье*. — Совѣты его и наставленія Туркамъ. — Въ Январѣ 1789 г. *отличился Каменскій при Гангурахъ*. — Каменскій препровождаетъ при письмѣ къ Хану убитаго его сына. — Благодарность Хана. — Въ Февралѣ военныя дѣйствія на сѣверѣ. — Потемкинъ въ Петербургѣ. — Страданія Булгакова въ *заключеніи*. — *Потемкинъ изъ Петербурга неутомимо наблюдалъ Порту*. — Въ Апрѣлѣ 1789 г. скончался престарѣлый Султанъ *Абдулъ-Гамидъ*, названный *печальнымъ*.

РУССКАЯ

ИСТОРІЯ.

ОТЪ ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ ДО НАЧАЛА ФРАНЦУЗСКАГО МЯТЕЖА,

то есть отъ 1762 до исхода Апрѣля 1789 года.

ОТЪ ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ ДО НАЧАЛА МЯТЕЖА ФРАНЦУЗСКАГО,

то есть отъ 1762 до 1789 года.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ.

Отъ 1762 до 1789 года.

Къ щастію Отечества и къ отрадѣ человѣчества, Екатерина *Вторая* заняла престоль, не проливъ ни капли крови. Первые дни ея правленія возвѣстили Россіи, что благость и великодушіе воцарились съ новою Самодержицей. Въ числѣ поздравителей на другой день явился и Минихъ. „Вы хотѣли противъ меня сражаться?“ — Хотѣлъ, отвѣчалъ Минихъ: я хотѣлъ жертвовать жизнію за благодѣтеля моего, который возвратилъ мнѣ свободу. Провидѣніе иначе все устроило. Мой долгъ сражаться теперь за Ваше Величество и пламенѣть къ вамъ неизмѣнною вѣрностью. —

Уважая чистосердечное усердіе, Екатерина старалась оправдывать и гонимую не-

винность. Знаменитый *Бестужевъ-Рюминъ*, пострадавшій 1758 года въ продолженіи семилѣтней войны, призванъ былъ въ Столицу, получилъ прежнія почести и новыя награды. Въ достопамятномъ Указѣ, изданномъ по сему случаю, сказано: „Хотя всему свѣту извѣстно, что Вселюбезнѣйшая Тетка Наша Императрица Елисавета Петровна была прозорливая, просвѣщенная и милосердая, а притомъ и правосудная Монархиня; но кромѣ сердцевѣдца Бога никому изъ смертныхъ не возможно проникнуть въ человѣческія помышленія; и потому нѣтъ сомнѣнія, что противъ воли и намѣренія ея до сего времени обращались дѣла къ нещастію Графа Бестужева-Рюмина.“

Почти при каждой необычайной перемѣнѣ простодушіе народное увлекается къ своеволію. Помѣщичьи крестьяне, обольщенные злоумышленниками, нарушили повиновеніе и предались буйству. Екатерина, предписавъ увѣщевать заблужденныхъ кроткими средствами, въ Указѣ своемъ отъ 3 Іюля между прочимъ сказала: „Благосостояніе Государства, согласно Божескимъ и всенароднымъ узакопеніямъ, требуетъ, чтобъ всѣ и каждый при своихъ благонадежныхъ

и правостяхъ охраняемъ былъ, такъ какъ напротиву того, чтобъ никто не выступалъ изъ предѣловъ своего званія и должности.“

Успокоя умы крестьянъ и уважая земледѣліе, Екатерина, присутствуя въ Сенатѣ, дозволила въ плодородные годы производить торгъ хлѣбомъ внутри и внѣ Государства. Въ то же время заботилась она о уменьшеніи цѣнъ на жизненные припасы, особенно на соль, почитая оную самою нужною и необходимою вещью къ пропитанію человѣческому.

Европа, находясь въ непосредственной связи съ Россіей, ощутила перемѣну отъ произшествій, воспослѣдовавшихъ въ Отечествѣ нашемъ. Миролюбіе Екатерины успокоило *Австрію*; твердость духа ея снова устрашила *Пруссію*. Генералъ-Поручикъ *Воейковъ* отъ имени Императрицы требовалъ, чтобъ завоеванныя Прускія области возобновили присягу въ вѣрности и послушаніи. Орелъ Россійскій опять появился въ Пруссіи; а войскамъ, соединившимся съ Прусаками, приказано отдѣлиться. Изъявя предъ лицемъ Европы уваженіе и рвеніе къ пользамъ своего Государства,

Екатерина пощадила человѣчество и въ исходѣ 1762 года заключила съ Пруссіей миръ.

Области пространной Россіи исполнились радостными надеждами. Извѣстный долголѣтнею службою и вызванный Екатериною на службу, Князь Яковъ Федоровичь Шаховской, изобразилъ въ Запискахъ тогдашнее состояніе Москвы: „Не только Сенатскія комнаты и соборная церковь;“ говоритъ онъ: „но и площадь наполнена была разнаго званія людьми. Московскіе жители съ радостными восторгами благодарили Бога за перемѣну, произшедшую къ общему благополучію Отечества.“

Вмѣстѣ съ ревностными Чиновниками воспламенился духъ и писателей отечественныхъ. *Ломоносовъ*, жалуясь въ письмѣ своемъ Графу Григорію Григорьевичу *Орлову* на предпочтеніе, оказываемое иностранцамъ, прибавляетъ: „Нынѣ сыны Россіи оживились.“

И тѣ самыя времена, которыя называютъ благополучными, не проходятъ безъ шучь и неустройствъ. Когда слава Екатерины разносилась по Европѣ и когда приготовлялась она къ вѣнчанію на Цар-

сиво, въ Москвѣ составлялся заговоръ. Люди безпокойные, завидуя внезапному возвышенію новыхъ любимцевъ щастія, дерзали поносить Императрицу и покушались возмутить общее спокойствіе.

Между тѣмъ Екатерина вѣнчалась на Царство; торжествомъ симъ ознаменовался день 22 Сентября. Утвердя власть свою священнымъ обрядомъ, Екатерина усугубила милосердіе и великодушіе свое. Хотя преступники въ силу законовъ приговорены были къ смертной казни, но Императрица вмѣсто оной назначила ссылку. Заговоръ сей воспослѣдовалъ не столько отъ рѣшительнаго злоумышленія, сколько отъ легкомысленнаго и раздраженнаго самолюбія.

Желая сблизиться съ подданными, Екатерина опредѣлила, что естьли кто намѣренъ доставить къ ней какое дѣло, не поступившее ни въ Сенатъ, ни въ Судебныя Мѣста, тотъ можетъ препровождать оное къ ней съ надписью: *въ собственныя руки Ея Величества*. Въ то же время, къ отвращенію погибели, не рѣдко постигавшей незаконнорожденныхъ при первомъ воззрѣніи ихъ на свѣтъ, Императрица предположила основать въ Москвѣ *Сиропитательный* Домъ.

Надзираніе надъ онымъ поручено было Ивану Ивановичу *Бецкому*, который во всю долголѣтнюю свою жизнь былъ ревностнымъ другомъ сираждущаго человѣчества. Въ одномъ изъ писемъ, вышедшемъ по случаю учрежденія *Сиропитательнаго* Дома, находился сіе прекрасное изреченіе: „Всего пріятнѣе для человѣка взирать на того, кому Богъ далъ совокупно силу и хотѣніе дѣлать на свѣтѣ добро.“

Въ Іюнѣ 1764 года Екатерина предприняла самолично обозрѣть приморскія области *Эстляндіи* и *Лифляндіи*. Жители, восхищенные вниманіемъ Императрицы, вездѣ спѣшили къ ней на встрѣчу. Во время сего путешествія Екатерина ѣздила на шлюпкѣ въ *военную гавань*; отдѣлываемую подъ надзираніемъ знаменитаго Графа *Миниха*. Обошедъ оную пѣшкомъ, она изъявила благоволеніе неутомимому Фельдмаршалу, который за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ показывалъ Петру Первому *Ладожскій* каналъ. Сію военную или *Рогервикскую* пристань Минихъ называлъ оплотомъ противъ Шведовъ и всѣхъ зависшниковъ Россійскаго Государства.

30 Іюня поутру Екатерина отправилась къ Балтійской пристани и на шлюпкѣ

поплыла къ флоту. Въ десять часовъ вступила она на корабль, гдѣ находился тогда Адмиралъ. Немедленно опущенъ былъ Адмиральскій *флагъ* и поднятъ Императорскій *штандартъ*. На всѣхъ корабляхъ гремѣли восклицанія: *да здравствуетъ Екатерина!* По кончинѣ Петра Великаго, зиждителя Россійскаго флота, Балтійское море въ первый разъ узрѣло развѣвающійся Императорскій штандартъ 1764 Іюня 30. На другой день Императрица обѣдала у Графа *Миниха*, въ вѣденіи котораго былъ Балтійскій Портъ. Восхищенный посѣщеніемъ Екатерины и желая бесѣдовать съ нею и заочно, преспарѣлый Герой вскорѣ потомъ писалъ къ ней: „Посвятите мнѣ каждый день хотя одинъ часъ или еще и меньше. Назовите сіе время *часомъ Фельдмаршала Миниха*.“ Императрица исполнила его желаніе. За два уже́ года передъ тѣмъ Екатерина говорила Миниху, что съ шести часовъ вечера дверь кабинета ея для него отворена, и въ одномъ изъ писемъ своихъ къ нему сказала: „Не заботьтесь о пустыхъ рѣчахъ; на вашей сторонѣ Богъ и ваши дарованія.“ Екатерина съ первыхъ дней своего царствованія положила себѣ правиломъ не внимать на-

ушникамъ, но самой наблюдашь достоинства и поступки служителей престола.

Вскорѣ послѣ путешествія своего Екатерина учредила Духовную *Коммиссію*, по исчисленію которой оказалось, что число Архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ простиралось до 910,866 душъ. Указомъ, воспослѣдовавшимъ 1763 года Августа 14, Императрица, возвращая духовнымъ имущества, отобранныя у нихъ Петромъ *Третьимъ*, объяснялась, что сіе отобраніе учинено безъ всякой осмотрительности. Сообразя всѣ нужныя мѣры, Екатерина въ 1764 году приступила къ отобранію монастырскихъ и церковныхъ имуществъ.

Во время путешествія Екатерины Василій *Мировичъ*, Подпоручикъ Смоленскаго полку, находясь въ Шлюссельбургѣ и подговоря нѣсколько соумышленниковъ, покушался выручить изъ крѣпости *Іоанна*. Надѣясь свободою его возвыситься, онъ предалъ его въ жертву смерти. Еще въ царствованіе Елисаветы отданъ былъ тайный приказъ, чтобы лишить жизни Іоанна, естьли кто предпримет его похитить (*).

(*) Смот. дѣянія Екатерины Второй, напечатанныя въ С. Петербургѣ, Часть I, стр. 164.

Такъ погибъ злополучный *Іоаннъ*, перешедшій изъ колыбели въ темницу, а изъ темницы во гробъ. Переходъ горестный, свидѣтельствующій ненадежность величія человѣческаго! Заговоръ Мировича произошелъ 1764 года въ ночь съ 4 на 5 число Іюля; казнь надъ нимъ совершилась въ С. Петербургѣ 15 Сентября. Подпоручикъ Мировичъ былъ внукъ Мировича, Мазепина сообщника. Разорясь отъ невоздержной жизни, онъ думалъ обогатиться и возвыситься отважнымъ предпріятіемъ. При производствѣ надъ нимъ суда, одинъ изъ новыхъ тогдашнихъ Вельможъ спросилъ его: *для чего предпринялъ ты злодѣйскій цмыселъ?* — Для того, отвѣчалъ Мировичъ, *чтобъ быть тѣмъ, чѣмъ ты сталъ.* — Мировичъ имѣлъ умъ пылкій; но умъ своевольный и необузданный ведетъ всегда ко вреду и къ пагубѣ.

Въ исходѣ того 1764 года знаменитый Александръ Ильичъ *Бибиковъ* доказалъ дѣяніями своими, какъ должно соединять блестящія способности ума съ добродѣтелью, украшающею оныя.

Въ послѣдніе дни царствованія Елисаветы возникли неустройства на Сибирскихъ и Казанскихъ заводахъ. Отправляе-

мые шуда Чиновники при вступленіи на престолъ Екатерины не могли обуздать буйства. Не успѣвъ въ словесныхъ и письменныхъ убѣжденіяхъ, они принуждены были отражать силу силою; кровь лилась съ обѣихъ сторонъ, но своеволіе не укрощалось. Наконецъ, когда Князь *Вяземскій* изъ Генералъ-*Квартирмейстеровъ* произведенъ былъ въ Генералъ-*Прокуроры*, Александръ Ильичъ *Бибиковъ*, въ слѣдствіе именнаго повелѣнія отъ 15 Декабря 1763 года, отправился немедленно въ упомянутыя Губерніи. Благоразуміемъ, кротостію и твердостію духа оправдалъ онъ Высочайшую довѣренность. Къ успокоенію умовъ Бибиковъ разсылалъ печатныя объявленія, убѣждавшія, что разкаявшіеся преступники будутъ прощены. Такимъ образомъ отдѣлилъ онъ легкомысленныхъ отъ упорныхъ мятежниковъ. Главные зачинщики бунта были выданы и подверглись заслуженной торговой казни. Къ щастію, изъ нѣсколькихъ тысячъ мятежническихъ скопищъ, двадцать только человѣкъ подверглись строгому наказанію и были сосланы въ вѣчную работу; *сто* другихъ преступниковъ, послѣ легкаго наказанія, распущены были по домамъ. Ревность, осторожность и благоразуміе

Бибикова спасли тысячи отъ погибели, въ которую неминуемо вовлекаютъ развратъ и буйство. Но при всей дѣятельности своей онъ кончилъ подвигъ свой въ Ноябрѣ 1764 года, а въ Январѣ новаго года прибылъ въ Петербургъ и былъ пожалованъ въ *Секундъ-Маіоры* гвардіи Измайловскаго полку; Екатерина желала также украсить его Орденомъ Св. Александра Невскаго. Отличаясь и славой и умомъ Государственнымъ и сыновними добродѣтелями, Бибиковъ просилъ предоставить сію награду отцу его, уволенному уже нѣсколько лѣтъ отъ службы. Екатерина исполнила просьбу нѣжнаго сына: въ присутствіи ея, поддерживая престарѣлаго родителя при возложеніи на него орденскихъ знаковъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ повергся къ стопамъ Императрицы. Симъ торжествомъ сыновней любви ознаменовался 15 день Марта 1765 г.

Сего же 1765 года, въ третій день Пасхи, скончался безсмертный Ломоносовъ отецъ новой Руской Словесности.

Ломоносовъ родился 1711 года, то есть въ тотъ самый годъ, когда Петръ Первый испыталъ въ предѣлахъ Турціи превратность судьбы, а потомъ, преодолѣвъ пре-

грады твердостію духа, вышелъ оттуда съ торжествомъ.

Жизнь Ломоносова протекала и въ бурахъ, и въ горести, и въ прудахъ, и въ славѣ.

Онъ родился неподалеку отъ *Холмогоръ*. Отецъ его, крестьянинъ дворцовый, хотя и занимался только рыбнымъ промысломъ, но имѣлъ умъ изобрѣтательный. Онъ первый изъ жителей Холмогорскихъ оснастилъ по Европейски *гальотъ* и назвалъ оный *чайкою*. На семъ новоизобрѣтенномъ суднѣ пускался онъ съ сыномъ своимъ на рыбную ловлю въ Бѣлое и Сѣверное моря; плавалъ даже до *Колы*, иногда и въ Сѣверный океанъ. Пространство морей и необычайные предметы сильно дѣйствовали на душу юнаго Ломоносова.

Пламенное и живое воображеніе не можетъ удовлетворяться однимъ наблюденіемъ необычайныхъ и величественныхъ картинъ природы; оно ищетъ новой пищи: оно ищетъ ученія, съ помощію котораго спремится передавать то другимъ, въ чемъ само находитъ и жизнь и наслажденіе. Словесность есть сообщеніе душъ и умовъ.

Никто не понуждалъ Ломоносова учиться; онъ самъ влекся къ тому непреодолимою склонностію. Для Ломоносова ученіе

было сладостнымъ отдыхомъ отъ прудовъ. Возвращаясь съ рыбныхъ промысловъ, онъ посвящалъ зиму ученію, въ которомъ упражнялся подъ руководствомъ одного изъ церковныхъ служителей той волости, гдѣ жилъ. Уже онъ умѣлъ читать и писать; уже духъ его воспламенялся священными пѣснопѣніями Давида; уже онъ начиналъ постигать силу языка Славянскаго, на которомъ въ послѣдствіи съ такимъ блескомъ утвердилъ нарѣчіе Руское. Первоначальное чтеніе Священныхъ книгъ, по собственному признанію *Ломоносова*, послужило ему къ несказанной пользѣ. „Къ образованію вкуса," говорятъ наставники въ *Словесности*: „*не достаточно одно ученіе мертвыхъ языковъ*; необходимо нужно знать природный языкъ, служащій къ первоначальному объясненію чувствованій и мыслей нашихъ. Изъ источниковъ природнаго языка заимствуемъ мы силу, ясность, точность и красоту слога."

Узнавъ уже отчасти свой природный языкъ, неутомимый Ломоносовъ желалъ пріобрѣсть и другія свѣдѣнія. Услыша отъ наставника своего, что Латинскому языку можно только выучиться или въ Москвѣ, или въ Кіевѣ, или Петербургѣ, онъ рѣшил-

ся на семнадцатомъ году возраста своего оставить и родину и отца; изъ дому взялъ только сокровище свое, то есть *библіотеку*, состоявшую изъ *Грамматики* и *Ариѳметики*.

Ломоносовъ очутился въ Москвѣ безъ знакомыхъ и безъ всѣхъ способовъ къ пропитанію. На другой день пріѣзда своего въ сію древнюю Столицу, видя, что сопутники его, занимаясь продажею рыбы, вовсе объ немъ не думали, онъ объялся невольнымъ унынiемъ. Съ пламенною душою быть среди многолюднаго и обширнаго города, какъ будто бы въ безмолвной пустынѣ, — какое люшое состоянiе! Юный Ломоносовъ въ скорби душевной повергся на колѣни и проливая горячiе источники слезъ, молился Тому, Кто на всѣхъ пушяхъ поддерживаетъ слабыхъ смертныхъ.

Вскорѣ Ломоносовъ опредѣлился въ *Заиконоспасское* училище. Быстро проходилъ онъ поприще ученiя. Уже онъ ознакомился съ Греческою и Латинскою Словесностiю и началъ сочинять первые стихотворческiе опыты. Разбирая монастырскую библiотеку, онъ перечитывалъ древнiе лѣтописцы и часъ отъ часу болѣе утверждался въ Славянскомъ языкѣ. Изъ Москвы отправился онъ въ Кiевъ; возвратился

въ Москву и стараніемъ знаменитаго Ѳеофана *Прокоповича* принятъ былъ въ *Гимназію*, находившуюся при С. Петербургской Академіи. Вскорѣ посланъ онъ былъ за границу, гдѣ упражнялся въ *Металлургіи*, о которой писалъ столь краснорѣчиво. Обильное и звучное Германское Стихотворство плѣнило Ломоносова; размѣръ онаго принялъ онъ въ образецъ Рускихъ стиховъ. *Гинтеръ* былъ его любимымъ писателемъ. По его образцу сочинилъ онъ 1739 года первую свою оду на взятіе *Хотина*. Ломоносовъ перенялъ у *Гинтера* одинъ только *вещественный размѣръ стопъ*; но жизнь стихотворства, пареніе воображенія и души почерпнулъ онъ въ собственныхъ своихъ дарованіяхъ и въ глубокомъ знаніи отечественнаго языка.

1740 Года начались *романическія* Ломоносова приключенія за границей. Тамъ женился онъ тайно; впалъ въ долги и въ нищету; завлеченъ былъ въ Прускую службу; бѣжалъ оттуда съ опасностію жизни; и къ щастію на слѣдующій годъ возвратился въ Петербургъ. Въ сей самый годъ Елисавета вступила на престолъ, и дарованія Ломоносова ознаменовались во всемъ блескѣ.

Обладая величественнымъ паренiемъ ума, Ломоносовъ обладалъ и тѣмъ глубокимъ душевнымъ чувствованiемъ, которое отвлекаетъ отъ свѣта, отъ людей и переселяетъ въ очаровательную область мечтанiй. Въ одномъ изъ посланiй своихъ къ *Шувалову* онъ говоритъ:

„Я радости въ одномъ мечтанiи ищу!“

Воспѣвая громъ оружiя и славу побѣдъ, онъ никогда не предпочиталъ сiю гибельную славу сладостнымъ отрадамъ мира, успокоивающаго человѣчество. Въ звучной и великолѣпной одѣ, сочиненной на побѣды, увѣнчавшiя Руское оружiе 1759 года въ предѣлахъ Пруссiи, онъ съ живѣйшимъ чувствiемъ возноситъ моленiе къ *Богу мира*, да положитъ Онъ конецъ *губительной брани*; и потомъ въ прекрасныхъ стихахъ оплакиваетъ жребiй человѣчества, подверженнаго и бурямъ жизни и бурямъ войны:

„Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоять свой плѣнъ?
Ещель мы мало утомились
Житейскихъ тягостью бременъ?“

И въ поемѣ его, посвященной памяти Петра Великаго, видимъ то же горестное сѣтованiе о слабыхъ смертныхъ, о сихъ

скоропечныхъ земныхъ странникахъ, алчущихъ губить себя убійственною войною:

„О смертные! на что вы смерти спѣшите?
Что прежде времени вы другъ друга губите?
Или ко гробу нѣтъ кромѣ войны путей?
Вездѣ насъ тянетъ рокъ насильствомъ злыхъ когтей!“

Можно бы и еще привесть различныя мѣста, ознаменованныя *сердечною чувствительностію*; но оныя не такъ часто показываются въ твореніяхъ Ломоносова отъ того, что онъ блаженствовалъ въ царствованіе Елисаветы; онъ блаженствовалъ, воспѣвая ту, которой *душа была тише земфира*; которая *мертвыхъ*, то есть осужденныхъ на смертную казнь, отдавала новое бытіе; онъ блаженствовалъ, воспѣвая ту Царицу, при которой цвѣли постоянно и обширныя поля Россіи и сердца народовъ, покоившихся подъ сѣнію благотворной ея державы. Къ личномуже своему щастію, Ломоносовъ нашелъ въ Графѣ Шуваловѣ втораго *Мецената*, который ласкою, вниманіемъ и сердечнымъ участіемъ подкрѣплялъ его на поприщѣ его трудовъ.

Всѣ тѣ чувствія, которыя Ломоносовъ питалъ къ Елисаветѣ, онъ сохранилъ ихъ и къ Екатеринѣ. Въ послѣдней своей одѣ, сочиненной сей Императрицѣ на первый

день 1764 года, онъ говоритъ опъ полноты сердечной:

„Ни моего преклонносіпь вѣка,
Что слабитъ духъ у человѣка,
Ниже гонящій въ гробъ недугъ,
Ниже завистливы злодѣи,
Чрезъ вредны восиящятъ запѣи
Почтительный къ Монархамъ духъ.“

Ломоносовъ искренно любилъ *Монархическое* или *Самодержавное* правленіе. Живо помня царствованіе Петра Перваго, не видавъ почти ужасовъ, производимыхъ *Биронолiб* подъ именемъ Анны Ивановны, встрѣтя Вѣнценоснаго Ангела въ лицѣ Елисаветы, по убѣжденію душевному почитая Екатерину *Матерью народа*, онъ и не мыслилъ сравнивать того правленія, подъ которымъ жилъ, съ какимъ-либо другимъ правленіемъ; опъ въ полномъ смыслѣ былъ спихотворцемъ *правленія Монархическаго.*

Ломоносовъ былъ и опцемъ Новой Русской Словесности и наставникомъ въ оной. Онъ сочинилъ *Грамматику* и *Риторику*. Похвальныя его слова и даже ученыя Рѣчи отличаются сильнымъ слогомъ и блескомъ выраженій: онъ всему давалъ жизнь. Онъ вникалъ во всѣ отрасли наукъ и искусствъ. Прежде знаменитаго *Франклина* разсуждалъ онъ о *дѣйствіи силы электрической* и первый

изобрѣлъ въ Россіи *мозаическое искусство*. Науки составляли истинное его существованіе; и говоря собственными его словами, онъ не взялъ бы за нихъ и *золотаго руна*.

Но въ семъ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго. Не рѣдко и безмятежное поприще ученія возмущается завистью и недоброжелательствомъ; не рѣдко, и даже весьма часто, и слава и добродѣтель пожинаютъ горькіе плоды. Зависть истребилась, слава осталась; и сія слава всегда будетъ озарять имя Ломоносова. Графъ Воронцовъ, воздвигнувъ ему памятникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ соорудилъ памятникъ неплѣнный. Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ купилъ у вдовы Ломоносова книги и рукописи ея мужа. Сумароковъ, *не врагъ его*, но разссориваемый съ нимъ тѣми, которые утѣшаются распрями писателей и ученыхъ: Сумароковъ былъ при его погребеніи и оплакивалъ того, кого по всей справедливости называлъ Рускимъ *Мальзербомъ* и *Пиндаромъ*. Графъ Шуваловъ, постоянно любившій Ломоносова при жизни и по смерти его сохранилъ къ нему сіе чувствіе. Стихи къ портрету Ломоносова, приписываемые *Поповскому*, сочинены Шу-

валовымъ (1). Предложимъ сію надпись къ чести *Вельможи-Мецената* и къ чести отца нашей Словесности:

„Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ Вишію,
Что чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ,
Открылъ природы храмъ богатымъ словомъ Россовъ;
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.“

Злополучная кончина *Іоанна*, казнь *Мировича* и сообщниковъ его, — сіи произшествія произвели различныя сужденія. Къ развлеченію умовъ чѣмъ нибудь посторонним, Екатерина предположила дать блистательную *карусель*. Всякая новость возбуждаетъ любопытство. Занявшись приготовленіями необычайнаго зрѣлища, пересудчики прекратили унылые разговоры: пріятныя ожиданія истребили память прошедшаго. 14 Іюля 1766 года произошло великолѣпное рыцарское зрѣлище, на которомъ явились мущины и женщины въ Римскихъ, Турецкихъ, Индѣйскихъ и Славян-

---

(1) Смотр. Новикова Опытъ Исп. Слов. о Россійск. Писат. стр. 249.

скихъ одѣяніяхъ. Великолѣпный нарядъ, красота и ловкость дѣйствователей очаровывали взоры и сердца. Графъ *Минихъ*, старшій Фельдмаршалъ въ Европѣ, былъ главнымъ судіею рыцарскихъ игръ. По окончаніи оныхъ, стоя посреди карусели, онъ произнесъ рѣчь, заключавшуюся сими словами: „Старый воинъ, посѣдѣвшій подъ шлемомъ, служащій 65 лѣтъ и имѣвшій щастіе вести Руское войско къ побѣдамъ, почитаетъ сіе мгновеніе драгоцѣннѣйшею наградой за труды свои. Онъ гордится, что былъ свидѣтелемъ блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ рыцарями Рускими и Россіянками.“

1766 Года, по случаю *карусели*, возобновившей древнія рыцарскія игры и представившей въ маломъ видѣ почти соединеніе всѣхъ народовъ; по сему случаю Петровъ написалъ первую свою оду. Первый его шагъ показалъ, что онъ пойдетъ поприщемъ Ломоносова. Воображеніе и память Петрова столь были напитаны твореніями Пѣснопѣвца *Коллогорскаго*, что онъ даже въ изображеніяхъ нерѣдко повторялъ разположеніе словъ и мыслей его. Но вскорѣ новый нашъ стихотворецъ показалъ, что

онъ и собственною силою своею умѣетъ поддерживать паренiе духа и полетъ воображенiя. Съ блестящими и разительными выраженiями и картинами соединялъ онъ въ одахъ глубокомыслiе, свидѣтельствующее, что онъ вникалъ и въ тайны стихотворства и въ сокровенныя причины, движущiя Царства и народы. Онъ былъ обязанъ сею сугубою способностiю долговременному и рачительному ученiю.

Петровъ родился въ Москвѣ; отецъ его былъ Священникомъ. Въ Духовной Академiи преподавалъ Петровъ Стихотворство, Риторику и Греческiй языкъ. 1768 Стараніемъ Потемкина, страстнаго любителя превосходныхъ дарованiй, опредѣленъ онъ въ число Чиновниковъ придворной Библiотеки. Изъ Петербурга отправился онъ въ Англiю, гдѣ въ теченiи пяти лѣтъ пріобрѣлъ знанiе нѣкоторыхъ языковъ и другiя свѣденiя, одушевляющiя стихотворство.

Петровъ былъ въ связи со всѣми любимцами славы вѣка Екатерины Второй: онъ воспѣвалъ Орловыхъ, Румянцева, Потемкина; онъ воспѣвалъ ихъ по чувству душевному. Безсмертная любительница Славянскаго и Россiйскаго слова, Екатерина,

не только ободряла переводъ его Виргиліевой *Энеиды*, но и сама замѣчала ошибки и неисправности въ слогѣ. Съ каждымъ новымъ прудомъ своимъ Петровъ въ радостномъ восторгѣ спѣшилъ къ Екатеринѣ, какъ къ просвѣщенному судьѣ и какъ ко внимательному другу наукъ. Стихи его, о томъ свидѣтельствующіе, суть драгоцѣнная принадлежность Исторіи; и такъ приведемъ оные:

„Къ тебѣ, какъ къ лучшему наукъ священныхъ другу,
Исполненъ радости, Монархиня, лечу,
Да мой успѣхъ тебѣ всѣхъ прежде сообщу.
Умѣя и любя ты строить смертныхъ щастье,
Умѣешь принимать въ успѣхахъ ихъ участье.“

Вскорѣ потомъ воспослѣдовало собраніе *Депутатовъ*, съѣхавшихся изъ всѣхъ областей Россіи по случаю изданія *Наказа*, начертаннаго Екатериною. Въ концѣ 1766 отъ 14 Декабря обнародованъ Манифестъ, въ которомъ Екатерина объясняется такимъ образомъ: „Мы созываемъ Депутатовъ не только для того, чтобъ выслушать нужду и недостатки каждаго мѣста; но они должны быть также участниками при изданіи *Проэкта* новаго Уложенія; они долж-

ны слушать законы, нами вновь изданные, находить въ оныхъ недостатки, дать свои мнѣнія, замѣчанія и тѣмъ споспѣшествуя поправленію законовъ, содѣйствовать къ собственному и общему благу. Симъ учрежденіемъ даемъ мы нашему народу опыть новаго чистосердечія, великія довѣренности къ оному и прямыя материнскія любви."

Въ теченіи шестимѣсячнаго срока, назначеннаго для собранія *Депутатовъ* или повѣренныхъ, Екатерина рѣшилась самолично обозрѣть нѣкоторыя области Державы своей, и для сего предприняла изъ Твери путь Волгою до Казани. Въ то же время повелѣла она отправиться Александру Ильичу *Бибикову* въ *Кострому*, гдѣ назначено ему было присутствовать при выборѣ Предводителей и Депутатовъ въ Коммисію новаго Уложенія. Бибиковъ избранъ былъ въ число Костромскихъ *Депутатовъ*. Зная образъ мыслей Екатерины, онъ въ наставленіи своемъ Костромскому Дворянству изобразилъ всѣ ея правила. Въ проѣздъ чрезъ Кострому Императрица удостоила посѣщеніемъ своимъ деревенскій домъ Бибикова на берегу Волги. Престарѣлый отецъ, которому нѣжный сынъ уступилъ знаки

Александра Невскаго и все его семейство ощастливились благосклонностью Государыни, цѣнившей *въ Бибиковѣ* заслуги и качества душевныя. Сей Генералъ, извѣстный воинскими и Государственными дѣяніями, причисленъ былъ въ свиту Ея Величества, сопровождалъ ее въ плаваніи по Волгѣ и участвовалъ въ переводѣ *Велизарія*.

652 Депутата собрались въ Москву. По сему случаю 30 Іюня 1767 года происходило торжественное молебствіе въ Успенскомъ Соборѣ, послѣ котораго *Депутаты* были представлены Императрицѣ. Привѣтствовавъ ее рѣчью, они просили дозволенія приступить къ дѣлу своему. Удовлетворяя прошенію ихъ, Екатерина дала имъ *Наказъ* и обрядъ, съ которымъ надлежало сообразоваться *Коммиссіи* при сочиненіи *Проэкта* новаго Уложенія. Въ заключеніи сего обряда между прочимъ сказано: „Мы ожидаемъ несомнѣнно, что всѣ вообще вѣрными нашими подданными по присягѣ выбранные къ сей важной *Коммиссіи* Депутаты, и каждый изъ нихъ наполненъ вѣрностію и любовію къ престолу, ревностію къ Отечеству и послушаніемъ къ предписаніямъ, ведущимъ всѣхъ къ благоденствію

и что они покажутъ нашему вѣку, яко не уступаютъ предкамъ въ уваженіи и ненарушеніи драгоцѣннаго стариннаго слова: *да будетъ мнѣ стыдно!*

По правиламъ даннаго наставленія, собраніе назначило *Кандидатами* въ Предводители Графа Ивана Григорьевича *Орлова*, Графа Захара Григорьевича *Чернышева* и Александра Ильича *Бибикова*. На представленіи о семъ 2 го Августа Императрица падписала: „Орловъ самъ проситъ увольненія; Г. Чернышевъ, занятъ будучи многочисленными должностями, не можетъ сего принять: утверждаю Предводителемъ Депутата Александра Бибикова.“

Генералъ-Прокуроръ вручилъ жезлъ новоизбранному Маршалу, который произнесъ слѣдующую Рѣчь:

„Принявъ жезлъ Маршала, получилъ я „достоинство Предводителя вашего. Высо„чайшая воля Великой нашей Самодержицы, „посредствомъ собственнаго вашего выбо„ра, почтеннѣйшее Собраніе, сію долж„ность на меня возлагаетъ.

„Почтенно и славно для меня стать „Предводителемъ знаменитаго Государ„ственныхъ Чиновъ собранія. Неизрече-

„наяже объемлетъ меня радость, пред-
„ставляя въ умѣ своемъ, что собраніе сіе
„премудрая наша Обладательница созы-
„ваетъ для устроенія любезному Отече-
„ству таковаго благополучія, каковое
„только смертнымъ свойственно быть мо-
„жетъ; восхищаюсь, усматривая общее
„всѣхъ усердіе видѣть утверждаемое въ
„Россіи благоденствіе установленіемъ яс-
„ныхъ, полезныхъ, давно намъ нужныхъ
„и всѣми желаемыхъ законовъ. Не имѣю
„сомнѣнія, почтенные Господа! чтобъ мы
„всѣ вообще и каждый особливо сему не
„были ревнительны, когда собственное
„наше и потомковъ нашихъ благо къ тому
„насъ влекутъ, а премудрая и человѣко-
„любивая Императрица наша, сіе мыслію
„и языкомъ свободное собраніе покрови-
„тельствовать, руководствовать предпрі-
„емлетъ, прилагая попеченіе о томъ, чтобъ
„достигнуть событія сказанныхъ въ пре-
„славномъ Ея манифестѣ отъ 14 Декабря
„1766 года словъ, видѣть Богомъ вручен-
„ный Ей народъ толико щастливымъ и
„довольнымъ, колико человѣческое щастіе
„на сей землѣ простираться можетъ. Сло-
„ва во истину неисходно во успахъ, не-

„загладимо вовѣки на сердцахъ нашихъ „пребывать достойныя; они доказываютъ „и безпредѣльную къ вамъ, дѣти Россійскіе, „любовь вашей Матери и опытъ сердца „истинно Монаршаго, наполненнаго благо- „спи къ подвластнымъ ему народамъ.

„Не уповаю я, почтеннѣйшее собраніе, „чтобъ одинъ между нами таковой най- „тишься могъ, которому бы труды и по- „двиги о пользѣ нашей и мудрое Государства „управленіе, несравненной Монархини бы- „ли неизвѣстны; ибо самыя дѣла много- „образно то доказали, свидѣтель тому и „слава, праведно о нихъ гремящая, не толь- „ко въ обширныхъ концахъ Россіи, но и „во всѣхъ предѣлахъ свѣта.

„Кто не знаетъ попеченія Ея о судѣ „правомъ? кому не свѣдомы насажденныя „и исправленныя училища и воспитанія? „какъ умолчатъ щедротою Ея оживленныя „сироты и утѣшенныя вдовицы? и какъ „наконецъ не прославятъ всѣ подъ кровомъ „Ея тишиною огражденные пространной „Россіи обитатели?

„Спѣшитъ иноземныхъ народовъ множе- „ство сорадоватися и соблагоденствовать, „обитая съ нами. Мудрымъ, говорю, и по-

„печительнымъ промысломъ нашей Облада-
„тельницы возвращаетъ, такъ сказать,
„изъ нѣдръ своихъ Германія поглощенныхъ
„толико сыновъ Россійскихъ; населяются
„прежде едва проходимыя степи народомъ
„трудолюбивымъ, споспѣшествующимъ об-
„щему благу; процвѣтаетъ пустыня, укра-
„шается селами и возрастаетъ трудъ вѣ-
„ковъ въ немногіе годы.

„Но когда бы мы и всего того доны-
„нѣ не видали, то одно предлежащее дѣло
„сильно было насъ увѣрить, колико ща-
„стливы и благополучны мы, имѣя тако-
„вую Государыню, которая главнымъ пред-
„метомъ чтитъ народа своего щастіе.

„И для того должны мы въ непремѣн-
„ный долгъ себѣ поставить всеусильное
„о томъ приложить тщаніе, чтобъ коли-
„ко возможно предуспѣвало толь спаситель-
„ное о насъ и о потомкахъ нашихъ намѣ-
„реніе вседражайшей нашей Государыни.
„Докажемъ горячую и истинную ко благу
„общему ревность; ознаменимъ къ толико
„возлюбившей насъ Государынѣ нелицемѣр-
„ную любовь и послушаніе; явимъ предъ
„свѣтомъ, что дѣти Россійскіе тако-
„вой Матери достойны; отгонимъ отъ

„сердецъ нашихъ суровость и предубѣжде-
„ніе, могущія воспрепятствовать нашему
„блаженству; пойдемъ во слѣдъ намѣренія
„чадолюбивой нашей Матери; намѣренія
„ея наше благодѣйствіе; она утвердитъ и
„прославитъ Россію."

Съ общаго и единодушнаго согласія *Депутаты* желали поднесть Екатеринѣ наименованіе *Великой*, *Премудрой* и *Матери Отечества*. Екатерина изустно отвѣчала: „О званіяхъ, кои вы желаете, чтобъ я приняла, на сіе отвѣтствую: 1 е. *Великая*; о моихъ дѣлахъ оставляю времени и потомкамъ безпристрастно судить. 2 е. *Премудрая*; никакъ себя назвать не могу, ибо одинъ Богъ премудръ. 5 е. *Матери Отечества*; любить Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ я за долгъ званія моего почитаю, и быть любимою отъ нихъ есть все мое желаніе."

Собраніе *Депутатовъ* возбудило общее вниманіе. *Философовъ*, находясь посломъ въ *Даніи* и бывъ истиннымъ другомъ *Бибикова*, написалъ къ нему сіи достопамятныя слова: „Я не радуюсь, мой искренній, мой любезный Бибиковъ, что наши *Комитеты* начали уже входить съ своими сочиненіями,

Какъ можно не спѣшите. . . Не разстройте и гнилой хижины, не составя лѣпныхъ вашихъ палатъ."

Собраніе *Депутатовъ* часъ отъ часу клонилось къ разрушенію. Послѣ различныхъ предписаній и предпріятій удостовѣрились, что многочисленное собраніе не способно къ составленію законовъ, требующихъ спокойнаго и зрѣлаго разсужденія. Собраніе отдалилось отъ главной цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы сообразить всѣ Россійскія Узаконенія и привесть оныя въ порядокъ. Наконецъ по случаю войны, воспослѣдовавшей съ Турціей въ исходѣ 1768 года, закрыло засѣданія свои.

Война съ Турціей непосредственно сопряжена съ Польскими произшествіями, относящимися еще къ 1764 году.

Хотя Польша почитала себя свободною областью, но она съ давняго времени подчинена была Франціи. Всѣ покушенія Поляковъ къ овладѣнію Россіей съ 1609 года произошли отъ внушеній Французскаго Правительства. Въ сіе время, то есть 1609 года, какъ уже я показалъ въ пятой Части сей Исторіи, Король Французскій *Генрихъ* IV, предпринявъ раздѣлить Европу

на *пятнадцать* областей, желалъ быть главою *Христіанской республики*. Забывъ, или не зная, что Россія исповѣдуетъ Христіянскую Вѣру, онъ включилъ ее въ одну статью съ *Магометанами*. Сочинитель его жизни говоритъ: „Для вспомоществованія Христіанскимъ Государствамъ, смежнымъ съ областями *невѣрныхъ*, должно вооружить противъ Турокъ *Венгрію* и *Польщу*; а *Швецію* и *Польщу* противъ *Россіи* и *Татаръ* (*)."

Со времени царствованія Генриха IV владычество Франціи надъ Польшей часъ отъ часу усиливалось; вольное *или безначальственное* правленіе Поляковъ къ тому содѣйствовало. Подъ предлогомъ единообразнаго исповѣданія съ Поляками вѣры, Папа и Франція подчинили ихъ произволу своему. Державшіеся Грекороссійскаго и другихъ исповѣданій Польскіе уроженцы, извѣстные подъ именемъ *Диссидентовъ*, внутри отечества своего терпѣли гоненіе отъ происковъ *Рима* и *Парижа*. Царь Алексѣй Михайловичь первый вступился за Польскихъ уроженцевъ, соединенныхъ съ Рос-

(*) Смот. *Жизнь Генриха IV*, сочиненную *Перефиксомъ*, наставникомъ *Людовика XIV*, въ новомъ изданіи 1816 года, стран. 588.

сіей Вѣрою и церковными обрядами. Получа обидный отзывъ на предстательство о нихъ и желая присоединить къ Россіи города, захваченные Поляками, онъ объявилъ имъ войну. Петръ Первый, доставя Польскій престолъ Королю Августу II, надѣялся чрезъ то облегчить жребій единовѣрцевъ, находившихся въ Польшѣ и Литвѣ; но надежда его осталась тщетною. Гоненія продолжались, и *Диссидентамъ* или *разновѣрцамъ* отказывали даже и въ погребеніи. 1723 Года Бѣлорускій Епископъ Силвестръ Князь *Черторижскій* писалъ къ Петру Первому: „Трудно изобразить, какія въ здѣшней странѣ претерпѣваю я гоненія отъ утѣснителей православной Вѣры.“ Преемники престола Петра Перваго неоднократно возобновляли ходатайство его. 1743 Года Императрица Елисавета получила отъ Министра своего *Кайзерлинга* извѣстіе, что православные, вопреки всѣмъ договорамъ, терпятъ не только утѣсненіе, но даже подвергаются смертоубійству. При *коронаціи* Екатерины Второй, бывшій тогда въ Москвѣ Бѣлорускій Епископъ Георгій *Конисскій*, въ поздравительной рѣчи своей между прочимъ сказалъ: „Въ Россіи свѣтильникъ Вѣры, доселѣ Княземъ Владимиромъ, возженный,

блиспаешь; но въ Польшѣ и Литвѣ сей блескъ совсѣмъ прекратили свирѣпствующіе отъ запада вихри.“

Екатерина рѣшилась отразить вихри западные и злоумышленіе Франціи. Поводомъ къ сему послужила кончина Августа III, Короля Польскаго и Курфирста *Саксонскаго*, умершаго 1764 года. Не сносясь съ другими Державами, Императрица старалась возвесть на Польскій престолъ Станислава Августа Графа Понятовскаго, который, живя при Дворѣ Елисаветы, обратилъ на себя вниманіе Екатерины блестящею наружностью и отличными способностями ума. Прускій Дворъ поддержалъ намѣреніе Екатерины: *Станиславъ* избранъ былъ Королемъ. Вскорѣ воспылали злоба и ненависть, питаемыя тайными происками Французовъ и другихъ иностранныхъ Дворовъ, негодовавшихъ на то, что они не были приглашены къ соучастію въ новыхъ Польскихъ произшествіяхъ; вскорѣ составились *конфедераціи* или заговоры противъ Короля и союзы *Диссидентовъ*, требовавшихъ правъ своихъ. 20 Марта 1767 года четыреста *Диссидентовъ* изъ дворянъ подписали грамоту въ *Торонѣ*, и двадцать четыре союза составились въ

Литвѣ. Князь *Репнинъ* предстательствовалъ за *Диссидентовъ* при Дворѣ Польскомъ, а войска Рускія вступали въ Польшу для подкрѣпленія ихъ оружіемъ и для дальнѣйшихъ предпріятій. Нѣсколько знаменитыхъ Польскихъ Вельможъ захвачены были по приказанію Екатерины и отвезены въ Калугу и Москву. Вельможи, не доброжелательствовавшіе *Станиславу* и раздраженные симъ насильственнымъ поступкомъ, бѣжали въ *Венгрію*, и надѣясь на вспомоществованіе Франціи и Турціи, объявили Польскій престолъ праздным. Въ числѣ сихъ Вельможъ были: Князь Радзивилъ, Любомирскій, Графъ Потоцкій, Огинскій и Нулавскій. Разномысліе Поляковъ и суетная ихъ надежда на постороннюю помощь предвѣщали паденіе Польши. Франція, взирая съ зависстью, что владычество ея ослабѣваетъ въ оной, возбуждала Оттоманскую Порту въ войнѣ и увѣрила Турокъ, что *сабля ихъ блеснетъ у стѣнъ Кіевскихъ*. Гордость и безразсудное самонадѣяніе вооружили Турокъ, обезсиленныхъ нѣгою и роскошью. *Мустафа* не желалъ войны, но *Керимъ-Гирей*, Крымскій Ханъ, обольщенный Польскими Вельможами и Французами,

открыто говорилъ, что онъ съ ордами своими войдетъ въ Польшу для изгнанія Рускихъ. *Керимъ-Гирей* былъ захваченъ, привезенъ въ Константинополь и представленъ Султану. Хотя уже онъ осужденъ былъ къ ссылкѣ, но Султанъ благосклонно сказалъ ему: „Что я сдѣлаю одинъ? Подданные мои предались нѣгѣ и разврату. Они любятъ только увеселительные домы свои и забавы Серальскія. Тщетно желаю водворить порядокъ и обратить народъ мой къ древнимъ нравамъ; никто не помогаетъ мнѣ.“ Происки Французовъ и недовольныхъ Польскихъ Вельможъ побѣдили благоразуміе *Мустафы*. Рускій посланникъ *Обрѣсковъ* былъ задержанъ и заключенъ въ семибашенный замокъ. Предлогомъ къ сему послужило самое маловажное обстоятельство. Въ Манифестѣ, изданномъ отъ 20 Ноября 1768 года, сказано, что шайки Запорожцевъ, напавъ самовольно на Татарскую слободу *Балту*, разорили ее, за что и были наказаны въ виду селенія. Въ другихъ извѣстіяхъ упоминаютъ, будто бы Рускій отрядъ, преслѣдуя Польскихъ мятежниковъ, вмѣстѣ съ ними устремился въ Балту и что отъ произшедшаго сра-

женія слобода загорѣлась. Какъ бы то ни было, но разореніе или сожженіе *Балты* ускорило только покушенія Турокъ, руководимыхъ Франціей. При самомъ началѣ вооруженія Турокъ ужасъ и убійство свирѣпствовали въ Константинополѣ. Въ то время, когда испуганному народу представили Магометово знамя, черны, воспаленная изувѣрствомъ, бросилась грабить жилища Христіянъ, не уважая ни пола, ни возраста, ни званія. Жена и дочери Австрійскаго Повѣреннаго были жертвою остервененія народнаго.

Распространясь подробнѣе о сихъ обстоятельствахъ, мы явственно усмотримъ, что по наущенію Франціи все то же постепенно случалось съ Россіей при Екатеринѣ, что и при Императрицѣ Аннѣ. При Аннѣ и при Екатеринѣ сперва возникли распри по случаю избранія новаго Польскаго Короля, а въ слѣдъ за сими распрями возгорѣлась Турецкая война. Тутъ уже подтверждается неопровержимыми историческими доводами истина, что отъ *одинакихъ причинъ проистекаютъ одинакія послѣдствія.*

„Распри, возникшія за Вѣру“ говоритъ Фридерикъ Вторый въ Запискахъ своихъ

„прекратились бы отъ сильнаго посредничества союзныхъ Дворовъ, естьлибъ Франція, домогавшаяся изъ зависти возмутить Сѣверъ, не раздула пламени, погасавшаго уже подъ пепломъ и произведшаго потомъ всеобщій пожаръ. Герцогъ *Шуазель*, снѣдаемый честолюбіемъ, желалъ озарить Министерство свое необычайнымъ блескомъ. Не сообразуясь съ обстоятельствами и не вникая въ состояніе Державъ Европейскихъ, онъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть, что со времени семнадцатаго столѣтія все перемѣнилось въ Европѣ. Онъ забылъ, что Россія вступила на чреду первостепенныхъ Державъ, что соотношенія другихъ областей также перемѣнились; а притомъ, что могъ предпринять Министръ, безсильный достигнуть цѣли своей и ничтожными происками отдѣлывавшійся отъ неоплатныхъ долговъ? Шуазель пронырствовалъ, а не дѣйствовалъ. Завидуя тому, что Екатерина безъ содѣйствія Франціи избрала Польскаго Короля, онъ негодовалъ на нее и за то, что она отклонилась отъ *великаго союза* и заключила съ Пруссіей особенный миръ. Пылая слѣпымъ мщеніемъ, Герцогъ *Шуазель*

возбудилъ противъ Екатерины Поляковъ и Турокъ; онъ домогался, чтобы и Шведы ополчились къ задержанію Рускихъ войскъ въ Финляндіи и Лифляндіи.' Такимъ образомъ надѣялся онъ возжечь противъ Россіи войну тягостную и опасную.

„Французскіе повѣренные повсюду разсѣялись. Одни изъ нихъ возбуждали Поляковъ къ защитѣ вольности; другіе поспѣшили въ Константинополь и убѣждали *Порту*, чтобы она не взирала равнодушно на самовластіе, которымъ сосѣдняя Держава утѣсняла Польшу; третіе отправились въ Стокгольмъ, чтобы пронырствами своими на Сеймѣ перемѣнить образъ Шведскаго правленія, учинить Короля самовластнымъ и посредствомъ его занять часть Рускихъ войскъ, доставя черезъ то случай усилиться Полякамъ и Туркамъ. Не удовлетворясь сими происками, Шуазель старался отвлечь и Пруссію отъ Россіи, чтобы удобнѣе подавить сію послѣднюю Державу. Не успѣвъ ни въ Пруссіи, ни въ Швеціи, онъ взволновалъ Польшу и Турцію.“

Даже и сами Французскіе писатели откровенно признаются, что Екатерина не

готовилась къ войнѣ, что она не желала войны съ Турціей, и что Рускіе хотѣли наслаждаться пріятностями мира. „Вторженіе Татаръ въ Новороссійскую Область“ говоритъ Французской сочинитель *Турецкой Исторіи*: „возвѣстило, что должно отражать силу силою. Довѣренность Екатерины къ народу, умъ и щастіе ея все устроили. Ускоряя приготовленія къ войнѣ, она не прекращала мирныхъ переговоровъ (*).“

Въ исходѣ 1768 года, когда Россія приготовлялась въ оборонѣ Отечества, Екатерина для блага подданныхъ рѣшилась испытать пользу прививанія оспы. Къ сему человѣколюбивому подвигу побудило ее наблюденіе, что между поселянами гибнетъ множество дѣтей отъ сей болѣзни. 21 Октября Екатерина привила оспу, а 21 Ноября, на другой день *изданія Манифеста о* войнѣ съ Турціей, отъ нее освободилась. По случаю сего благополучнаго произшествія учреждено было *ежегодное воспоминаніе*.

(*) См. *Исторію Оттоманской Порты*, изданную 1817 г. *Салабереемъ*, Часть III, стр. 320.

Возгорѣвшаяся война съ Турціей требовала важныхъ усилій, дѣятельности и предосторожностей. Россія не обладала еще тогда *Крымомъ*; Турки полномочными были властелинами *Чернаго моря*; надлежало также удерживать *Закубанскія* орды и прочіе *горскіе* народы; множество недовольныхъ Поляковъ, составя сильные отряды, могли превожить Рускихъ съ тылу. Сообразно симъ обстоятельствамъ, *первой* арміи предписано дѣйствовать наступательно, *второй* предоставлено было охраненіе границъ, которыя въ тогдашнее время почти повсемѣстно отъ *Польши* до *Каспійскаго* моря окружены были народами, подвластными Турціи. Вторая армія, озабочивая присутствіемъ своимъ хищныя орды, раздѣляла силы непріятельскія и облегчала дѣйствія первой арміи.

Первая армія состояла подъ начальствомъ Князя Александра Михайловича *Голицына*, вторая подъ предводительствомъ Графа Петра Александровича *Румянцева*.

Румянцевъ, прославившійся уже въ семилѣтнюю войну, сдѣлалъ слѣдующія разпоряженія: главный его корпусъ собрался въ Новороссійскомъ краѣ за *Днѣпромъ* для

охраненія сей Губерніи, которая положеніемъ своимъ закрывала тогда всю Малороссійскую Украйну отъ *Бендеръ*, *Очакова* и отъ кочующихъ ордъ Татарскихъ. Другой корпусъ, порученный Генералъ-Поручику *Берху*, отряженъ былъ къ Крыму, чтобы *запереть сіе непріятельское гнѣздо*, а въ случаѣ набѣговъ не давать врагамъ туда укрываться. Турки, владѣвшіе *Чернымъ моремъ*, подъ прикрытіемъ своихъ крѣпостей могли переправляться на *Кубанскую* сторону, соединяться съ тамошними народами и производить внезапныя вторженія въ предѣлы наши. Къ предупрежденію сихъ покушеній завели *флотилію* на Дону, и Генералъ *Вернесъ* назначенъ былъ для занятія укрѣпленій *Азова* и *Таганрога*. Сверхъ того Генералъ *Медемъ* отправленъ былъ для удержанія *Кубанской* орды, *Кабардинцевъ* и другихъ *горскихъ* народовъ.

Для совѣщанія о взаимныхъ разпоряженіяхъ съ Княземъ Голицынымъ, Графъ Румянцевъ ѣздилъ въ Январѣ 1769 изъ Глухова въ Кіевъ.

Крымскій Ханъ *Керимъ-Гирей*, принедшій въ немилость у Султана до начала войны, снова возстановленъ былъ Портою.

Возвратясь въ Крымъ и собравъ многочисленныя орды, устремился онъ въ Февралѣ мѣсяцѣ къ разоренію Новороссійскаго края. Онъ надѣялся уже предать все огню и мечу, но отраженъ былъ Рускими отрядами, поспѣвавшими подкрѣплять другъ друга, не смотря на сильную стужу и мятель. Мстя за неудачный походъ, бѣгущій Ханъ разорялъ селенія, церкви и уводилъ въ плѣнъ безоружныхъ жителей. По изгнаніи Хана и другихъ Татарскихъ скопищъ, Генералъ *Вернесо* посланъ былъ для занятія *Азова*.

Первая армія, долженствовавшая дѣйствовать наступательно, 15 Апрѣля переправилась за Днѣстръ къ *Хотину*. При трудномъ переходѣ черезъ горы, большую часть артиллеріи спускали на канатахъ. Дневной жаръ, ночная стужа и недостатокъ въ хорошей водѣ подвергали войско изнуренію. 19 Апрѣля, въ день Пасхи, Голицынъ учинилъ приступъ къ Хотинской крѣпости. Турецкія войска, находившіяся внѣ крѣпости, быстро устремились въ оную и зажгли предмѣстія; другія скопища враговъ бѣжали во внутрь Молдавіи и къ Бендерамъ. Поляки, возбуждавшіе Турокъ къ вой-

нѣ, встревожась чрезвычайнымъ столпленіемъ ихъ въ Молдавіи, говорили: „Призывая Турокъ, чтобы изгнать Рускихъ, мы хотимъ до основанія сжечь домъ, въ которомъ безпокоили насъ насѣкомыя.“ Поляки ли такъ говорили, или Французы, управлявшіе ихъ умами, но пѣмъ и другимъ надлежало бы заблаговременно размыслить о предпріятіяхъ своихъ.

Причиня непріятелю вредъ, но не взявъ Хотина, Князь Голицынъ, по недостатку осадной артиллеріи и продовольствія, рѣшился отступить за Днѣстръ. Армія двинулась отъ Хотина поутру 21 Апрѣля.

Между пѣмъ Румянцевъ выѣхалъ изъ Глухова къ Днѣпру для обозрѣнія всей той страны до *Бахмута* и для избранія мѣстъ, удобныхъ къ переправѣ. 25 Апрѣля получилъ онъ донесеніе, что *Азовъ* и *Таганрогъ* снова поступили во владѣніе Россіи.Ославъ наставленія Комменданпамъ сихъ крѣпостей, Румянцевъ прибавилъ: „На переписку со мною не тратьте времени.“

Екатерина, извѣщая *Вольтера* о семъ происшествіи, писала къ нему: „Со времени начатія войны съ Турками я исполнила два новыхъ предпріятія: я построила вновь

Азовъ и Таганрогъ, при которомъ Петръ Первый сперва основалъ, а потомъ разорилъ корабельную пристань."

Не получа еще извѣстія о произшествіяхъ первой арміи, Румянцевъ въ Маѣ мѣсяцѣ избралъ для пребыванія главной квартиры *Крюковъ-Шанецъ*. 10 Числа подтвердилось тамъ извѣстіе о смерти Хана *Керима* и о томъ, что на мѣсто его избранъ *Девлетъ-Гирей*.

Ханъ *Керимъ-Гирей* былъ ревностнымъ и постояннымъ сообщникомъ Французовъ. Правительство Французское отправило къ нему тайнымъ посломъ Барона *Тота*, который и находился при немъ до самой смерти его. Исполняя намѣренія Двора своего, *Тотъ* завелъ въ Константинополѣ литье пушекъ и артиллерійское училище (*).

Не упуская изъ виду сношеній съ первою арміей, Румянцевъ разположилъ войско свое такъ, чтобы оно могло защищать границы и споспѣшествовать дѣйствіямъ первой арміи. Въ слѣдствіе сего приказалъ онъ нѣсколькимъ полкамъ переправиться

(*) Смот. Исторію Оттоманской Порты, изданную въ Парижѣ 1817 года, Часть IV, стр. 18.

при *Кременцѣ* и *Переволочнѣ*. Извѣстясь о переходѣ Голицына по сю сторону Днѣстра, Румянцевъ ускорилъ переправу войска за Днѣпръ, чтобы симъ движеніемъ привлечь на себя вниманіе непріятеля и раздѣлить многочисленныя его силы, шедшія изъ-за Дуная подъ предводительствомъ Визиря.

Послѣ различныхъ наблюденій, Голицынъ удостовѣрился, что Турки, избѣгая главнаго сраженія и растянувъ войска свои по берегу, намѣрены безпокоить Рускихъ или ворваться въ Польшу и Россійскія границы, уклонясь отъ преслѣдованія. Для предупрежденія сихъ покушеній первая армія перешла за Днѣстръ 25 Іюня, дала нѣсколько удачныхъ сраженій, а Августа 1 снова переправилась по сю сторону Днѣстра, чтобы приближиться къ обозамъ и заманить непріятеля къ главной битвѣ. Румянцевъ, увѣдомясь о семъ происшествіи 9 Августа, тотчасъ рѣшился выступить впередъ и упредить вторженіе Визиря въ Польшу. 24 Августа Румянцеву предписано принять первую армію, а Голицынъ отозванъ былъ ко Двору. Въ вторую армію отправился Графъ Петръ Ивановичъ *Паниѣ*.

До пріѣзда Румянцева, Князю Голицыну представился случай увѣнчаться блистательнымъ подвигомъ. Въ первыхъ числахъ Сентября отъ сильныхъ дождей и отъ воды, стекшей съ горъ, Днѣстръ чрезмѣрно наводнился, отъ чего и пресѣклось сообщеніе Турецкихъ войскъ. Въ виду Рускаго стана находилось около двѣнадцати тысячь Турокъ. Въ ночь 6 Сентября учинено на нихъ нападеніе. Рускіе гренадеры, восклицая: *да здравствуетъ Екатерина!* вскочили въ укрѣпленіе непріятельское и произвели сильное пораженіе штыками. Одна толпы враговъ разсѣялись по лѣсамъ, другія устремились къ берегу, и бросясь вплавь, погибали въ волнахъ Днѣстра. Все Турецкое войско, бывшее за Днѣстромъ въ полѣ и въ крѣпости, само собою обратилось въ бѣгство. 10 Сентября Хотинъ былъ занятъ безъ всякаго сопротивленія. Визирь *Молдованджи* лишился начальства за то, что не могъ предупредить наводненія Днѣстра; а предмѣстникъ его Визирь *Мехметъ-Елинъ* казненъ былъ за то, что будто бы не слѣдовалъ Султанскимъ предначертаніямъ о войнѣ. Турецкая политика мститъ за не-

удачи, въ которыя вовлекаютъ Порту постороннія внушенія.

Вскорѣ по занятіи Хотина и Яссы отдались подъ покровительство Рускаго оружія. 16 Сентября Румянцевъ принялъ первую армію. Князь Голицынъ отъѣхалъ въ Столицу въ Октябрѣ мѣсяцѣ и получилъ чинъ Фельдмаршала.

Румянцевъ вступилъ на поприще начальства въ сіяніи славы, озарившей его въ предѣлахъ Пруссіи. Хотя онъ увлекался въ бурной юности пылкими страстями, но онъ не упустилъ ничего, что только могло обогатишь душу, умъ и сердце его. Онъ любилъ и военное искусство и Словесность. Память его и воображеніе оживотворены были лучшими мѣстами изъ Рускихъ и Иностранныхъ писателей; а сердце его, испытавшее волненіе страстей, но никогда неперявшее благородства чувствъ, научило его сближаться съ сердцами другихъ. По сему побужденію, учредя почты въ Кіевѣ и Глуховѣ, онъ приглашалъ, чтобы отцы, матери, супруги и родственники юныхъ Героевъ, поступившихъ подъ его знамена, съѣзжались въ сіи мѣста для полученія

скорѣйшаго извѣстія отъ тѣхъ, съ кѣмъ имъ такъ горестно было разставаться. Онъ желалъ, чтобы они мысленно сблизились съ поприщемъ славы ихъ ближнихъ и родныхъ. И какимъ жаромъ мужества пылали воины Рускіе, зная, что о каждомъ ихъ шагѣ, о каждомъ ихъ подвигѣ немедленно будутъ увѣдомляться ихъ родные и друзья! Послѣ каждаго дѣла нарочные быстро летали въ назначенныя мѣста и доставляли письма.

Здѣсь должно замѣтить, что Румянцевъ отважился на то, на что не рѣдко жаловались лучшіе полководцы. Знаменитый Цесарскій полководецъ Графъ *Монтекукули*, воюя съ Турками 1664 года, въ крайнемъ находился затрудненіи отъ переписки своихъ подчиненныхъ. „Какимъ образомъ“ говорилъ онъ: „среди раздора и мятежа въ войскѣ сохранять единство? какъ удерживать тайну въ совѣтахъ? какъ наблюдать скорость въ исполненіи? У каждаго свои мнѣнія: каждый почитаетъ себя побѣдителемъ; каждый пересказываетъ все по произволу своему. Частныя переписки, то есть домашнія или дружескія, премудрымъ Императорскимъ указомъ уничто-

жены, ибо отъ нихъ происходятъ въ войскѣ всѣ бѣды."

И такъ Румянцевъ сдѣлалъ то, что тревожило и заботило Монтекукули, сего достойнаго соперника *Тюреня*. Румянцевъ зналъ Рускихъ, зналъ сердце человѣческое, пылалъ славою и одушевлялъ всѣхъ славою, покоря заранѣе сердца и души.

Давъ свободу сердцамъ, Румянцевъ доставилъ также полное стремленіе отважности Рускихъ воиновъ. До него при перестрѣлкѣ полки ограждались желѣзными рогатками; Румянцевъ уничтожилъ сію преграду. *У Рускихъ*, сказалъ онъ: *есть грудь и штыкъ: вотъ ихъ защита.* Побѣдою надъ душами приготовлялся онъ къ побѣдамъ на полѣ брани; довѣренностію къ мужеству Рускихъ производилъ великія дѣла съ малыми средствами.

Около сего времени Французское Правительство, изъявлявшее ненависть къ Екатеринѣ, приказало сжечь на площади *Наказъ* ея; такому же жребію подверглось твореніе Россійской Императрицы и въ Константинополѣ, гдѣ Французы управляли умами чиновниковъ Порты. Министръ *Шоазель-Гуфье*, успѣвшая Дворъ

Французскій величіемъ Россіи, увѣрялъ, что могущество ея *разрушаетъ равновѣсіе*, которое въ подлинномъ смыслѣ нигдѣ и никогда не существовало. Покореніе Хотинской крѣпости и занятіе Яссъ не могло разрушить никакого *равновѣсія* ни въ Европѣ, ни въ другихъ странахъ свѣта. Проповѣдники *лжи* и обмана приготовляли во Франціи грозную бурю, долженствовавшую поколебать и Европу и всѣ предѣлы вселенной. Наказъ Екатерины устрашилъ сихъ враговъ Вѣры и добродѣтели. Они увидѣли, что она проникла всѣ ихъ происки; они увидѣли, что законодательница Россіи изобличила и предвѣстила все то, что потрясаетъ и низпровергаетъ Державы. Всѣ сіи явственныя и непреложныя свидѣтельства находятся въ *пятьсотъ первой* статьѣ *Наказа*, подъ заглавіемъ: *Какъ можно узнать, что Государство приближается къ паденію и конечному своему разрушенію?*

„Поврежденіе всякаго правленія“ отвѣчаетъ Екатерина: „начинается почти всегда съ поврежденія начальныхъ своихъ основаній.

„Начальное основаніе правленія не только тогда повреждается, когда погасаетъ

то умоначертаніе Государственное, закономъ во всякомъ изъ нихъ впечатлѣнное, которое можно назвать равенствомъ, предписаннымъ законами, но и тогда еще, когда вкоренится умствованіе равенства, до самой крайности дошедшаго, и когда всякъ хочетъ быть равнымъ тому, который закономъ учрежденъ быть надъ нимъ начальникомъ.

„Ежели не оказуютъ почтенія Государю, правительствамъ, начальствующимъ; естьли не почитаютъ старыхъ, ни отцевъ, ни матерей, ни господъ; и Государство нечувствительно низриновенно падетъ.“

Вотъ, повторяю еще, вотъ что возбудило ненависть во всѣхъ лжеумствователяхъ къ Екатеринѣ, которая собственнымъ перомъ на ихъ языкѣ начертала Наказъ. Къ нещастію Франціи, тогда уже и въ Парламнетахъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ Государственныхъ, и во всѣхъ состоянiяхъ были приверженцы новыхъ лжеумствователей. Зависть и самолюбіе волновали сердца и души. Знатнѣйшіе Французскіе вельможи, которыхъ собственная польза побуждала къ поддержанію законнаго правительства, возстовали противъ

него и пропивъ всего того, что раздражало ихъ гордость.

Домогаясь лично оскорбить Екатерину, *Шоазель* заставилъ Французскую Академію объявить, будто бы, по свойству Французскаго языка, не льзя писать *Vôtre Majésté*, то есть Ваше Величество. Умная Екатерина, презирая сіи злобныя уловки, изобрѣла самое лучшее средство къ отмщенію *Шуазелю* и приверженцамъ его. *Вольтеръ* силою пера владычествовалъ тогда во Франціи надъ всѣми умами. Екатерина привлекла Вольтера на свою сторону, и сдѣлала его отголоскомъ того, что нужно ей было разпространять во Франціи къ уничтоженію клеветъ, вымышляемыхъ на нее и на Россію. Вотъ главная причина переписки Екатерины съ Вольтеромъ. Не поднимая оружія къ отмщенію Французскому Правительству за наглыя оскорбленія, она побѣдила Вольтера золотомъ, а Вольтеромъ побѣждала недоброжелателей своихъ.

Екатерина, извѣщая *Вольтера* о войнѣ 1769 года, говоритъ: „Иностранныя Вѣдомости утверждали, будто бы мы проиграли множество сраженій; когда же явныя произшествія изобличили ихъ во лжи, пог-

да они вздумали разглашать, что Рускія войска погибли отъ моровой язвы. . . Но мнимо умершіе отъ повѣтрія воскреснутъ весною для пораженія враговъ."

Мужество и рвеніе Рускихъ не были въ бездѣйствіи и зимою. Въ первыхъ числахъ Января 1770 года семь тысячь Турокъ напали на Полковника *Каразина*, бывшаго въ монастырѣ *Комишѣ*, въ тридцати верстахъ отъ Бухареста. На помощь Каразину отправили Маіора *Анрепа* съ отрядомъ егерей. Вся непріятельская сила опрокинулась на него. Отрядъ Рускихъ нѣсколько часовъ сражался съ семью тысячами Турокъ; всѣ пали, никто не отдался въ плѣнъ. Сей великодушный подвигъ предвѣстилъ будущія побѣды Россіянъ.

Въ продолженіе Февраля мѣсяца Рускіе овладѣли крѣпостью *Журжею* и городомъ *Журжевымъ*. Отличаясь мужествомъ, Рускіе отличались и безкорыстіемъ. Волохскіе Бояре подносили Генералу *Штофельцу* тысячу червонныхъ. Не принявъ подарка, онъ просилъ, чтобы сіи деньги употреблены были на больницу, особенно же въ пользу воиновъ, раненыхъ въ сраженіяхъ подъ Бухарестомъ и подъ Журжею.

Въ сіе самое время осторожный Румянцевъ писалъ къ *Штофельну*: „Не полагайте, чтобы успѣхи и истребленіе селеній на семъ берегу доставили спокойствіе; наблюдайте осторожность. Къ предупрежденію отъ будущихъ движеній непріятельскихъ, учредите главный *постъ* въ *Фокшанахъ* для сообщенія съ *Яссами* и *Бухарестомъ*; другія два укрѣпленія сдѣлайте въ *Бузео* и *Фалцинѣ*: посредствомъ сего вы будете способствовать войскамъ наблюдать *Черноморскую* и *Дунайскую* стороны, а притомъ будете переправляться черезъ Дунай, къ чему уже и время приближается. Старайтесь также укрѣплять мѣста, способныя къ защитѣ, къ чему донынѣ за суровостію погоды не льзя было приступить: сіи укрѣпленія послужатъ опорою въ дѣйствіяхъ съ непріятелемъ, а притомъ убѣжищемъ и сохраненіемъ малыхъ частей войскъ до прибытія всей арміи.“

Въ Апрѣлѣ разнеслась молва, что Турки хотятъ напасть на Бухарестъ, а новый Ханъ на Яссы. Не обнадеживаясь удачами и не желая подвергнуть разоренію завоеванныя области, Румянцевъ писалъ къ Штофельну, что естьли отъ напора пре-

восходнаго числомъ непріятеля должно будетъ оставить Бухарестъ, но чтобы онъ соблюлъ въ цѣлости всѣ городскія зданія, и чтобы жители, уклоняясь отъ мщенія раздраженныхъ Турокъ, переселились въ горы, или въ другія мѣста, оставшіяся подъ защитою Рускихъ.

Вскорѣ по полученіи сего предписанія *Штофельнб* извѣщалъ Румянцева, что войска, посылаемыя для открытія непріятеля, ни гдѣ его не встрѣчали, и что слухи о намѣреніи Турокъ идти къ Бухаресту несправедливы. Опытный Предводитель отвѣчалъ: „Будьте какъ можно ближе къ непріятелю, и вы въ состояніи будете сообщать достовѣрныя свѣденія.“

Въ началѣ Мая, оставя Генерала *Эссена* съ нѣкоторою частію войскъ въ Польшѣ, для обезпеченія сообщеній и для истребленія мятежниковъ, Румянцевъ пошелъ къ Хотину. 12 Мая армія соединилась и вступила въ 11 часовъ поутру въ лагерь, занятый близъ берега Днѣстра противъ крѣпости Хотина. Полагаясь на разлитіе рѣкъ, Турки не приняли никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; они не воображали, что Рускіе преодолѣютъ природу и уничтожатъ тщеславные ихъ замыслы.

Дождавшись обозовъ и сообразя всѣ мѣры осторожности, Румянцевъ началъ переправлять армію черезъ Днѣстръ 14 Мая. По причинѣ сильныхъ дождей переправа кончилась 20 Мая. Отъ непрерывныхъ проливныхъ дождей растворилась земля и вязкость дорогъ препятствовала ходу войска, почему оныя и были въ бездѣйствіи отъ 21 до 24 числа.

Непріятель, стоявшій неподвижно за Прутомъ до 20 Мая, въ сей самый день въ числѣ пяти тысячь пытался переправиться черезъ рѣку. Уже пять сотъ человѣкъ переправились; но находившійся въ укрѣпленіи у *Рябой Могилы* Поручикъ *Малюшкинъ* отразилъ пришедшихъ враговъ и бывшихъ на другомъ берегу принудилъ отступить. При двукратномъ нападеніи не потерявъ ни одного человѣка, Поручикъ *Малюшкинъ* доказалъ, что малый чинъ не заграждаетъ путей къ отличію и славѣ.

Между тѣмъ Генералъ *Замятинъ* оставилъ Бухарестъ, не причиня городу никакого вреда. Князь *Репнинъ* вышелъ изъ *Фокшанъ*. Оставленіе Бухареста и Фокшанъ воспослѣдовало не отъ усилій непріятеля, но для того, чтобы совокупить раздроб-

ленныя войска. Визирь, приписывая сіе движеніе опасенію моровой язвы, перемѣнилъ прежнія свои намѣренія, и не зная подлинной цѣли Рускаго Полководца, дѣйствовалъ на удачу. *Замятинъ* и *Репнинъ*, спѣша соединиться съ Генераломъ *Штофельномъ*, на каждомъ шагу запруднялись дождями, наводнившими и самые малые ручьи; они употребляли по нѣскольку дней для переправы черезъ оные; моровое повѣтріе также превожило войско. Врачь *Орецъ* употреблялъ всевозможныя усилія къ отвращенію оной. Имя попечителя о пользѣ человѣчества достойно стоять на ряду съ защитниками Отечества. Генералъ-Поручикъ *Штофельнъ* опасно заболѣлъ. Хотя уже съ 25 Мая чувствовалъ онъ крайнее изнеможеніе силъ, но преодолѣвалъ себя для обязанностей службы. Въ сіе время сколица враговъ покушались переправиться черезъ *Прутъ*; Капитанъ *Вельяминовъ*, стоявшій у *Рябой Могилы*, сильно тому воспротивился. Секундъ-Маіоръ *Зоричъ*, подоспѣвъ къ нему, соединилъ отрядъ свой. Храбрые сіи Чиновники прогнали непріятеля за рѣку, гдѣ было десять тысячъ Турокъ и двадцать тысячъ

Татаръ. Наканунѣ сего дня, то есть 27 Мая, *Штофельнъ* хотя уже находился на шагъ отъ гроба, но все еще, пламенѣя усердіемъ къ службѣ, извѣщалъ Румянцева, что онъ надѣется отразить непріятеля, стремившагося ворваться въ Молдавію. Съ симъ желаніемъ скончался Генералъ *Штофельнъ*. Хотя и полагали сперва, что онъ страдалъ горячкою, но онъ дѣйствительно заражень былъ язвою. Извѣстіе о смерти его возбудило общее сожалѣніе. Всѣ отдавали справедливость рвенію его къ службѣ и воспоминали добродѣтели, которыми онъ привлекъ къ себѣ сердца жителей *Молдавіи* и *Валлахіи*. Отдѣленіе его войскъ поручено было Князю *Репнину*. Яссы оставлены *какъ гнѣздо, наполненное смертоноснымъ ядомъ*.

Между тѣмъ, когда Рускіе приготовлялись къ славнымъ подвигамъ на сушѣ, пушечные выстрѣлы возвѣстили 13 Іюня въ станѣ Румянцева, что корабли наши прибыли уже въ *Морейскія* пристани, что знаменитый *Лакедемонъ* и прелестная *Аркадія* взяты; что древняя Греція оживотворяется. Среди сихъ подвиговъ воспослѣдовало несогласіе между Адмиралами. Военный совѣтъ поручилъ начальство Гра-

фу Алексѣю Григорьевичу *Орловц*. „Послѣ сего рѣшенія," говоритъ Екатерина въ письмахъ своихъ къ Вольтеру: „распри кончились. Я всегда думала и теперь еще болѣе удостовѣрилась, что Герои родятся для великихъ произшествій."

Турецкой флотъ, претерпѣвшій двукратное пораженіе, преслѣдуемъ былъ до острова *Скіо*. Турки ожидали подкрѣпленія изъ Константинополя; *Орловъ* быстрымъ нападеніемъ хотѣлъ предупредить соединеніе Турецкихъ морскихъ силъ: но прибывъ въ *Суэскій* каналъ, онъ узналъ, что сіе соединеніе уже совершилось. У Рускихъ было только девять кораблей, у Турокъ находилось шестнадцать кораблей линейныхъ и превосходное число фрегатовъ и прочихъ судовъ. Многочисленность Турецкаго флота не поколебала ни Вождя, ни подчиненныхъ. Рускіе единодушно восклицали: *умремъ*, *или побѣдимъ!* Корабли Рускіе построились въ боевой порядокъ. *Графъ* Орловъ занялъ средину; Адмиралъ Спиридовъ, съ которымъ находился братъ Предводителя, Графъ Федоръ Григорьевичь Орловъ, сталъ впереди; *Ельфистонъ*, уроженецъ Шотландскій, съ судами своими замыкалъ боевой

строй. Лѣвое крыло Турецкаго флота примыкало къ каменистому острову, а правое къ отмѣли; отъ сего построенія корабли Турецкіе не могли свободно поворачиваться. Сіе самое мѣсто знаменито было въ древнія времена побѣдою Римлянъ надъ *Антіохомъ* Великимъ. *Капитанъ-Паша*, вождь Турецкаго флота, удалился на берегъ, говоря, что ему нужно распорядить нѣкоторыя укрѣпленія; начальникомъ Турецкаго флота остался *Гассанъ-Бей*, который, родясь въ Персіи, былъ рабомъ въ Турціи и достигъ богатства и почестей по праву заслугъ своихъ. Отправляясь изъ Константинополя, *Гассанъ* сказалъ Султану: „Флотъ нашъ многочисленнѣе Рускаго флота; чтобы истребить Рускіе корабли, мы должны съ ними сцѣпляться и взлетать на воздухъ.“ Чѣмъ неустрашимѣе непріятельскій начальникъ, тѣмъ лестнѣе побѣда: слава сія ожидала Рускихъ. Съ обѣихъ сторонъ нѣсколько часовъ продолжался ужасный огонь. Подъ густыми облаками дыма, подъ тучею ядеръ и пуль сцѣпившіеся корабли представляли сухопутный бой. Рускіе и Турки схватывались и разили другъ друга. Корабль Адмирала *Спиридова* бился

съ премя военными кораблями и съ одною *шебекой*. Не взирая на превосходство непріятельскихъ силъ, онъ сцѣпился съ *Капитанъ - Пашинскимъ* девяностопушечнымъ кораблемъ. Отъ множества брошенныхъ *гранатъ* и зажигательныхъ веществъ *Капитанъ - Пашинскій* корабль загорѣлся; усилившееся на немъ пламя простерлось и на корабль Спиридова. Оба корабля взлетѣли на воздухъ. При семъ огненномъ позорищѣ, при взорваніи Адмиральскаго корабля, Графъ Орловъ воскликнулъ: „Братъ мой погибъ!“ и лишился чувствъ. Мужество на нѣсколько мгновеній уступило природѣ; но вскорѣ, воспламенясь сильнѣйшимъ рвеніемъ, онъ полетѣлъ съ кораблями своими въ средину непріятельскаго флота. Устрашенные Турки пустились въ бѣгство; побѣдоносный Предводитель обнялъ брата своего, спасшагося на шлюпкѣ вмѣстѣ съ Спиридовымъ. Разбитый Турецкій флотъ удалился въ *Чесмесскую* пристань, называвшуюся нѣкогда *Клазоменою*. Такъ кончился достопамятный день 24 Іюня 1770 года.

Послѣ сего кровопролитнаго сраженія Рускіе рѣшились запереть Турецкій флотъ. Турки съ своей стороны принимали всѣ

мѣры къ ненадежной оборонѣ. *Капитанъ-Паша* надѣялся отразить Рускихъ; но *Гассанъ-Бей* былъ противнаго мнѣнія. Сей мужественный мореходецъ, израненный и опаленный порохомъ, спасся со взорваннаго Капитанъ-Пашинскаго корабля съ однимъ только другомъ своимъ *Ахметъ-Агою*, Морейскимъ купцомъ, который добровольно его сопровождалъ. Предвидя пагубныя послѣдствія, долженствовавшія произойти отъ спѣсненнаго положенія Турецкаго флота, *Гассанъ* убѣждалъ *Капитанъ-Пашу* выдти изъ пристани. Вождь Турецкій, надѣясь на сдѣланныя имъ укрѣпленія и на сильную батарею, отвергъ благоразумныя совѣты. Не упуская времени, Рускіе 25 Іюня положили напасть на Турецкій флотъ ночью, для чего и занялись приготовленіемъ *брандеровъ* или зажигательныхъ судовъ.

Въ ночь на 26 число Іюня Рускіе корабли пустились къ сожженію Турецкаго флота. Назначенные Рускіе корабли для мнимаго нападенія поспѣшили къ флоту своему; одни зажигательныя суда неслись къ Туркамъ. По невѣдѣнію, или по неосторожности, непріятель счелъ, что сіи суда намѣрены имъ сдаться; вскорѣ разсѣялось

сіе ожиданіе. Неустрашимый *Ильинъ*, приплывъ къ Турецкому кораблю, въ глазахъ цѣлаго экипажа положилъ *бранскугель* и безъ всякой поспѣшности, въ виду обоихъ флотовъ, возвратился назадъ. Загорѣвшіеся корабли, пѣсня другъ друга, распространяли пламя, и съ трескомъ и шумомъ взлетали на воздухъ. Небеса, волны морскія и берегъ, все объялось пламенемъ. Отъ взрыва Турецкихъ судовъ земля и море поколебались. Потрясеніе сіе распространилось до *Смирны*, отстоящей отъ *Чесмы* на двенадцать миль. Море побагровѣло отъ крови. Наконецъ мертвая тишина распространилась тамъ, гдѣ недавно являлся многочисленный Турецкій флотъ, стоившій милліоновъ и отправившійся для славы и побѣдъ! Все погибло въ нѣсколько часовъ; одинъ только корабль достался Рускимъ въ плѣнъ. Отъ сего ужаснаго зрѣлища и побѣдители содрогнулись. Во время даже пожара Рускіе съ опасностью судовъ своихъ старались спасать враговъ, пожираемыхъ пламенемъ и волнами. 26 Іюня Графъ Орловъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Чиновниковъ, въ числѣ которыхъ былъ Князь Юрій Владимировичь Долгорукій,

сражавшійся на корабль *Ростиславъ*, поспѣшилъ на *Анатольскій* берегъ. Простирая руку помощи къ пострадавшимъ врагамъ, Герой украсилъ человѣколюбіемъ побѣду, за которую названъ Орловымъ-*Чесменскимъ*.

Слава Князя Юрія Владимировича въ одно время блеснула и на волнахъ морскихъ и на сухомъ пути. Обладая превосходнымъ просвѣщеніемъ и природною прозорливостію, Князь Долгорукій дѣйствовалъ въ предѣлахъ Греціи и какъ воинъ и какъ Государственный человѣкъ. Онъ постигалъ величественныя намѣренія Екатерины. Во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ онъ приглашаемъ былъ на совѣщаніе.

Іюнь мѣсяцъ 1770 года былъ мѣсяцемъ Руской славы на моряхъ; въ Іюлѣ слава Руская возгремѣла на сушѣ.

Узнавъ достовѣрно, что непріятелей нѣтъ уже на правомъ берегу *Прута*, и что станъ ихъ за рѣкою *Ларгою* часъ отъ часу усиливается, Румянцевъ выступилъ 4 Іюля за рѣчку *Цыганку*, и поднявшись на высоты, расположился въ виду непріятеля. Ввечеру того же дня, по окончаніи

удачной сшибки съ непріятелемъ, получено отъ Графа Панина извѣстіе, что онъ 29 Іюня перешелъ съ арміей своей за *Днѣстръ*. Іюля 5 собрался военный совѣтъ. „Намѣреніе Всемилостивѣйшей нашей Государыни," сказалъ Румянцевъ: „чтобы мы дѣйствовали наступательно; правило Ея, — чтобы мы съ меньшими силами разили враговъ многочисленныхъ; желаніе Ея, — чтобы славою Рускаго оружія пріобрѣли полезный миръ для Имперіи. Вамъ извѣстно внутренее состояніе войска нашего. Прискорбно намъ было видѣть воиновъ, поступившихъ отъ Генерала Штофельна въ начальство Князя Репнина въ ветхомъ и изношенномъ одѣяніи. Они понесли тяжкіе труды, и ихъ не льзя было снабдить нужнымъ по отдаленію отъ границъ и нескорому привозу потребныхъ вещей. Вамъ извѣстно также, что по недостатку продовольствія храбрые воины *питаются сухимъ былiемъ, или камышемъ*. Подвергнемъ ли мы все войско изнуренію и голоду? Воины Рускіе не ропщутъ отъ понесенныхъ трудовъ; они радостно спѣшатъ къ новымъ трудамъ. Наградимъ ихъ рвеніе, откроемъ имъ новые пути къ славѣ. Чѣмъ

ближе будемъ къ непріятелю, тѣмъ скорѣе съ нимъ сразимся; чѣмъ сильнѣе поразимъ его, тѣмъ скорѣе достигнемъ славнаго мира. Вы, вѣрные сыны Россіи! вы одного со мною мнѣнія. Слава и достоинство воинства Россійскаго не терпитъ, чтобы видѣть непріятеля и не наступать на него (*).“

Военный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Предводителя. Начались приготовленія къ нападенію на враговъ. Между тѣмъ *Абда-Паша* сильно устремился на полки наши; ободреніе и примѣръ Чиновниковъ уничтожили его покушеніе.

6 Іюля непріятель, освѣжившій войска свои отъ пораженія, претерпѣннаго имъ наканунѣ, не превожилъ Рускихъ. Румянцевъ спокойно занялся разпоряженіями къ нападенію. Генералъ-Поручику *Племенникову* ввѣренъ былъ особенный *корпусъ* отъ правой стороны нашей арміи, чтобы ударить на лѣвое непріятельское крыло тогда, когда армія съ прочими *корпусами* нападетъ на правое его крыло. „Само по себѣ разумѣется“ говорилъ Румянцевъ въ предписаніи своемъ: „сколь славно будетъ но-

(*) Подлинныя выраженія Румянцева.

вое раченіе ваше къ службѣ, естьли усердными и благовременнымъ содѣйствіемъ нанесете ужасъ и вредъ непріятелю, захвативъ его лагерь и ударяя на противустоящихъ, или бѣгущихъ, что будетъ дѣломъ вашего искуства и предусмотрѣнія и въ чемъ съ полною надеждою я на васъ полагаюсь."

Хотя армія со всевозможною скрытностію производила приготовленія свои, но побѣгъ къ Туркамъ Прапорщика *Квицкаго*, уроженца Польскаго, заспавилъ ускорить разпоряженія. Въ сумерки Генералъ Квартирмейстеръ Боуръ передъ арміей перешелъ съ праваго на лѣвое крыло, оставя огни, которые и все войско развело, чтобы непріятель думалъ, что въ ту ночь Рускіе находятся въ станѣ своемъ.

Къ *назначенному времени Боурѣ и Репнинѣ* перешли на высоты за рѣчку *Ларгу*, куда и Румянцевъ двинулся тремя *колоннами въ двѣнадцатомъ часу ночи* на седьмое число Іюля. Мосты и дороги, устроенныя раченіемъ *Боура*, споспѣшествовали къ безостановочному походу. Съ утренней зарею войско Рускоe поднялось на возвышенія за *Ларгою*; полки выстроились еще до раз-

свѣта. Татарскіе *пикеты*, согнанные движеніемъ Боуровыхъ полковъ, возвѣстили въ станѣ своемъ приближеніе Рускихъ войскъ. По обыкновенію своему, подавая вѣсть о превогѣ; они зажгли множество пороха; пламя и дымъ разнеслись по стану Турецкому, какъ будто бы въ предвѣстіе ожидавжаго ихъ пораженія. Встревоженные и полусонные враги производили страшный крикъ, метались во всѣ стороны и начали сильную пушечную пальбу. Внезапность и быстрота не ужасаются грома пушечнаго. Не давъ опомниться непріятелю, Боуръ и Репнинъ, по приказанію Румянцева, немедленно учинили нападеніе на непріятельскій лагерь съ правой стороны; въ то же время и самъ Вождь, устроя армію *каррелли*, поспѣшилъ къ укрѣпленію. Татары, пораженные огнемъ Рускихъ съ праваго крыла, гдѣ былъ ихъ станъ, выбѣжали и устремились лощиною на лѣвое наше крыло; но покушеніе ихъ было отражено. Между тѣмъ Генералъ *Мелиссино*, заставя молчать непріятельскую батарею и мѣткими выстрѣлами подбивая непріятельскія пушки, очищалъ путь въ укрѣпленія. Едва первыя отдѣленія Рускихъ войскъ начали

пробиваться въ станъ непріятельскій съ правой стороны, *Плѣмянниковъ*, оправдывая довѣренность Румянцева, пушечными выстрѣлами возвѣстилъ приступъ свой на лѣвую сторону укрѣпленій Турецкихъ. Восхищаясь симъ удачнымъ подвигомъ, Румянцевъ поручилъ вести армію Генераламъ *Олицу* и *Брюсу*, а самъ поскакалъ къ войскамъ, нападавшимъ на лагерь. Присутствіе Героя претворило всѣхъ воиновъ въ героевъ. Храбрые гренадеры штыками и грудью низпровергли укрѣпленія и вошли въ станъ сопротивниковъ. Имъ представлялись сокровища, но корысть не останавливала ихъ; они пылали рвеніемъ къ одной славѣ: они брали пушки, а не золото. Тщетно враги усиливались отражать героевъ стрѣльбою и саблями; упорство враговъ усугубляло мужество Русскихъ. Быстро неслись они на крутую гору; не разстроиваясь въ рядахъ, въ одно мгновеніе ока взлетѣли на высоту холмовъ. Брося станъ свой, непріятель обратился въ бѣгство. Утренняя заря встрѣтила полки Русскіе на высотахъ рѣки *Ларги*; полдневное солнце узрѣло славу ихъ въ полномъ блескѣ на холмахъ стана со-

противниковъ. Битва *Ларгская* началась въ четыре часа утра, а кончилась въ двѣнадцать. Приказавъ остановиться храбрымъ воинамъ, утомленнымъ ночнымъ походомъ и порывистымъ бѣгомъ на гору, Румянцевъ благодарилъ ихъ за усердіе, храбрость и за безкорыстіе, украшающее мужество.

Битва *Ларгская* была только предвѣстіемъ побѣды подъ *Кагуломъ*. Непріятель не потерпѣлъ рѣшительнаго пораженія отъ того, что не всѣ разпоряженія Румянцева были исполнены. Со времени сей битвы Татары, притворяясь, будто бы разссорились съ Турками, отдѣлились отъ нихъ и учредили особый станъ, надѣясь сею хипростію обмануть Рускихъ.

Въ половинѣ Іюля Визирь со всѣми силами своими перешелъ изъ окрестностей *Исачки* въ станъ, расположенный подлѣ озера *Кагула*. Слѣдуя своему правилу, Румянцевъ рѣшился ближе подвинуться къ непріятелю.

17 Іюля главное войско соединилось съ *корпусами* своими, стоявшими при рѣчкѣ *Кагулѣ*. Татары, переправясь за рѣку Салгу, учинили нападеніе на часть обоза подвижнаго *магазейна*; покушенія ихъ были

опражены. Въ слѣдующіе два дни наглые Турецкіе наѣздники подскакивали къ стану Рускому для обозрѣнія онаго; Донскіе козаки полка *Иловайскаго*, за три дни передъ тѣмъ прибывшіе къ войску, первые изъ легкихъ Рускихъ войскъ отважились въ сію войну нападать на Турецкихъ рыцарей и наѣздниковъ.

20 Іюля въ станѣ непріятельскомъ начались повсемѣстныя движенія. Румянцевъ, взошедъ на возвышеніе, смотрѣлъ въ зрительную трубку на предпріятія враговъ. Сперва казалось, что они покушались напасть, потомъ вдругъ остановились. Въ сіе мгновеніе, оборотясь къ Генераламъ своимъ, Румянцевъ сказалъ: „Естьли Турки осмѣляться тамъ раскинуть хотя одну палатку, я въ сію же ночь нападу на нихъ.“ Какъ будто бы слыша угрозы Румянцева, Турки потянулись къ лѣвой сторонѣ устья рѣки *Кагула* и заняли тамъ лагерь верстахъ въ семи отъ стана нашего.

Сблизясь съ Рускими, Турки намѣрены были устремиться спереди въ то самое время, когда Крымскій Ханъ съ многочисленными скопищами своими обляжетъ тылъ и нападетъ на оный. Бѣдственно было поло-

женіе Рускихъ : они издерживали *послѣднія крохи; сто пятьдесятъ тысячъ* Турокъ ополчились имъ въ лице ; *сто тысячъ* Татаръ облегли тылъ, отрѣзавъ подвозъ продовольствія. Рускихъ было только *семнадцать* тысячъ, но съ ними былъ Румянцевъ. Въ ночь на 20 число Іюля 1770 года все учреждено было къ нападенію. Здѣсь должно упомянуть, что по учиненнымъ предсказаніямъ Турки почитали *двадцать первое* число днемъ щастливымъ. Хотя еще не усматривали они ни одного Рускаго воина, но уже готовы были къ отраженію. Руское войско, раздѣленное на пять частей, построилось въ боевой порядокъ и приближилось на разсѣтѣ къ дорогѣ, получившей названіе отъ Римскаго Императора *Траяна*. Румянцевъ шелъ по слѣдамъ его. При переходѣ Рускихъ за *Траяновец* дорогу силы Турецкія явились на высотахъ, окружавшихъ ихъ станъ, и ударили конницею, занимавшею необозримое пространство. Генералъ *Мелиссино* вскорѣ отразилъ и разсѣялъ Турокъ пушечными выстрѣлами съ *батареи* своей.

Тщетно возбуждалъ Визирь войска свои къ оборонѣ; Турки, не смѣя устремиться

въ лице Рускимъ, воіяли: „Нѣтъ силъ нашихъ сбить съ мѣста Россіянъ; они разятъ огнемъ какъ молніей.“ Между тѣмъ сильныя толпы враговъ, пользуясь лощиною, спѣшили зайти Рускимъ въ тылъ. Сквозь дымъ и огонь наблюдая всѣ шаги сопротивниковъ, Румянцевъ быстрымъ поворотомъ полковъ своихъ угрожалъ отрѣзать Турокъ отъ ихъ стана; Турки съ крикомъ и непомѣрною быстротою понеслись къ оному. Вся Турецкая конница, нападавшая на карре *Пламенщикова*, вострепетала. Уничтожа первое стремленіе враговъ и находясь въ непрерывномъ огнѣ съ 5 часа утра до 8, Рускіе очистили себѣ путь и удвоили шаги къ стану Турецкому. Всѣ пушечные выстрѣлы со стороны непріятельской обратились на то *карре*, гдѣ находился Румянцевъ, и на *карре* Пламенникова, шедшее по лѣвую сторону. Непріятель въ одну ночь сдѣлалъ укрѣпленіе, обведенное тройными рвами, наполненными *янычарами*. Рямянцевъ непрестанно былъ подъ тучею ядеръ, не рѣдко попадавшихъ въ лошадей сопровождавшихъ его Чиновниковъ. Уже Турецкія *батареи* начинали умолкать и *карре* Пламенникова простирало руки къ

овладѣнію укрѣпленіемъ, какъ вдругъ десять тысячь янычаръ, выскоча изъ лощины, ударили на правую сторону *карре*, ворвались въ средину, смяли нѣсколько полковъ и заставили ихъ бѣжать къ карре Генерала *Олица*. Побѣда колебалась; но неустрашимый духъ Румянцева не поколебался. Присутствіе любимаго Начальника поржествуетъ въ часы грозной опасности. Увидя бѣгство Рускихъ полковъ, Румянцевъ сказалъ Принцу *Брауншвейгскому*, бывшему съ нимъ: *теперь настало наше дѣло!* съ симъ словомъ полетѣлъ онъ къ бѣгущимъ полкамъ, смѣшавшимся подъ *саблею Турецкою*, и вскричалъ: *стой, ребята!* Голосъ Героя въ одинъ мигъ отозвался въ слухѣ и сердцахъ воиновъ; Рускіе остановились и устроились. Первый гренадерскій полкъ подъ предводительствомъ Бригадира *Озерова* отразилъ янычаръ. Карре Пламенникова здвинуло ряды, и возгласивъ: „да здравствуетъ Екатерина!“ устремилось впередъ. Чрезъ тройные рвы Рускіе взлетѣли въ укрѣпленія. Визирь, устрашенный пораженіемъ янычаръ, составлявшихъ *первую его стѣну*, обратился въ бѣгство; смерть, стыдъ и ужасъ преслѣдовали его. Турки,

спасшіеся отъ штыковъ, гибли толпами въ волнахъ Дуная. Рускіе воины, видѣвшіе Предводителя въ непрестанномъ огнѣ, привѣтствуя его съ побѣдою, восклицали: *Ты прямой солдатъ!*

До битвы *Кагульской* не рѣшено было, могъ ли бы Петръ Первый съ *тридцатью* тысячами отбиться отъ двухъ сотъ семидесяти тысячь Турокъ и Татаръ, естьлибъ тогдашній Визирь не поспѣшилъ заключить мира. Румянцевъ, поразившій подъ Кагуломъ съ *семнадцатью* тысячами сто пятьдесятъ тысячь *Турокъ* и отразившій сто тысячь *Татаръ*, угрожавшихъ съ тылу, рѣшилъ сей споръ въ пользу Руской славы, и доказалъ, что и Петръ могъ бы опрокинуть непріятеля, въ *семь* разъ его сильнѣйшаго.

Румянцевъ, говоритъ одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, служившій подъ его начальствомъ (1): вступя въ Молдавію, учредилъ отряды, сообразуясь со временемъ и обстоятельствами и совокупя остальныя силы, едва простиравшіяся до

(1) Смотр. Замѣчанія Виктора Филостратова на книгу Генерала *Лойда*, подъ заглавіемъ: *Военныя и политическія записки.*

двадцати тысячь, къ удивленію вселенной, въ нѣсколько дней разбилъ и уничтожилъ при *Ларгѣ* и при *Кагулѣ* исполинское ополченіе Турокъ, заключавшее въ себѣ болѣе двухъ сотъ тысячь ратниковъ. Поразя ихъ ужасомъ, Румянцевъ отдѣленіемъ новыхъ отрядовъ, покорилъ Килію, Измаилъ, Браиловъ, Галацъ, словомъ, очистилъ весь лѣвый берегъ Дуная. Онъ, можно сказать, первый показалъ Европѣ, какъ должно дѣйствовать противъ Турокъ. Руской нашъ Полководецъ во всю войну потерялъ только два малые отряда. Потеряніе Журжи произошло отъ трусости Каммендантa. Въ приказѣ своемъ отъ 3 Іюня 1771 года Румянцевъ говоритъ: „Всѣмъ явно, что сіе безславіе оружія произошло отъ малодушія тамошняго Коммендантa: онъ не продолжалъ обороны до надлежащаго времени.“ Храбрый *Анрепъ*, погибшій въ лѣсу при монастырѣ *Команѣ* съ егерскимъ баталіономъ, неосторожность свою загладилъ мужествомъ безпримѣрнымъ. Пятнадцать тысячь Турокъ окружили горсть Рускихъ. Начальникъ и всѣ подчиненные его пали съ оружіемъ въ рукахъ; никто не отдался въ плѣнъ. Неудачи могутъ всегда случаться-

ся; но такая неудача есть торжество мужества, и память Героевъ, предпочетшихъ смерть плѣну, достойна уваженія.

Екатерина, заключавшая славу свою въ славѣ своихъ Героевъ, послѣ *Кагульскаго* сраженія писала къ *Вольтеру*: „Румянцевъ произведенъ за новую побѣду *Фельдмаршаломъ*. Онъ увѣдомляетъ, что войска Рускія, подобно древнимъ Римлянамъ, не спрашиваютъ: *сколько непріятелей*; *но гдѣ они*? Однихъ Турокъ, защищаемыхъ съ тылу Измаильскою крѣпостью, было сто пятьдесятъ тысячъ; укрѣпленія ихъ простирались на высотахъ при рѣчкѣ *Кагулѣ* въ двадцати пяти верстахъ отъ *Дуная*. Флотъ Рускій нанесъ новое пораженіе Туркамъ при *Наполи де Романіи*. Въ знаменитый день *Кагульской* битвы, то есть 21 Іюля, началась осада Бендеръ. Князь *Прозоровскій* превозшелъ Турокъ между *Очаковымъ* и *Бендерами*; Азовской флотъ въ очахъ Порты укрѣпляется въ силѣ, числѣ и надеждѣ.“

Между тѣмъ Визирь перешелъ за Дунай. Отъ ста пятидесяти тысячъ подъ знаменемъ Магометовымъ осталось только пятнадцать; сорокъ тысячъ погибли во время битвы и въ волнахъ Дуная, прочіе раз-

сѣялись; многіе бѣжали въ Константинополь и принесли вѣсть о претерпѣнномъ пораженіи. Въ то же время Рускіе корабли, истребившіе непріятельскій флотъ подъ *Чесмою*, явились въ *Дарданеллахъ*. Въ сихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ *Мустафа* Третій созвалъ *Диванъ* и вѣщалъ: „Со вступленія моего на престолъ я руководствовался вашими совѣтами; вы не допустили меня лично предводительствовать войскомъ. Выборъ двухъ неспособныхъ Визирей обманулъ надежды мои и ожиданія народа. Естьли польза и слава Турціи требуютъ продолженія войны, я снова вызываюсь предводительствовать войскомъ. Еще не всѣ средства изчезли; Франція, вѣрная и древняя наша союзница, будетъ содѣйствовать усиліямъ нашимъ. Уже по повелѣнію моему уговариваюпся съ нею о покупкѣ кораблей, долженствующихъ замѣнить флотъ, истребленный огнемъ и волею Провидѣнія; Христіянскія области изъявляютъ благосклонность, нужную намъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ; *Вѣнскій* и *Берлинскій* Дворы предлагаютъ посредничество свое. Сіи Державы вызываются исходатайствовать миръ, не уни-

жающій ни славы, ни достоинства Порты, ни закона великаго нашего Пророка (*)."

15 Сентября 1770 года воспослѣдовало торжество въ память побѣды, одержанной подъ *Чесмою*. Сіе празднество Екатерина не для себя устроила, но въ честь Петра Перваго, основателя Россійскаго флота. Изъ собственныхъ рукъ повергла она предъ гробомъ его первый отнятый у Турокъ флагъ съ Арабскою надписью: *Боже! дай побѣду!* Отрекаясь отъ побѣды, прославившей ея царствованіе на дальнихъ моряхъ, и предъ очами полвселенной Екатерина произнесла сіи слова: *Я полагаю славу мою къ стопамъ Петра Великаго; онъ творецъ Россійскаго флота и виновникъ нашего торжества надъ флотомъ враговъ.*

Сей день украсился скромностью, благодарностью и торжествомъ духовнаго витійства. По сему случаю Платонъ произнесъ незабвенную Рѣчь; умнымъ и разительнымъ дѣйствіемъ придалъ онъ словамъ

(*) Смот. Оттоманскую Исторію, изданную въ Парижѣ 1817 г., Часть IV, стр. 26.

своимъ еще болѣе силы. Изчисливъ побѣды и труды Петра Перваго, онъ вдругъ сошелъ съ амвона, величественными стопами приближился къ гробницѣ и, какъ будто бы вызывая Петра въ свидѣтели торжества, для него учрежденнаго, коснулся дланью покрова. Встрепенулся покровъ; поколебались и трофеи, осѣнявшіе вмѣстилище праха основателя Рускаго флота и духовный Виѳія воскликнулъ: *возстань!* Казалось, что Петръ дѣйствительно пробудился отъ смертнаго сна среди славы, озарившей оружіе Екатерины. Потомъ изъ глубины души своей духовный Виѳія перелилъ въ сердца изумленныхъ слушателей сіи восхитительныя слова: „Возстань теперь, Великій Монархъ, *Отечества* нашего Отецъ! возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое; оно не истлѣло отъ времени и слава его непомрачилася. Возстань и насладися плодами трудовъ Твоихъ! Флотъ, тобою устроенный, уже не на морѣ Черномъ, не на Океанѣ Сѣверномъ, но гдѣ? Онъ на морѣ Средиземномъ, въ странахъ Восточныхъ, въ Архипелагѣ, близъ стѣнъ Константинопольскихъ, въ тѣхъ то есть мѣстахъ,

куда ты не рѣдко око свое обращалъ и гордую намѣревалъ смирить Порту. О, какъ бы твое, Великій Петръ, сердце возрадовалось, естьли бы. . . Но слыши: мы тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ, слыши: флотъ твой въ Архипелагѣ, близъ береговъ Азійскихъ, Оттоманскій Флотъ до конца истребилъ. Россійскіе высокопарные орлы, торжествуя, именемъ твоимъ весь Востокъ наполняютъ и стремятся предстать предъ стѣны Византійскія."

Къ увѣнчанію воинской славы 1770 года покорены были *Бендеры* въ половинѣ Сентября. „По данному знаку," сказано въ извѣстіяхъ того времени: „всѣ рѣшились или взять городъ, или умереть на стѣнахъ его. Всѣ, одушевляясь долгомъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, возревновали подражать славнымъ дѣламъ предковъ своихъ, и воскипѣвъ усердіемъ къ великой своей Государынѣ, устремились изъявить бодрость духа и честность сердца своего . . . Оспальные полки, приспѣвшіе на помощь соповарищамъ своимъ, рвалися превзойти первыхъ мужествомъ и ускорить побѣду." Сія побѣда совершилась подъ пред-

водительствомъ Графа Петра Ивановича *Панина*.

Еще до взятія *Бендеръ* всѣ воины *второй* арміи пылали рвеніемъ къ чести и славѣ. Графъ *Каменскій*, служившій тогда Генералъ-Маіоромъ, добровольно вызывался во всѣ опасныя мѣста и вездѣ оказывалъ примѣрное искуство и мужество. Генералъ *Лебель*, получившій смертельную рану при отраженіи сильной непріятельской вылазки, къ ободренію воиновъ своихъ сказалъ: „Не жалѣю о жизни; она принесена на жертву Государынѣ и Государству.“ Герой умеръ съ сими словами. Генералъ-Маіоръ *Олсуфьевъ* хотя страдалъ отъ болѣзни, но передъ приступомъ исключилъ себя изъ числа больныхъ, говоря, что долгъ Генерала вдаваться въ опасность за Отечество. Полковникъ *Миллеръ*, давъ слово Графу Панину взойти прежде всѣхъ на стѣну, оставилъ ему письмо, въ которомъ препоручалъ Екатеринѣ жребій жены своей и четырехъ дѣтей. *Миллеръ* сдержалъ слово свое: онъ первый взлетѣлъ на стѣны Бендерскія и первый умеръ за Отечество. 1770 Годъ по всей справедливости принадлежитъ къ числу блистательнѣйшихъ годовъ Руской славы.

Французской Сочинитель новой Оттоманской Исторіи увѣряетъ, будто бы при взятіи *Бендеръ* Рускіе потеряли *двадцать тысячь*; по свидѣтельству же Графа *Панина* Рускихъ на приступѣ было только *одиннадцать*, а Турокъ въ городѣ находилось *пятнадцать* тысячь. Большая часть сего войска состояла изъ *Арабовъ*, ревновавшихъ защитить славу *Алкорана*. Графъ Панинъ, уважая мужество ихъ, говоритъ, что они неоднократно удивляли отважностью своей. Похвально отдавать справедливость непріятелю, но непростительно въ Исторіи клеветать и затмѣвать заслуженную славу.

Необычайныя произшествія, побѣды и торжество одной Державы производятъ различныя сужденія во всѣхъ другихъ областяхъ; то же было и относительно Россіи въ блистательный *1770* годъ.

Въ сей знаменитый годъ, когда Руское оружіе вездѣ гремѣло, куда только оно простиралось, въ Лондонѣ издано было письмо, которымъ домогались отвлечь Англію отъ союза съ Россіей, увѣряя ее: *что союзъ сей не совмѣстенъ съ ея выгодами; что она не должна желать ни распространенія Россіи*,

ни паденія Оттоманской Державы: ибо существованіе оной во всей очевидности выгодно политическимъ пользамъ и торговлѣ Англичанъ. „Припомните“ сказано въ томъ же письмѣ: „припомните 1758 годъ. Мы намѣрены были тогда отправить въ Балтійское море эскадру; и какъ же поступили Рускіе? Они немедленно заключили союзъ со *Швеціей* и *Даніей*, чтобы преградить намъ туда входъ.“

Въ Лондонѣ же вышло и возраженіе на сіе письмо. „Въ 1758 году“ говоритъ сочинитель возраженія: „Россія была въ войнѣ съ *Пруссіей*. Рекруты, снаряды и продовольствіе надлежало отправлять изъ Петербурга моремъ въ *Ригу*, въ *Ревель* и другіе Балтійскіе порты. Цѣль назначенія эскадры нашей въ Балтику клонилась къ предупрежденію сихъ вспомоществованій, чтобы чрезъ то принесть ощутительную пользу нашему союзнику. За недостаткомъ препровождаемыхъ пособій моремъ, Руская армія погибла бы отъ голода. И такъ не требовало ли само благоразуміе, чтобы Рускіе всячески старались не допустить въ Балтійское море Англинскую эскадру, которая стѣснила бы ихъ торговлю, обезпечи-

лабъ *порты* ихъ враговъ и запрудилабъ подвозъ всѣхъ потребностей въ армію? И такъ, сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, Елисавета должна была прибѣгнуть къ мѣрамъ, ею принятымъ; и каждый Государь, поступившій подобно ей, чуждъ нареканія: никто не могъ бы укорить его въ несправедливости. Припомнимъ также, къ славѣ сей Императрицы, что въ то самое время, когда мы доставляли важныя денежныя пособія ея непріятелямъ, она великодушно обходилась съ нашимъ посломъ и со всѣми Англичанами, жившими въ ея областяхъ. Касательно же нынѣшней войны съ Турціей, извѣстно, кто возбудилъ къ оной Турокъ. Она внушена имъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Россія сильнымъ содѣйствіемъ своимъ возвела на Польскій пресполъ Вельможу, не принадлежавшаго къ Королевскому поколѣнію. Извѣстно также, что возжегшіе сію войну предполагали вовлечь Россію въ обстоятельства, не соразмѣрныя ея силамъ и долженствовавшія подавить ее тяжкимъ своимъ бременемъ. Занявъ нашу сильную союзницу, они надѣялись напасть на насъ совокупными силами. Но, благодаря Бога

войны, наши непріятели обманулись въ злонамѣренной надеждѣ своей. Душа Екатерины Второй оживила мужествомъ и флотъ и сухопутныя ея силы. Россія, въ царствованіе Анны соединенная съ Австріей, вмѣстѣ съ сей Державой не могла того сдѣлать, что сдѣлала одна Екатерина къ униженію *гордой Луны*. Впрочемъ говорятъ, что Французы и Гишпанцы ничего теперь не предпринимаютъ противъ насъ непріязненнаго. Но почему только *теперь?* Потому, что могущество, пріобрѣтенное Россіей на Востокѣ истребленіемъ Турецкаго флота, заставило ихъ перемѣнить мысли свои. Россія наша союзница; а по сему важному обстоятельству здравая политика требуетъ, чтобы мы не только желали ей добра, но и препятствовалибъ всѣмъ тѣмъ, которые захотятъ остановить ее на поприщѣ ея побѣдъ. Истина безспорная и непреложная, что распространеніе Россіи умножитъ наше вліяніе и еще болѣе утвердитъ въ рукахъ нашихъ *всѣ Европейскія*. — Рускимъ всегда выгодно сношеніе съ Англичанами, ибо морская ихъ сила будетъ имъ полезна для прикрытія ихъ пристаней. А съ нашей стороны мы мо-

жемъ съ основательною надеждою ожидать важнаго приращенія нашей торговли и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она теперь весьма ограничена, и тамъ, гдѣ ее вовсе нѣтъ, отъ слѣпаго пристрастія *Турокъ* къ *Французамъ*, которые ихъ въ теченіи цѣлаго столѣтія заставляютъ дѣйствовать по расчисленію выгодъ своихъ. Вотъ что было причиной частыхъ вторженій Турокъ въ *Венгрію* и *Польшу*, по назначаемому имъ направленію. Словомъ, для собственныхъ и истинныхъ выгодъ своихъ мы должны поддерѣплять Россію всею силою нашихъ флотовъ; мы должны за нее ополчаться противъ каждаго, кто покусится остановить ея успѣхи и захочетъ быть посредникомъ въ томъ дѣлѣ, котораго мы должны быть распорядителями, естьли не намѣрены утратить вліянія и славы своей."

Между тѣмъ, какъ во Франціи въ теченіи 1770 года усиливались остановить и уничижить успѣхи Россіи; между тѣмъ въ собственныхъ ея нѣдрахъ начали шумѣть отдаленныя бури, предвѣщавшія бури грозныя и разрушительныя. Могла ли она тогда предвидѣть, что ей отъ первобытнаго ея вѣковаго бытія оставалось толь-

ко существовать около осмнадцати лѣтъ? Но что можетъ предвидѣть бренный умъ человѣческій? Однакоже, какъ будто бы по особенному откровенію, первостепенные гражданскіе Чиновники и духовенство, устрашенные наводненіемъ развратныхъ книгъ, торжественно вступились за вѣру и нравственное бытіе общественное.

Вотъ какъ о семъ объяснялся нѣгдашній Канцлеръ *Сегіе*: „Мы знаемъ, какой подвергаемся ненависти, отваживаясь представить взорамъ гражданскихъ судилищъ сонмище предпріимчивое и многочисленное. Но сколь ни опасно возставать явно противъ тѣхъ, которые, проповѣдуя *терпимость*, питаютъ непреклонную *нетерпимость* ко всѣмъ тѣмъ, которые не согласшаются съ ихъ мнѣніями; сколь ни опасенъ сей подвигъ; но мы исполнимъ обязанность нашу съ неустрашимостію защитниковъ истины и блага общественнаго. Нѣтъ! уже намъ не дозволено молчать о наводненіи сочиненій, изрыгнутыхъ нечестіемъ и вольнодумствомъ. Мы уже оныя собрали, и въ то же время извѣстились, что сей развратъ возбудилъ общее негодованіе соединившагося Французскаго Духовенства...

Чего домогаются сочинители сихъ книгъ нечестивыхъ? Они хотятъ не только истребить Вѣру Христіянскую, но уничтожить и всякое благочестивое исповѣданіе, и всякій страхъ Божій, и всякое сообщеніе неба съ землею. Они не только стремятся нововведеніями владычествовать надъ умами, но и погасить въ сердцахъ до послѣдней искры Богопочитанія. Сіи безпокойные и предпріимчивые умы, сіи враги всякой зависимости алчутъ возмутить всѣ политическія постановленія; они усиливаются передать исполнительную и законодательную власть народу; они тогда только удовлетворятся въ замыслахъ своихъ, когда уничижатъ величіе Царей; когда учинятъ ихъ власть ненадежною и порабощенною слѣпой толпѣ; наконецъ, когда съ помощію сихъ неистовыхъ перемѣнъ они низвергнутъ вселенную въ безначаліе и въ бездну всѣхъ злоключеній, съ нимъ нераздѣльныхъ."

Въ теченіи сего достопамятнаго 1770 года сочетался бракомъ Французскій *Дофинъ*, бывшій потомъ злополучнымъ Людовикомъ XVI, съ Маріей Антуанетой, дочерью Императрицы Маріи Терезіи. На

данномъ празднествѣ народу по случаю сего торжества могибло 162 человѣка и подняли раненыхъ 45 человѣкъ: сіе горестное произшествіе сочтено было бѣдственнымъ предзнаменованіемъ. Дофинъ воскликнулъ въ слезахъ: *я родился нещастливымъ!*

Такъ протекалъ 1770 годъ. Молніи Рускихъ, сожегшія Турецкій флотъ, опламеняли небо Греціи и Азіи. Греки оживотворились; Турки повергліись въ уныніе. Оружіе побѣдоносныхъ Рускихъ войскъ, гремѣвшее въ Молдавіи, и побѣды морскихъ силъ попрясали стѣны гордаго Стамбула; въ предѣлахъ Франціи шумѣли бури, предвѣщавшія бури новыя и люшѣйшія; Англія и прочія Европейскія Державы наблюдали произшествія и ожидали благопріятнаго мгновенія, когда имъ удастся воспользоваться выгодами мнимой расчетливости и предусмотрительности.

1770 Года Порта Оттоманская ощущала повсемѣстныя пораженія. Оружіе Руское гремѣло въ горахъ *Ковказскихъ*. Нѣсколько Татарскихъ ордъ, прибѣгшихъ подъ покровительство Россіи, предвѣстили, что *Крымъ*, опустошавшій нѣсколько вѣковъ

предѣлы нашего Отечества, перестанетъ быть для него гнѣздомъ враждебнымъ. Флоты Екатерины Второй угрожали Крыму и Константинополю. *Палестина* отклонилась отъ Султана. Изъ Египта изгнанъ былъ Турецкій Паша. *Алибей*, одинъ изъ начальниковъ *Мамелюковъ*, хотѣлъ возобновить древнее могущество владыкъ Египетскихъ.

Мы уже сказали и видѣли, что слава Рускаго оружія, гремѣвшая въ трехъ частяхъ свѣта, возбуждала вниманіе Европейскихъ Державъ. Въ исходѣ 1770 года Фридрихъ Второй отправилъ въ Петербургъ брата своего Принца *Генриха* ходатайствовать о мирѣ между Россіей и *Портой* и предложить раздѣлъ Польши. Въ первомъ Генрихъ не успѣлъ; на второе Екатерина согласилась.

Въ 29 день Іюня 1771 года казалось, что всѣ торжества двухъ предшествовавшихъ лѣтъ возобновились на празднествѣ, данномъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ въ приморскомъ *Ловендальскомъ* его домѣ и украшенномъ присутствіемъ Екатерины.

Сіе празднество было соединеніемъ и всѣхъ прелестей сельской жизни и всего великолѣпія, напоминавшаго славу Рускаго оружія. Сообразуясь съ качествами Руской Царицы, которая съ *малыми средствами достигала великой цѣли*, гостепріимный хозяинъ препроводилъ ее сперва къ сельской хижинѣ, которая въ очахъ ея преобразилась въ храмъ *побѣды*. *Екатерина* вступила во внутренность храма, или лучше сказать, въ область славы своей.

Возносившіеся трофеи представляли слѣдующія *шесть* побѣдъ:

Первая. Взятіе Хотина 9 Сентября 1769 года. *Геній* въ радужномъ сіяніи надъ городомъ гласилъ: *сопротивленіе было бы тщетно.*

Вторая. Сраженіе при рѣкѣ Ларгѣ 7 Іюля 1770 года. Слава, паривша я въ облакахъ, вѣщала: *не силѣ однилѣ кончится.*

Третія. Кагульская битва 21 Іюля 1770 года. Минерва, взиравшая съ превыспренняго свода, показывала свиткокъ съ симъ начертаніемъ: *число преодолѣно храбростію.*

Четвертая. Сожженіе Оттоманскаго флота при Чесмѣ. Орелъ, парившій въ небе-

сахъ и испускавшій молніи, держалъ свитокъ съ надписью: *небывалое исполнилось.*

Пятая. Взятіе Бендеръ 16 Сентября 1770 года. На тверди небесной являлась Беллона, метавшая на городъ стрѣлы: Въ одной рукѣ держала она пылавшій факелъ, а въ другой хартію съ надписью: *что можетъ устоять?*

Шестая. Покореніе Кафы и всего Крыма 1771 года. Слава, парившая среди лучезарныхъ облаковъ, держала въ рукахъ лавры для увѣнчанія Героевъ-Россовъ. Крымъ, восхищенный владычествомъ Екатерины, показывалъ свитокъ съ надписью: *Коль сладокъ нынѣ жребій мой!*

Изъ храма побѣды Екатерина перешла въ *Китайское урочище*, гдѣ, казалось, весь Китай помѣщенъ былъ въ маломъ видѣ. Оттуда посѣтила она пріятнѣйшее для нее зрѣлище: *селеніе зажиточныхъ Русскихъ крестьянъ.*

Присутствіе Екатерины приносило всему новую жизнь. Ликовавшіе сонмы народа сердечными кликами изъявляли, что они дѣйствительно ею блаженствуютъ.

Левъ Александровичъ Нарышкинъ, приверженный къ Екатеринѣ и какъ родст-

венникъ и какъ усердный подданный, во все ея царствованіе былъ угостителемъ народа и особенно *Азіятцевъ*, покоившихся подъ ея Державой. Всѣ Азіятскіе пріѣзжіе въ Петербургъ находили въ домѣ Нарышкина ласковаго хозяина и друга. Для каждаго изъ нихъ, по различію ихъ вкусовъ, приготовлялось особенное кушанье. Иногда было за столомъ опъ сорока и болѣе сихъ посѣтителей въ разновидныхъ ихъ одеждахъ. Пріятно имъ было видѣть, что Вельможа Двора *Великой ихъ Государыни* заботился о нихъ какъ о лучшихъ гостяхъ своихъ, какъ о любимыхъ своихъ друзьяхъ. Возвращаясь въ родной свой край, они пересказывали соотечественникамъ о славной Сѣверной столицѣ, гдѣ встрѣчали новое Отечество; чувствованія, возбужденныя въ сердцахъ ихъ ласкою, передавали тѣмъ, которые не видали того, чѣмъ они восхищались. Такимъ образомъ ласка и привѣтливость заключали новый союзъ между Русскими и племенами Азіятскими; такимъ образомъ Екатерина привлекала къ себѣ души всѣхъ подданныхъ обширнаго своего Царства.

Предпринимая издавать какое нибудь постановленіе для пользы общенародной,

Екатерина любила знать, *что скажетъ о томъ народъ*. Нарышкинъ и въ семъ случаѣ былъ посредникомъ между Екатериной и народомъ. Онъ зналъ духъ Рускихъ; онъ умѣлъ вникать во всѣ изгибы Рускихъ сердецъ; ласковою и веселою привѣтливостію онъ умѣлъ сближать съ собою души и умы народа. Народъ называлъ его *Рускимъ Бариномъ*, и дарилъ его тѣмъ, что всего было пріятнѣе Вельможамъ и Чиновникамъ вѣка Екатерины Второй: онъ дарилъ его искреннею любовью. Люди Рускіе объяснялись съ нимъ откровенно; и Екатерина, Матерь народа, узнавая общенародное мнѣніе, соображала съ нимъ постановленія свои.

Пруской Принцъ желалъ видѣть Москву и привезенъ былъ туда въ *тридцать восемь* часовъ. Пребываніе его въ древней Столицѣ въ началѣ 1771 года ознаменовано было великолѣпными празднествами, украшавшимися воспоминаніями блестящихъ побѣдъ прошедшаго года. Но среди общаго ликованія скоплялась уже надъ Москвою грозная туча; въ Февралѣ мѣсяцѣ постигло ее моровое повѣтріе. Безопасность города и жребій жителей Екатерина ввѣрила Петру Дмитріевичу *Еропкину*, оправ-

давшему выборъ ея рвеніемъ къ общей пользѣ.

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались въ Турціи. Непріятель, по неоднократнымъ опытамъ узнавъ силу и искусство Рускихъ, сдѣлался осторожнѣе, и не скопляясь многочисленными толпами, не разсѣяваясь по разнымъ мѣстамъ, старался охранять себя и вредить сопротивникамъ; Россіяне также дѣйствовали отдѣленіями. Въ продолженіе 1771 года новые Герои начали появляться на поприщѣ военномъ. Князь *Потемкинъ*, бывшій тогда Генералъ-Маіоромъ, принялъ корпусъ отъ Генерала *Кречетникова*. Заслужа вниманіе Екатерины, Потемкинъ хотѣлъ быть и въ числѣ любимцевъ славы и побѣдъ. Генералъ *Вейсманъ*, имѣя въ виду одну службу, отличался искусствомъ и личною храбростью. При взятіи *Тулчи*, подавая примѣръ воинамъ, Вейсманъ вскочилъ въ ровъ и чрезъ *амбразуру* взошелъ съ гренадерами на башарею. Генералъ *Озеровъ*, отличившійся въ Бригадирскомъ чинѣ подъ Кагуломъ, вездѣ гналъ враговъ, гдѣ только встрѣчалъ ихъ. Генералъ-Маіоръ *Милорадовичъ* въ исходѣ 1771 года, съ небольшимъ отрядомъ перешелъ

за Дунай, поразилъ *восемь* тысячь Турокъ и овладѣлъ *Мачиномъ*. Генералъ-Маіоры *Текили*, *Игельстромъ*, *Гудовичъ* и прочіе пылали рвеніемъ къ подвигамъ чести.

Въ томъ же 1771 году *вторая* армія, порученная начальству Князя Василія Михайловича *Долгорукова*, 9 Іюня отъ Днѣпра двинулась въ *Крымъ*. При нападеніи на *Перекопскія* укрѣпленія возобновился подвигъ, прославившій воиновъ, предводимыхъ *Минихомъ*. Отъ подошвы рва до поверхности вала было тридцать саженъ; лѣстницы и до половины сей вышины не доставали. Спустясь въ ровъ и вонзая штыки въ валъ, Рускіе взошли на оный. Въ то же время одна егерская колонна, поспѣшая за прочими войсками на валъ, быстро втащила пуда на канатахъ два единорога. Надежда на Бога и вѣрность все преодолѣваютъ. Съ высоты неприступныхъ укрѣпленій Рускіе видѣли страхъ и бѣгство враговъ. Въ исходѣ Іюня занята была *Кафа*.

Военныя дѣйствія внутри *Польши* становились часъ отъ часу важнѣе. Сколько ни тайно предполагался раздѣлъ сего Королевства, но сей случай подтвердилъ; что тайны *Кабинетскія* не всегда бываютъ

шайною. Вскорѣ разнеслась въ Польскихъ предѣлахъ молва, что Польша не должна быть Польшею. Воспылавъ негодованіемъ и вступаясь за независимость свою, Поляки вновь составили сильныя *конфедераціи*, или союзы. Повсюду раздавались клики: *умремъ за отчизну!* Рускія войска, разсѣянныя малыми отрядами въ Литвѣ и Польшѣ, принуждены уступать многочисленнымъ конфедератамъ и рвенію защитниковъ свободы своей.

Предложимъ о подвигахъ Рускихъ 1771 года въ Крыму изъ писемъ Екатерины къ Вольтеру. Когда можно на нее ссылаться, тогда ненужно прибѣгать ни къ какимъ другимъ источникамъ. Вмѣстѣ съ повѣствованіемъ произшествій Екатерина изображаетъ и чувствованія свои къ Россіи: тѣмъ драгоцѣннѣе ея описаніе.

„Войска мои подъ предводительствомъ Князя Долгорукова“ говоритъ она: „взяли приступомъ *Перекопскія линіи* и вошли въ Крымъ. Ханъ, предводительствовавшій пятьюдесятью тысячами Татаръ и семью тысячами Турокъ, извѣстясь, что отдѣльный корпусъ спѣшитъ его отрѣзать,

обратился въ бѣгство; уже депутаты явились въ Руской станъ для переговоровъ.

„Адмиралъ *Синявинъ*, отправясь изъ Таганрога, плаваетъ теперь по Азовскому морю, а можетъ быть и далѣе; ибо это зависитъ отъ времени, отъ моря и отъ вѣтра.

„14 Іюня Перекопскія линіи сдались. Войска мои вступили въ Крымъ тремя *колоннами*. Первая изъ нихъ овладѣла Козловымъ, портовымъ городомъ при Черномъ морѣ; а средняя, подъ начальствомъ самаго Князя Долгорукова, вступила въ *Карасу-Базаръ*, куда и прибыли къ нему депутаты съ предложеніемъ о заключеніи условій касательно всего Крымскаго полуострова. Они замедлились вторичнымъ съѣздомъ; а Князь Долгорукій, не теряя времени, прошелъ въ Кафу, встрѣтилъ двадцать пять тысячь Турокъ, напалъ, опразилъ, и заставилъ ихъ бѣжать на корабли и ввѣриться произволу волнъ морскихъ. Сераскиръ *Ибрагимъ* Паша, всѣми оставленный, предложилъ условія. Отъ него требовали сдачи, и онъ сдался.

„Войска наши 29 Іюня вступили въ Кафу съ барабаннымъ боемъ. Между тѣмъ

лѣвая колонна, перешедъ косу, простирающуюся между Азовскимъ моремъ и Крымомъ, отдѣлила отъ себя отрядъ, овладѣвшій Керчею и Яникуломъ.

„Россія“ продолжаетъ Екатерина: „чрезъ нынѣшнюю войну сдѣлалась извѣстною. Европа узнаетъ, что Рускіе неутомимы, и что между ими есть люди, одаренные всѣми превосходными качествами, составляющими истинныхъ Полководцевъ; а притомъ убѣдятся, кажется, и въ томъ, что Россія обильна собственными пособіями и всегда готова неустрашимо поражать врага неправеднаго.

„Занимаясь сими разсужденіями, Екатерина никогда не мыслила о Екатеринѣ. Ей уже сорокъ два; ей поздно перемѣниться: она останется тѣмъ, что есть. Хорошо идутъ ея дѣла, — тѣмъ лучше, говоритъ она. А естьлибъ онѣ шли не съ такимъ успѣхомъ, тогда бы она употребила всѣ способности ума своего, чтобы дать имъ лучшій ходъ.

„Вотъ единственное мое честолюбіе; другаго не имѣю. Я говорю сущую правду. Щадя кровь человѣческую, истинно желаю мира; но онъ еще не близокъ, хотя

Турки и желаютъ его: они и приступить не умѣютъ къ миру.

„Европейскія области сами избаловали Турокъ, а отъ того они и обходятся такъ нагло съ ихъ послами: онѣ дозволили челмоносцамъ слишкомъ заспѣсивѣться. Происками и малодушнымъ униженіемъ не льзя пріобрѣсть уваженія. Къ нещастію, Европа почти всегда слѣдовала симъ постыднымъ правиламъ; и Турки спали неугомонны. Англинскій Король Вильгельмъ часто говорилъ: *Турки не знаютъ, что такое значитъ беречь честь.*“

Въ сихъ обстоятельствахъ отозванъ былъ изъ Польши Генералъ-Поручикъ *Вейсманъ*, а преемникомъ его назначенъ Александръ Ильичь *Бибиковъ*, извѣстный на полѣ битвъ и на поприщѣ мирнаго служенія. Графъ Никита Ивановичь *Панинъ*, управлявшій тогда *Министерствомъ*, противился раздѣлу Польши; Бибиковъ былъ другомъ Панина, и придерживался его стороны; но собственнымъ своимъ мнѣніемъ и всѣми мнѣніями друзей своихъ жертвовалъ онъ должности подданнаго и обязанностямъ службы. 20 Іюня получилъ Бибиковъ Указъ,

а 13 Сентября прибылъ въ Варшаву и нашелъ дѣла въ крайнемъ замѣшательствѣ.

Москва находилась еще въ бѣдственнѣйшемъ положеніи: зараза усиливалась, народъ буйствовалъ; всѣ Начальники, кромѣ *Еропкина*, удалились изъ города. Великій мужъ познается во дни злоключеній и бурь общественныхъ: сею твердостію духа прославился Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, блюститель Москвы во время мороваго повѣтрія. Забывая себя, не помышляя о жизни, онъ пекся только о жителяхъ, ввѣренныхъ его начальству. Врачи, видя, съ какою безпечностью предается онъ опасностии, сближаясь съ зараженными, убѣждали его, чтобъ онъ поберегъ себя; Еропкинъ отвѣчалъ: „Господа! *билетъ* на мою кончину еще не вышелъ; исполняйте свою должность и не заботьтесь обо мнѣ.“ Люди часто неблагодарны бываютъ и за то, что имъ хотятъ пользы и добра. Черни и раскольники, негодуя на заведеніе карантиновъ и на запрещеніе хоронить при церквахъ, покушались убить *Еропкина*. Отъ неповиновенія и упорства число умирающихъ несравненно возвысилось; къ усугубленію сего бѣдствія 15 Сентября про-

изошло народное возмущеніе. Двѣ причины поддержали сей бунтъ: пьянство и упущеніе времени. Чернь, раздраженная противъ Преосвященнаго *Амвросія* недоброжелателями его, пустилась грабить *Чудовъ* монастырь, и къ нещастію, нашла различныя вина въ погребахъ, отдаваемыхъ въ наймы. Бунтовщиковъ не успѣли унять, и *Амвросій* сталъ жертвою злодѣевъ, обезумленныхъ пьянствомъ и своеволіемъ.

Уже 11 Апрѣля 1771 года Герои Греціи, Графъ Орловъ и Князь Юрій Владимировичь Долгорукій, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Сѣверной Столицѣ, отправились въ *Ливорнъ*, а оттуда отплыли къ подвигамъ славы на островъ *Паросъ*: „гдѣ“ прибавляетъ Екатерина въ письмѣ своемъ къ Вольтеру „собиралось Руское войско, при которомъ находился значительный отрядъ Преображенской Гвардіи.“

Съ прибытіемъ Графа Орлова въ Архипелагъ начались военныя дѣйствія. Турки, объятые недоумѣніемъ и страхомъ, заперты были въ *Дарданеллахъ*; Рускіе обладали моремъ Греческимъ. *Молдаванши* Паша, начальникъ *Дарданелль*, отважился наконецъ пуститься къ *Тенедосу* и съ вер-

шины горы взглянуть на Рускихъ. Безпокойное любопытство его удовлетворилось: онъ увидѣлъ тридцать Рускихъ судовъ, шедшихъ отъ острова *Митилены*. Пораженный ужасомъ, Паша на легкомъ суднѣ предался бѣгству; а одно изъ суденъ его со множествомъ Турецкихъ офицеровъ захвачено было въ плѣнъ.

Тщетно ожидая Турецкаго флота, Рускіе обратились къ *Негрепонту*. Предпріятіе ихъ увѣнчалось успѣхомъ.

Октября 1 весь флотъ снова отплылъ къ *Паросу*. *Грейхъ* отправился въ *Митиленской* заливъ для обозрѣнія крѣпости и для снятія съ оной чертежа; Орловъ оставался при островѣ *Имбро*. Противные вѣтры, свирѣпствовавшіе около трехъ недѣль, воспрепятствовали Грейху доставить нужныя свѣденія; Орловъ рѣшился самъ плыть къ *Митиленѣ*. 24 Октября эскадра его стала на якорь при островѣ *Москонини*, гдѣ на другой день ввечеру и Грейхъ соединился съ нимъ. Получа чертежи, Графъ Орловъ разсматривалъ оныя вмѣстѣ съ Адмираломъ Спиридовымъ и Княземъ Юріемъ Владимировичемъ Долгорукимъ. Сильное Турецкое войско было

въ крѣпости; но Герои рѣшились напасть на оную. Спиридовъ и Князь Долгорукій занялись разпоряженіями къ высадкѣ. Эскадра раздѣлилась на два отдѣленія, чтобы съ двухъ сторонъ напасть ва островъ. Суда Рускія снялись съ якоря 23 Октября. Адмиралъ Спиридовъ подошелъ ниже крѣпостныхъ стѣнъ на пушечный выстрѣлъ; Графъ Орловъ остановился на якорѣ по другую сторону противъ самой гавани. 2 го Ноября въ двѣнадцать часовъ утра, по данному знаку, Рускіе совокупно пустились на мѣлкихъ судахъ къ острову. Съ эскадры Адмирала Спиридова храбрый Полковникъ *Толь* первый бросился въ воду, закричавъ солдатамъ своимъ: *ребята! за мною! Да здравствуетъ Екатерина!* По сему побѣдоносному восклицанію, неоднократно уже оглашавшему волны Средиземнаго моря, весь полкъ устремился за Начальникомъ своимъ. Загорѣлся бой; непріятель былъ отраженъ.

Между тѣмъ оружіе Князя Долгорукова гремѣло на другой сторонѣ. Первый шагъ его на берегъ былъ первымъ пораженіемъ враговъ. *Янычаръ-Ага* палъ на мѣстѣ битвы. Отважнымъ напоромъ

Князь Долгорукій очистилъ себѣ дорогу, двинулся внутрь острова, пустя передъ собою и по сторонамъ отряды *Албанцевъ* и *Славонцевъ*.

Стройными рядами войска приближились къ предмѣстію; авангарды обоихъ отдѣленій соединились. Полковникъ *Толь* выгналъ непріятеля изъ предмѣстія. Въ четыре часа по полудни *Албанцы* и *Славонцы*, бывшіе подъ начальствомъ Князя Долгорукова, выбили непріятеля изъ Адмиральтейства, овладѣли сооружавшимися кораблями и подняли побѣдоносный Россійскій флагъ. Участь крѣпости *Митиленской* рѣшилась и симъ подвигомъ кончились 1771 года военныя дѣйствія на водахъ Греческихъ.

Албанцы и Славонцы подъ предводительствомъ Князя Юрія Владимировича Долгорукова соперничествовали въ славѣ съ Рускими войсками; примѣръ Начальника воспламенялъ и оживлялъ всѣхъ воиновъ. Въ предѣлахъ древней Греціи, въ Отечествѣ Мильтіадовъ, Кимоновъ и Ѳемистоколовъ, въ странѣ, украшенной всѣми очаровательными воспоминаніями, души и умы должны были возвышаться. Князь Юрій Вла-

димировичь Долгорукій, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ привыкнувъ сближаться мыслію съ великими мужами и страстно любя все изящное, въ Отечествѣ Греческихъ Героевъ былъ достойнымъ ихъ послѣдователемъ.

Но всѣ усилія Рускихъ Героевъ не могли еще тогда обратить Грековъ на блестящее поприще ихъ предковъ. „*Греки и Спартанцы*“ писала Екатерина къ Вольтеру: „совсѣмъ переродились; они жертвуютъ жизнію грабежамъ, а не умѣютъ умирать за вольность.“ Въ нѣкоторыхъ однако письмахъ Екатерина говорила Вольтеру, что по видимому ей надобно будетъ учиться по Гречески. Судьба Царствъ и народовъ зависитъ отъ Провидѣнія: желаніе Екатерины не сбылось.

По неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, Египетъ, блиставшій славою мудрости тысячу шесть сотъ лѣтъ, учинился наконецъ добычею несмысленнаго Персидскаго Царя Камбиза; Римъ, угнѣтавшій вселенную исполинскою своею силою, погибъ какъ ничтожное селеніе отъ дикихъ сѣверныхъ скопищъ. По опредѣленію Провидѣнія, древняя Греческая Держава въ то самое время подверглась Турецкому

игу, когда Россія начала свергать бремя Татарскаго владычества. Сколь дивны пути Провидѣнія и сколь должно смиряться предъ ними киченіе человѣческое!

Между тѣмъ дѣла Польскія часъ отъ часу становились важнѣе. Рускаго войска было тамъ около шести тысячь, безпорядочно разсѣянныхъ; *Бибиковъ* собралъ оныя, разпорядилъ и посредствомъ *Лемберга* учредилъ сообщеніе съ арміею Румянцева. Обхожденіемъ своимъ съ Польскими Вельможами Бибиковъ пріобрѣлъ довѣренность ихъ; благоразумнымъ разпоряженіемъ войскъ обратилъ побѣду на сторону Рускихъ. Суворовъ находился подъ его начальствомъ. Величіемъ души своей сближаясь съ благородною душою Бибикова, и убѣжденный въ томъ, что онъ не осудитъ ревностнаго стремленія, Суворовъ безъ всякаго повелѣнія рѣшился предупредить соединеніе отряда *Косовскаго* съ корпусомъ Гетмана *Литовскаго* Графа *Огинскаго*. Не дожидаясь подкрѣпленія, съ малымъ числомъ воиновъ своихъ Суворовъ напалъ при *Столовичахъ* 12 Сентября на разсвѣтѣ на *Огинскаго*, разбилъ его, овладѣлъ пушками и Гетманскимъ жезломъ. Не давая образумиться не-

пріятелю, Герой преслѣдовалъ его неутомимо, вездѣ разилъ, вездѣ разсѣявалъ, очистилъ *Слонимъ*, *Минскъ*, *Пинскъ* и занялъ Краковъ, древнюю Польскую столицу.

Конфедераты, пораженные быстрыми успѣхами Суворова и благоразумiемъ Бибикова, который распоряженiями своими успѣлъ обезпечить Рускiя войска во всѣхъ предѣлахъ Польши: конфедераты рѣшились увезти Короля и поклялись умертвить его, естьли продлятся ихъ неудачи. Они успѣли въ замыслѣ своемъ: Король Станиславъ похищенъ былъ изъ Варшавы, и спасъ жизнь свою силою краснорѣчiя и присутствiемъ духа.

Хотя по представленiю Бибикова Суворова наградили знаками Александра *Невскаго*, но сiя почесть не удовлетворила его; ибо онъ находился въ бездѣйствiи. Въ сiе время препроводилъ онъ къ Бибикову изъ *Брейцбурга* письмо, въ которомъ излилъ чувствiя, никогда не измѣнявшiяся въ сердцѣ его. „Кто привыкъ къ забонамъ,“ писалъ Суворовъ: „сопряженнымъ съ неизбѣжными неудобностями, тому несносенъ долговременный отдыхъ. Какъ сладостно воспоминанiе прошедшихъ трудовъ!

Ограничиваясь службою моей Государынѣ и не дѣлая съ моей стороны никакого вреда области, гдѣ я находился, я устремлялся только къ благу Отечества; неудачи другихъ не устрашали меня, но воспламеняли надеждою. Доброе имя есть принадлежность каждаго честнаго человѣка; я заключалъ оное въ славѣ Отечества и всѣ успѣхи относилъ къ его благоденствію. Никогда самолюбіе, производимое мгновеннымъ порывомъ, не управляло дѣяніями моими; всегда и вездѣ я забывалъ себя, помня только любовь къ Отечеству. Суровое воспитаніе, но нравы невинные и естественное праводушіе облегчали мои труды; чувствія мои были свободны, и я — не изнемогалъ. Боже! скоро ли возвратится прежнее время? Теперь я унываю въ праздной жизни, свойственной низкимъ душамъ, которыя ищутъ верховнаго блага въ истомленіи, и переходя отъ утѣхъ къ утѣхамъ, достигаютъ тягостной скуки. Уже мрачность изображается на челѣ моемъ; оно затемнится еще болѣе. Трудолюбивая душа должна имѣть всегда пищу; частыя упражненія ее также оживотворяютъ, какъ движеніе подкрѣпляетъ тѣло.

Сражаясь съ *конфедератами*, Суворовъ долженъ былъ сразиться и съ Французами. Герцогъ *Шуазель* Гуфье, Французскій Министръ Военныхъ и Иностранныхъ дѣлъ, домогаясь управлять Польшею и Турціей, а притомъ лично не доброжелательствуя Екатеринѣ, непрестанно воспалялъ ненависть Поляковъ противъ Рускихъ. Подъ предводительствомъ Генерала *Демурье* отправилъ онъ въ Польшу отрядъ Французскихъ войскъ. Сіи союзники *конфедератовъ* умыслили пробраться въ Краковскій замокъ и выпѣснить оттуда Рускихъ; отсутствіе Суворова и оплошность Полковника *Штакельберга* открыли имъ къ тому путь. Въ пожилыхъ лѣтахъ увлекаясь пронырствами женщинъ, *Штакельбергъ* по прозьбѣ ихъ отдалилъ часоваго отъ прохода, черезъ которой сливалась всякая нечистота. Хитрые Французы, нарядясь въ одежду *Ксензовъ*, съ которыми Штакельбергъ также былъ въ связи, прокрались въ замокъ чрезъ оставленное отверстіе съ 21 на 22 Января *1772* года. Поздно опомнился неосторожный Полковникъ. Хотя, не щадя жизни, старался онъ отражать Французовъ, но принужденъ

былъ оставить замокъ. Суворовъ, преслѣдовавшій тогда *конфедератовъ* подъ *Кельцомъ*, немедленно прискакалъ въ Краковъ. По случаю оплошности Полковника *Штакельберга*, получа замѣчанія отъ Бибикова, Суворовъ поклялся отмстить Французамъ; но при всемъ негодованіи своемъ не вдругъ обвинилъ Штакельберга. „По прибытіи моемъ въ Краковъ," писалъ Суворовъ къ Бибикову: „я истинно отъ Штакельберга никакого вѣрнаго объясненія добиться не могъ. Онъ изъ числа избалованныхъ отъ И. И. *Веймарна* перепсками съ нимъ на иностранныхъ языкахъ, и для того съ принятія полка шпаги не вынималъ. . . Однакожъ, М. Г., о поступкахъ Штакельберга ничего не скажу утвердительнаго до будущаго разбирательства."

Сіе простое письмо достопамятно праводушіемъ Суворова и безпристрастіемъ даже и къ непріятелямъ.

Въ ночь на 18 Февраля Суворовъ покушался взять приступомъ Краковскій замокъ, но не успѣлъ. Въ донесеніи о семъ произшествіи Бибикову онъ между прочимъ писалъ: „Быть такъ! Неудачное наше *штурмованіе* доказало, правда, весьма хра-

брость, но вмѣстѣ въ тѣхъ работахъ и неискуство наше, превозвышающее невозможность. Безъ *Вобана* и *Кегорна* учиться было намъ лучше прежде тому на Петербургской сторонѣ. А ежели идти на однѣ осады, то дѣйствительно конца не будетъ: пока мы одну крѣпостцу отворяемъ, укрѣпляться могутъ въ другой; изъ одной осады войско наше отойдетъ къ другой; у нихъ противъ истраченнаго будетъ безъ сомнѣнія прибавка. Трехъ крѣпостцей въ годъ почти не отобрать."

Въ то время въ Польшѣ едва ли и возможно было приступать къ осадамъ. По донесенію Бибикова, не находилось болѣе пяти пушекъ, превосходившихъ *калибромъ* полевую артиллерію. Прусаки и Цесарцы вызывались замѣнить сей недостатокъ; но Бибиковъ отказалъ имъ въ томъ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сдался замокъ. Отвергая всѣ предложенія Французовъ, Суворовъ рѣшительно опредѣлилъ: „Возвратить Краковской замокъ Россійскому оружію и объявить себя и весь гарнизонъ плѣнными." Наказывая наглую предпріимчивость Французовъ, онъ заставилъ ихъ выдти тѣмъ самымъ нечистымъ проходомъ, ко-

торымъ вкрались они въ замокъ. Потомъ, какъ великодушный побѣдитель, возвратилъ имъ шпаги, обласкалъ, угостилъ обѣдомъ и отправилъ въ безопасныя мѣста. *Даламбертъ*, извѣстный во Франціи ученостью своей, просилъ Екатерину, чтобы она освободила плѣнныхъ его земляковъ; Екатерина отвѣчала: „Я не вмѣшиваюсь въ сочиненія ваши; а вы не мѣшайтесь въ мои дѣла.“

Вѣнскій Дворъ не хотѣлъ сперва участвовать въ раздѣлѣ Польши, или лучше сказать высматривалъ, какъ пойдутъ обстоятельства. Видя быстрые успѣхи Рускихъ, *корпусъ* Цесарцевъ вступилъ въ Польшу подъ начальствомъ Генерала *Далтона*. Хотя Екатерина предписала, чтобы удержать ту часть Краковскаго Воеводства, которая исключена изъ раздѣла Австрійцамъ; но они, по праву сильнаго, занявъ *Ланскронъ*, домогались овладѣть *Тиницемъ*. Суворову предписано было имъ уступать, договариваться съ ними, словомъ, изъ воина стать политикомъ. Огорчаясь сими обстоятельствами, онъ писалъ къ Бибикову: „Дайте мнѣ такое Философское мѣсто, чтобъ ни кому не было за-

видно. Здѣсь я около четырехъ лѣтъ, и часто думается бѣжать . . . грѣхъ отъ васъ . . . я нагрубилъ, и мнѣ злодѣйствуютъ. . . Что я за *политикъ?* Пришлите другихъ, а мнѣ съ ними не сговорить."

Занятіе *Ченстоховой* крѣпости Генералъ-Маіоромъ Княземъ Голицынымъ окончило *1772* года военныя дѣйствія въ Польшѣ. За важныя услуги Бибиковъ награжденъ былъ знаками Александра Невскаго. Пріятно напомнить, что почесть сія предлагаема была ему за нѣсколько уже лѣтъ передъ тѣмъ, и что онъ уступилъ оную престарѣлому отцу своему. Слава воинская, сливающаяся съ общественными добродѣтелями, есть слава несравненная!

Между тѣмъ въ Швеціи воспослѣдовала перемѣна въ правленіи. Юный Король *Густавъ*, руководимый совѣтами Французовъ и собственною отважностью своей, присвоилъ себѣ почти самодержавную власть, что и произошло 8 Августа *1772* года. Франція, доставившая Королю Шведскому полномочіе, надѣялась, что онъ употребитъ оное ко вреду Россіи. Къ подкрѣпленію *Густава* готовила она въ *Тулонѣ* флотъ, притворяясь, будто бы снаряжаетъ оный

на помощь Туркамъ. Умышляя вредить Россіи на Сѣверѣ, она обманывала Югъ. Данія, бывшая когда въ тѣсномъ союзѣ съ Россіей, опасалась непріязненныхъ покушеній отъ Шведовъ. Осторожная Екатерина, въ защиту союзниковъ и къ предупрежденію внезапныхъ случаевъ, предписала Генералъ-Поручику *Еллиту* немедленно выступить изъ Польши и занять Рускія области, сопредѣльныя Швеціи. Повелѣніе сіе исполнено было въ началѣ Ноября. Суворовъ находясь въ корпусѣ *Еллита* и не отлучаясь душою отъ Бибикова, писалъ къ нему изъ *Вильны* отъ 21 Октября 1772 года: „Теперешнее мое положеніе мнѣ совершенно по сердцу; я иду въ слѣдъ моей судьбы; которая, сближая меня съ Отечествомъ, выводитъ изъ той земли, гдѣ я желалъ дѣлать одно добро, или по крайней мѣрѣ старался о томъ. Душа моя не затруднялась въ добрѣ, служба никогда не полагала къ тому преграды. Поступая откровенно, я предостерегался единственно отъ зла нравственнаго, а зло естественное само собою изчезало. Подкрѣпляясь чистою совѣстью, я услаждаюсь одобреніемъ, воздаваемымъ моимъ дѣламъ. . . . Непритвор-

ная благодарность возбуждаетъ во мнѣ любовь къ сей странѣ, гдѣ желаютъ мнѣ добра; съ горестію оставляю ее. Ненавистники мои не могли запятнать моей невинности. Оканчивая здѣсь службу какъ честной человѣкъ, не забочусь о нихъ. Будемъ ли сражаться между ледяныхъ утесовъ, пойду туда какъ солдатъ; но на досугѣ еще скорѣе возвращусь назадъ. Я люблю *Вислу*, ибо вы на берегахъ ея, и еще болѣе прилѣпился бъ къ *Невѣ*, естьлибъ вы тамъ были. Естьли что произойдетъ тамъ, куда идемъ, вы нагоните насъ; и не лучше ли бы было, когдабъ и я съ вами не разлучался. . . Какъ тягостно равнодушіе къ самому себѣ! Самолюбіе утопаетъ въ невѣжествѣ, однако — имѣетъ желанія.

„Подлинно увѣряютъ, что съ Шведами ни чему не бывать.“

Предсказаніе Суворова сбылось: съ Швеціей обошлось тогда безъ дальнихъ послѣдствій.

Неутомимыми стараніями Бибикова спокойствіе водворилось въ Польшѣ, союзныя войска прекратили споры; три Двора, Россійскій, Австрійскій и Прускій, приго-

повлялись вступить въ новыя владѣнія, отмежеванныя отъ Польши.

Въ теченіи 1772 года, столь рѣшительнаго для Польскихъ дѣлъ, происходили переговоры Россіи съ Турціей. Россія требовала, чтобы *Порта* уступила ей приморскія мѣста, отворяющія входъ въ Черное море; Турція, подкрѣпляемая Франціей, упорствовала и порывалась къ новымъ неудачамъ.

Общія отношенія Россіи къ другимъ Державамъ 1772 года весьма остроумно изображены Бибиковымъ въ письмѣ къ извѣстному Писателю *Фонъ-Визину*, который, служа въ Иностранной *Коллегіи*, пользовался особенною довѣренностію Графа Н. И. Панина. „Пока *Турковъ* крѣпко не побьемъ,“ говорилъ Бибиковъ: „мы добраго мира не сдѣлаемъ. Въ войну нашу мы, кажется, *Вѣнскій* Дворъ не мѣшаемъ. *Шведы*, естьли мы не зачнемъ, не задерутъ насъ нынче. *Польскія* дѣла вамъ самимъ подробно извѣстны, и я истинно боюсь, чтобъ мы сами трое не передрались. *Данія* намъ совершенно предана, а *Англія* рада быть на нашей сторонѣ. *Франція* до тѣхъ поръ

не перестанетъ пронырствовать, пока мочь ея будетъ."

Происками Франціи, поощрявшей Турокъ къ вѣроломству, предположено было истребить Руской флотъ во время перемирія Капитану-Пашѣ и предупредить соединеніе Балтійской эскадры съ кораблями, находившимися въ *Архипелагѣ*. Ему сказано было, чтобы онъ, не ожидая новаго сорокадневнаго перемирія, заключеннаго Румянцевымъ и Визиремъ, соединилъ всѣ эскадры и въ сопровожденіи осьми зажигательныхъ судовъ напалъ на пристань *Ацзу* и сжегъ Рускій флотъ, тамъ стоявшій; въ то же время *Дултиніотская*, *Тунисская* эскадры и прочія многочисленныя силы долженствовали сдѣлать высадку на островъ *Паросъ* и истребить тамъ сухопутныя наши войска и всѣ запасы. Турки и Французы все придумали, но ни въ чемъ не успѣли. Осторожность Графа Орлова и отважность Графа *Воиновича* предупредили сіи грозныя покушенія. Вѣроломству не удалось того сдѣлать подъ *Ацзою*, что явное мужество учинило подъ *Чесмою*.

Перемиріе прервалось; военныя дѣйствія возобновились вмѣстѣ съ весною 1773

года. Князь Потемкинъ, бывшій тогда Генералъ-Поручикомъ, изъ первыхъ сразился съ непріятелемъ. Въ сіе время и Суворовъ явился въ предѣлахъ Турціи. Обозря по препорученію Екатерины крѣпости, смежныя съ Швеціей, и не терпя бездѣйствія, онъ выпросился въ войско Румянцева. Первый шагъ его въ Турціи былъ шагомъ къ славѣ и побѣдѣ. Графъ *Салтыковъ*, въ корпусѣ котораго онъ находился, отрядилъ его къ *Туртукаю*. Сей поискъ нуженъ былъ для того, чтобы дѣйствовать не только на Дунаѣ, но и на сопротивномъ берегѣ. Въ одну ночь Суворовъ проскакалъ по почтѣ въ *Негоешто*; въ три дни осмотрѣлъ все тамошнее положеніе, собралъ множество подводъ, перевезъ въ *Аргисъ* двадцать три лодки, хранившіяся въ *Дембовицѣ*, и получа отъ Графа Салтыкова конницу, разпорядился къ осадѣ *Туртукая*. Съ Суворовымъ былъ одинъ только пѣхотный Астраханскій полкъ и конный того же имени, сверхъ того полкъ Донскихъ козаковъ и семь орудій. Малочисленность сего отряда подкрѣплялась двумя вѣрными сопутниками нашего Героя: *внезапностью* и *быстротою*. Къ симъ двумъ побѣдонос-

ными средствами Суворовъ присовокупилъ — *тайну*. Онъ уже приготовилъ рѣшительный ударъ, а Турки и не подозрѣвали, что *Туртукай* въ опасности. Поразя ихъ нечаянно на берегѣ Дуная, Суворовъ въ тотъ же вечеръ на 10 число Мая 1773 года переправился за Дунай, выступилъ и ударилъ на батарею, поставленную на крутой высотѣ, обведенной валомъ. Полковникъ *Батуринъ* велъ первую *колонну*, а Суворовъ, взошедъ на высоту, былъ зрителемъ отважности Русскихъ и трепета враговъ. Батуринъ въ глазахъ Предводителя напалъ на первый лагерь, учрежденный позади батареи; вскорѣ и два другіе лагеря были очищены. Ни одинъ солдатъ во время боя не прикасался къ добычѣ; Суворовъ отдалъ имъ Туртукай въ награду повиновенія. Воины, служа за Героя молебны, сыпали золото. *Туртукай* обратился въ пепелъ. Въ Турціи Суворовъ перемѣнилъ образъ войны, соблюдаемый имъ въ Польшѣ. Усмиряя Поляковъ, онъ охранялъ селенія ихъ; строптивыхъ Турокъ при первомъ шагѣ своемъ хотѣлъ онъ поразить ужасомъ: онъ хотѣлъ, чтобы одно имя

его приводило въ трепетъ и быстро рѣшало жребій сраженій и войны.

Побѣдоносный поискъ противъ *Турту-кая* подалъ способъ Графу Салтыкову учредить сообщеніе Дунаемъ между *Силистріи* и *Рущука* и удобность посылать отряды на ту сторону отъ устья *Арджиса*. Все сіе совершалось дѣятельнымъ Суворовымъ.

23 Мая *Вейсманъ* перешелъ черезъ Дунай и предпринялъ обойти заливъ *Карасу*, гдѣ при деревнѣ сего имени непріятель стоялъ на высотахъ. 27 Числа подвигъ сей увѣнчался успѣхомъ. Станъ Турецкій достался побѣдителямъ.

Приготовляясь къ переправѣ за Дунай, Румянцевъ 1 Іюня въ легкой Запорожской лодкѣ переѣхалъ рѣку и тамошніе заливы. Не нашедъ здѣсь удобной переправы, онъ рѣшился произвесть оную противъ прохода *Гиробальскаго*, охраняемаго нѣсколькими тысячами Турокъ подъ начальствомъ трехъ двухбунчужныхъ Пашей: *Али*, *Джафера* и *Абдулы*. Вейсманъ и Потемкинъ избраны были къ сему важному подвигу. Первый пошелъ отъ *Караса* въ тылъ непріятелю, другой изготовился отъ *Ликарешта* высадить съ судовъ войско въ лице непріяте-

лю ; самъ же Румянцевъ 5 числа перешелъ черезъ рѣку *Яломицу* , слѣдовалъ безъ роздыха , ведя наровнѣ съ ходомъ своимъ по Дунаю отъ Гирсова суда , приведенныя для переправы къ высотѣ *Гуробальской*. Въ назначенный день , то есть 7 Іюня , Бейсманъ и Потемкинъ поразили Турокъ съ тылу и съ переди. Дѣйствуя нераздѣльно , они увѣнчались совокупною славою. По очищеніи сопротивнаго берега Румянцевъ велѣлъ поспѣшно перевозить за Дунай войска и 11 Іюня самъ туда переправился. Немедленно обозрѣлъ онъ тѣсный проходъ , ведущій къ *Силистріи* ; осмотрѣлъ двѣ дороги , сдѣланныя Генералъ - Маіоромъ *Мирмицовымъ* въ горахъ и по берегу ; наконецъ освидѣтельствовалъ самолично мосты , наведенные черезъ рѣчку *Галицу* , выходящую изъ озера. Генералъ - Поручикъ *Ступишинъ* и присоединенныя къ нему отдѣленія *Вейсмана* и *Потемкина* другъ за другомъ перешли ущелія, и миновавъ мосты, заняли лагерь. Непріятель въ пяти верстахъ отъ Силистріи облегъ высоты. Станъ его былъ окопанъ рвомъ и защищенъ пушками. По согнаніи Турокъ съ высоты Гуробальской , *Османъ Паша* перенесся въ сіи укрѣпленія

отъ *Силистріи*. Казалось, что непріятель для того только избиралъ возвышенія, чтобы пораженіе его было видньѣе. Мужественный Вейсманъ самъ выпросился впередъ съ *первымъ* гренадерскимъ полкомъ; Графъ *Воронцовъ*, соревнуя Герою, *желалъ отличиться* въ глазахъ его. Къ гренадерскому полку присоединенъ былъ егерьскій баталіонъ Подполковника *Мекноба*. Едва первый корпусъ *Ступишина* перешелъ рѣчку *Галицу* и располагался занять лагерь, *Османъ* Паша, имѣя при себѣ болѣе десяти тысячъ, ударилъ съ конницею на наши легкія войска и на пѣхоту. Отраженный скоропоспѣшною пальбою, *Османъ* устремился на Арнаутовъ, опрокинулъ ихъ, стремительно обскакалъ съ лѣваго крыла первый гренадерскій полкъ и егерскій баталіонъ, стоявшій на правой сторонѣ. Окружа со всѣхъ сторонъ сей отрядъ, торжествующій непріятель въѣхалъ уже между пороховыхъ нашихъ ящиковъ и покушался отбить огнестрѣльныя орудія. *Первый* гренадерскій полкъ не измѣнилъ имени своему. Быстро поворочена была въ задъ часть пушекъ и третья шеренга гренадеръ; пушки и штыки усмирили строптивость. Хотя отражен-

ный непріятель устремился на карре *Ступишина*, но Потемкинъ, Князь Голицынъ и Вейсманъ, подкрѣпясь новыми силами, довершили пораженіе. Въ семъ сраженіи особенно отличился Князь Василій *Долгорукой*, Дежурный Генералъ Румянцева. При первыхъ выстрѣлахъ, возвѣстившихъ начало битвы, онъ посланъ былъ къ войску, и зная волю Вождя своего, содѣйствовалъ совѣтами, поспѣвалъ вездѣ впереди по движеніямъ непріятеля, и не смотря на болѣзнь, тогда приключившуюся ему, объѣхалъ до шестидесяти верстъ. *Дежурные* Чиновники, бывшіе при Генералъ-Поручикѣ Ступишинѣ, также отличились неустрашимостію и рвеніемъ къ службѣ. Вятскаго карабинернаго полку Секундъ-Маіоръ *Веселовскій* и Старооскольскаго полку *Глинка* (*), также и Адъютантъ *Карповъ*, посыланные въ передовые отряды, безъ малѣйшаго упущенія доставляли повелѣнія въ опасныя мѣста, отъ которыхъ удаляются малодушные, но куда радостно летятъ Герои, мыслящіе о чести, а не о жизни. Отъ единодушнаго усердія Рускихъ

(*) Илья Ильичь, родной дядя Сочинителя сей Исторіи.

подъ *Силистріей* непріятель былъ разсѣянъ и весь станъ ихъ достался побѣдителямъ.

18 Іюня при новомъ успѣхѣ, одержанномъ Русскими подъ Силистріей, отличился Гвардіи Измайловскаго полку Подпоручикъ *Щербининъ*, сынъ Генералъ-Поручика Евдокима Алексѣевича Щербинина. На зарѣ жизни своей юный Щербининъ увеселялъ сладостными надеждами родителя своего и Отечество; но смерть, не щадящая ни юности лѣтъ, ни блестящихъ достоинствъ, прервала жизнь его на полѣ первой битвы. Румянцевъ, жалѣя о преждевременной его кончинѣ и утѣшая горестнаго отца, писалъ къ нему: „Имѣвъ удовольствіе принять вашего сына Сергѣя Евдокимовича, при самой переправѣ за Дунай позналъ я въ немъ хорошія дарованія, и видѣлъ подвиги его, являющіе усердіе и способность духа возвысить въ себѣ военныя дарованія. Въ сихъ похвальныхъ расположеніяхъ, къ которымъ я имѣлъ должную признательность, выпросился онъ у меня въ отдѣльной быть части въ сраженіи, происходившемъ 14 Іюня при городѣ Силистріи, и бывъ въ [illegible] съ непріятелемъ, получилъ тутъ картечею смертную рану, отъ которой [illegible]

полуночи тогожъ дня скончался съ великою твердостію.

„Посѣщая его въ семъ состояніи и въ послѣднихъ минутахъ жизни, видѣлъ я въ немъ ту же неизмѣняемую бодрость духа, какую оказывалъ онъ и въ самомъ сраженіи. Поистинѣ великое сожалѣніе чувствуетъ все общество, лишившись Офицера отмѣнныхъ достоинствъ; но скорбное чувство болѣе всѣхъ угнѣтаетъ мою душу, когда я долженъ, обвѣщая сію потерю, воображать, какой ударъ нанесу тѣмъ отцу чадолюбивому!

„Но когда отцовская жалость исполнитъ въ васъ свою мѣру, представьте Ваше Превосходительство въ себѣ гражданина, который вѣчно долженъ славиться такою жертвою Отечеству; а сіе одно и въ первыхъ минутахъ горести должно облегчить чувства природы.“

Не взирая на неоднократные успѣхи Русскихъ, подвинувшихся къ Силистріи и къ высотамъ непріятельскимъ, Турки часъ отъ часу усиливались. По прекращеніи мирныхъ переговоровъ въ Фокшанахъ, *Османъ Ефенди* сказалъ: „Шведы научили побѣждать Русскихъ, а Русскіе научатъ по-

бѣждать Турокъ.“ Хотя Турки и 1773 года не могли похвалишься побѣдами, но разсѣяваясь, укрываясь въ крѣпостяхъ и выходя сражаться по частямъ, они уклонялись отъ главной битвы, которой не способствовало и мѣстное положеніе: такимъ образомъ сберегая силы, они угрожали и тогда, когда Руское оружіе разило и разсѣявало ихъ. Отъ начальника полка, охранявшаго мосты чрезъ рѣку *Галищ* и переправу черезъ Дунай, также пространныя спереди и сзади ущелины, Румянцевъ получилъ 20 Іюня извѣстіе, что съ лѣвой стороны Рускихъ показался непріятельскій лагерь *между деревнями Бџюкъ и Кџцкъ-Кайнарджи*. Опасаясь, чтобы непріятель не опрѣзалъ насъ отъ *Гурибальской* переправы и отъ сообщенія съ сопротивнымъ берегомъ, къ сохраненію малочисленныхъ нашихъ *Задунайскихъ* войскъ и къ отраженію новыхъ Турецкихъ силъ посланъ былъ 21 Іюня *Вейсманъ*. На другой день Герой палъ въ щотъ самый часъ, когда, выѣхавъ въ ряды солдатъ, личнымъ примѣромъ обратилъ на сторону Рускихъ побѣду, похищаемую Турками.

О семъ случаѣ Генералъ-Квартирмейстеръ Матвѣй Васильевичъ Муромцовъ въ письмѣ своемъ къ знаменитому Бибикову говоритъ: „Вейсманъ палъ на полѣ побѣды. Турки спѣшили къ *Гурибалу*, то есть въ спину намъ. Намъ надлежало проходить лощину *Дервентцлѣ*, гдѣ не только такая *орава*, какую мы разбили, но малое число могло насъ удержать. 23, 24, 25 и 26 Мы выступили изъ той переправы, а корпусъ покойнаго *Вейсмана* взялъ вправо къ Измаилу. Появившійся Турецкой флотъ противъ устья Дуная грозилъ нападеніемъ на наши города, гдѣ почти никого не оставалось.

„Богъ каковъ былъ нашъ переходъ чрезъ Дунай; и можно ли посылать съ такими малыми силами? Мы пришли въ незнакомую землю, гдѣ должно ходить ощупью и по нѣскольку разъ осматривать лѣса и ущелины, которыя почти всю землю покрываютъ. Правду сказать, надобно быть Румянцевымъ, чтобъ держать себя въ такомъ уваженіи и вездѣ успѣвать. Но естьлибъ въ тотъ день не удалось *Вейсману*, то насъ бы никого не осталось. Богъ сохранилъ насъ; Онъ даетъ всегда время оду-

маться.“ Нѣкоторые сказываютъ, что послѣ смерти въ карманѣ Вейсмана нашли списокъ объ отличившихся. Кто цѣнилъ подвиги другихъ, тотъ и самъ достоинъ незабвенной памяти.

Между тѣмъ, когда сподвижники и свидѣтели искусныхъ распоряженій Румянцева дивились его славѣ: между тѣмъ зависть и клевета, не дремлющія при Дворѣ, затмѣвали его дѣянія. Хотя у него за *Дунаемъ* было только пятнадцать тысячъ, утомленныхъ трудами и непрерывными сраженіями, но его укоряли за переправу на сопротивный берегъ; завистники старались даже уничтожить и славу Кагульской битвы. Румянцевъ подробно писалъ о семъ къ Екатеринѣ отъ 30 Іюля 1773 года изъ лагеря при деревнѣ *Жигалѣ*. Екатерина собственноручнымъ письмомъ увѣряла, что не знаетъ его непріятелей; что она не любитъ вѣстовщиковъ и переносщиковъ, которые подлостью своей разрушаютъ согласіе. „Я привыкла,“ говорила она: „судить о людяхъ по дѣламъ и по усердію.“ Потомъ прибавила: „Признаюсь, что армія ваша не многочисленна; но никогда изъ памяти моей изчезнутъ не можетъ над-

пись моего обелиска, по случаю побѣды при Калугѣ на немъ начеканенная, что вы, имѣвъ не болѣе 17,000 человѣкъ въ строю, однако славно побѣдили многочисленную толпу, предводимую тогда Визиремъ *Галиль-Бееміъ*, съ которымъ считалось до полутораста тысячь человѣкъ, что весьма во мнѣ утвердило правило, до меня Римлянами выдуманное и самыми опытами доказанное, что не число побѣждаетъ, но доброе руководство вождя, совокупленное съ храбростію, порядкомъ и послушаніемъ войскъ. Сопротивный Дунайской берегъ у Силистріи вы мнѣ описываете столь неспособнымъ къ продолженію на ономъ военныхъ дѣйствій, что не токмо удвоить, но утроить надлежало бы армію, для полученія твердой ноги. Я описанію сему вашему совершенно подаю вѣру; но сколько ни желаю окончанія войны нанесеніемъ величайшаго вреда непріятелю въ нѣдрахъ его, не могши получить переговорами мира, сноснаго чести и пользѣ моей Имперіи, послѣ толикихъ побѣдъ, со всѣмъ тѣмъ удвоить, и еще менѣе утроить армію я не въ состояніи, и сіе сверхъ того и за полезное не почитаю по вышеписаннымъ мною постоян-

но приняпымъ и слѣдуемымъ правиламъ. Все, что сдѣлать нынѣ могу, есть, что я изъ Польскаго корпуса приказала къ вашей арміи послать нѣсколько еще полковъ для усиленія оной, и надѣюсь, что они ко времени къ вамъ приспѣютъ; ибо полагаю, по нынѣшнимъ вашимъ мнѣ увѣдомленіямъ, что большая часть лѣтняго времени изчезнетъ, и слѣдовательно утрашится обыкновенное время кампаніи сей прежде, нежели вы въ состояніи будете паки принудить вашими дѣйствіями непріятеля къ ускоренію мирныхъ договоровъ. Въ семъ и прочемъ я вамъ руки не связываю; какъ теперь, такъ и прежде въ совершенной вашей волѣ состоитъ наносить непріятелю всѣ тѣ удары, которые по мѣрѣ силъ вашихъ вамъ Богъ на сердцѣ положитъ.“

Пріятно видѣть, что Самодержица столь откровенно бесѣдовала съ подданнымъ; но о дѣлахъ военныхъ всего лучше могъ судить Полководецъ, прославившійся опытомъ и подвигами. „Въ военныя дѣла,“ говорилъ Суворовъ: „ни кабинетъ, ни частные люди не могутъ вмѣшиваться. Обстоятельства ими вертятъ, какъ буря.“

Въ то же время стрѣлы зависти усиремлялись и на Бибикова, успокоителя Польши. Клеветники, видя, что не могутъ очернить его въ мысляхъ Екатерины, внушили, что для подкрѣпленія Румянцева арміи нужно его отправить съ частію войскъ изъ Польши. Такимъ образомъ изъ Предводителя Бибиковъ дѣлался Начальникомъ отряда. Хотя онъ и огорченъ былъ происками неутомимыхъ гонителей славы и службы, но, не охладѣвая въ усердіи къ Отечеству и престолу, писалъ къ Н. П. Панину: „Сколь ни разстроилось состояніе мое по службѣ, но я не безпокою болѣе прозьбою о моемъ отзывѣ. Пусть я тамъ буду, гдѣ судьбѣ угодно. Не упруждаю также ни о какомъ награжденіи, слѣдуя моему всегдашнему правилу съ начала моей службы, чтобъ ни на какое дѣло не напрашиваться и ни отъ какого не отговариваться. Выпрошенное награжденіе теряетъ цѣну.“

При раздачѣ деревень въ Бѣлорускомъ краѣ, къ пріобрѣтенію котораго содѣйствовалъ Бибиковъ, *его обошли*, а *недостойных* наградили. Объясняясь о семъ въ письмѣ къ Графу *Чернышеву*, онъ сказалъ:

„Божусь вамъ, что я съ ними въ очереди не хочу быть.“

Не льзя не упомянуть здѣсь о великодушномъ подвигѣ Графа Н. И. Панина. Извѣстно, что онъ не соглашался на раздѣлъ Польши. По окончаніи онаго Императрица подарила ему нѣсколько тысячь душъ въ новоприобрѣтенномъ край. Какъ вѣрноподданный, онъ принялъ сіе награжденіе; но какъ человѣкъ, непоколебимый въ правилахъ своихъ, онъ роздалъ Чиновникамъ своимъ жалованныя ему деревни.

Польскія области, перешедшія во владѣніе Россіи, названы были *Бѣлорусскими*. Австрійскій Дворъ, удовлетворенный раздѣломъ, пересталъ возбуждать Турокъ къ войнѣ съ Россіей. Тогдашній Министръ Князь *Кауницъ*, извѣстясь, что Екатерина для пріобрѣтенія мира пожертвуетъ завоеванными землями въ Турціи, укротилъ зависть свою къ успѣхамъ Рускаго оружія. Опасаясь сосѣдства Россіи съ Австріей, онъ обрадовался, что Турки снова будутъ сосѣдами его отечества, хотя и зналъ, что сіи самые Турки были два раза подъ стѣнами Вѣны.

Бибиковъ, получа повелѣніе слѣдовать къ Румянцеву съ отрядомъ войскъ, бывшихъ подъ его предводительствомъ, просился въ отпускъ, чтобы *не потерять послѣднихъ крохъ своего семейства.*

Отправляясь въ Петербургъ, ласковый Бибиковъ посѣтилъ всѣхъ Чиновниковъ, служившихъ подъ его начальствомъ, и лично изъявилъ имъ благодарность свою. Самые даже равностные *конфедераты* жалѣли объ отъѣздѣ его. *Макроновскій* писалъ къ нему: „Пріобрѣтайте, любезный Генералъ, столько же побѣдъ надъ врагами Отечества, сколько одержали вы побѣдъ надъ сердцами Поляковъ. Вы подали примѣръ, какъ должно соглашать человѣколюбіе и правосту съ должностью своей. Живите щасливо: слава васъ повсюду будетъ сопровождать. Не забывайте друга, который прощается съ вами со слезами.“

Бибиковъ принятъ былъ при Дворѣ холодно; но коварныя внушенія его недоброжелателей вскорѣ уничтожились. Злодѣйскіе успѣхи *Емельяна Пугачева* часъ отъ часу усугублялись. При всей дальновидности своей Екатерина не предполагала, чтобы предпріятія его столь далеко про-

стерлись. Въ письмахъ къ *Вольтеру* она даже на счетъ его шутила. И въ черпогахъ и въ частной жизни опытъ пріобрѣтается временемъ. Наконецъ къ укрощенію сего изверга Императрица рѣшилась отправить Бибикова, доказавшаго въ различныхъ случаяхъ дарованія и приверженность къ Отечеспву. Подошедъ къ нему на придворномъ *балѣ* съ тѣмъ ласковымъ видомъ, которымъ очаровывала она души и сердца, Екатерина объявила, что избираетъ его къ потушенію пожара, опаснаго для Россіи. Бибиковъ отвѣчалъ, что жизнь его принадлежитъ Отечеству, и желая намекнуть о происках его недоброжелателей, прибавилъ: *Сарафанъ ли мой, сарафанъ дорогой! вездѣ сарафанъ пригожается; а ненада, сарафанъ и подъ лавкою лежитъ.* Государыня, знавшая и любившая Рускій слогъ, пріятною улыбкою изъявила, что понимаетъ его шутку.

Хотя Бибикову извѣстна была вся важность подвига, ему предстоявшаго, но онъ охотно отправился для новыхъ подвиговъ, полезныхъ престолу и Отечеспву.

Своевольное *воспитаніе и буйство* страстей учинили *Пугачева* злодѣемъ. Отецъ

его, простой козакъ *Зимовянской* станицы, ревностно служилъ при Петрѣ Первомъ и палъ на полѣ сраженія при Императрицѣ Аннѣ. Къ нещастію, старшій его сынъ *Емельянъ* оспался подъ надзоромъ развратной матери и безпечнаго дяди, заступившаго мѣсто опекуна. Съ крѣпостію тѣлесной соединялъ онъ пылкій умъ, мужество, рѣшительность и отважность: сими качествами отличился онъ въ семилѣтнюю войну и при взятіи *Бендеръ*, за что и произведенъ былъ въ *Есаулы*. Почитая себя мало награжденнымъ, онъ бѣжалъ въ Польшу, и держась раскола, скитался по раскольничьимъ селеніямъ. 1772 Года перешелъ въ *Яицкой* городъ, и пользуясь неудовольствіемъ козаковъ, подзывалъ ихъ бѣжать на *Кубань* и передаться Султану. За сіи злоумышленныя внушенія былъ онъ пойманъ, отвезенъ въ Казань и приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь; 19 Іюня 1773 года бѣжалъ съ помощію раскольничьяго попа и сманилъ съ собою часоваго. Послѣ различныхъ переходовъ *Пугачевъ* удалился къ *Яицкимъ* бунтовщикамъ, скитавшимся около *Камышь-Самарскаго* озера; тамъ объявилъ онъ себя торжественно Петромъ

Третьимъ. Мятежники, опасавшіеся заслуженнаго наказанія, пристали къ самозванцу. Малочисленность войскъ въ Сибири, робость и неосторожность нѣкоторыхъ начальниковъ, способствовали къ бунту *Пугачева*. Онъ бралъ укрѣпленія, пушки, непрестанно усиливался новыми скопищами, разсылалъ *манифесты* и наглымъ порывомъ угрожалъ древней Столицѣ, едва отдохнувшей отъ моровой язвы. Въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, получа отъ Екатерины полномочіе и въ послѣдній разъ простясь съ семействомъ, Бибиковъ выѣхалъ изъ Петербурга 9 Декабря 1773 года. По прибытіи въ Казань узналъ онъ, что у *Пугачева* уже болѣе двадцати тысячь сволочи, несущей повсюду страхъ и опустошеніе. Угождая приверженнымъ къ нему раскольникамъ, онъ осквернялъ храмы Божіи, и притворяясь смиреннымъ, говорилъ, что, возвратя престолъ свой, онъ отдастъ его наслѣднику, а самъ удалится въ *Филаретовскій* скитъ и посвятитъ остатокъ дней своихъ уединенію и набожности. Но по мѣрѣ злодѣйскихъ успѣховъ распространялись и высокомѣрные его замыслы. Истребляя природныхъ Дворянъ, которые,

не измѣняя чести и вѣрности, терпѣли пытки и смерть, онъ предпринялъ окружить себя новымъ дворянствомъ, и главнымъ сообщникамъ своимъ давалъ имена первостепенныхъ Рускихъ Вельможъ.

При грозной тучѣ, приближавшейся къ Казани, Бибиковъ, не упадая духомъ, веселымъ и надежнымъ видомъ ободрялъ жителей, пришедшихъ въ уныніе и отчаяніе. Въ первый день 1774 года прочтенъ былъ Манифестъ и потомъ произнесъ разительное Слово Преосвященный Казанскій *Веніаминъ*.

Душа Бибикова переселилась во всѣ души. Едва предложилъ онъ Казанскимъ Дворянамъ, чтобы содѣйствовать общими силами противъ злодѣя, Дворяне воскликнули: „Готовы за Всемилостивѣйшую Государыню и за Отечество жертвовать и имѣніемъ и жизнію! Мы не измѣнимъ предкамъ; мы будемъ непоколебимы въ вѣрности Государю и Отечеству.“ Симбирскъ, Свіяжскъ и Пенза, соревнуя Казани, принесли всевозможныя пожертвованія. Екатерина, изъявляя благодарность Казанскому Дворянству, именовала себя *Казанскою помѣщицею*. Бибиковъ возвѣстилъ о

семъ Дворянамъ 30 Января 1774 года. Мгновенно раздался единодушный кликъ: „Да здравствуетъ Великая наша Самодержица! да царствуетъ надъ нами щедрая наша Мать! готовы мы за нее пролить кровь нашу и жертвовать всѣмъ, что имѣемъ!“ По сему случаю произнесена была Рѣчь, сочиненная знаменитымъ нашимъ Писателемъ *Державинымъ*, который служилъ тогда въ Преображенскомъ полку Подпоручикомъ и находился при Бибиковѣ. Въ сей прекрасной Рѣчи между прочимъ сказано: „Достойны ли и Дворяне за то особенной похвалы, что они хотятъ защищать свое Отечество? Они суть щитъ его, они подпора престола Царскаго. Прахъ предковъ нашихъ вопіетъ къ намъ и зоветъ насъ на пораженіе самозванца; кровь братій нашихъ, еще дымящаяся, стремитъ насъ на истребленіе изверга. Чтожъ мы медлили? чего давно недоставало совокупно поставить намъ грудь свою злодѣю своему? Ежели душа есть у Дворянина, то все у него есть къ ополченію. Чегожъ недоставало? Не усердія ли нашего? Нѣтъ! мы давно горѣли имъ, мы давно собирался и хотѣли пренебречь жизнь свою. А теперь, по

милости Самодержицы нашей, есть у насъ и согласитель мыслей нашихъ. Руководствомъ его составилось у насъ новое войско. Избранный по немъ Начальникъ трудится, товарищи его усердствуютъ; все въ порядкѣ. Имѣніе наше готово на пожертвованіе, кровь наша на изліяніе, души наши на положеніе: умремъ; кто не имѣетъ мыслей сихъ, не Дворянинъ тотъ."

Благоразуміемъ, искусствомъ и неутомимымъ раченіемъ Бибикова злодѣй вездѣ былъ поражаемъ и преслѣдуемъ. Князь Петръ Голицынъ, Мансуровъ, Михельсонъ и другіе достойные Чиновники отличались мужествомъ и усердіемъ. Для ускоренія военныхъ дѣйствій, Бибиковъ выѣхалъ изъ Казани и 15 Марта былъ уже въ *Кунцевской* крѣпости. Извѣщая изъ оной супругу свою, онъ писалъ: „Дѣла мои, Богу благодареніе, идутъ часъ отъ часу лучше; войска подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. — Что мною довольны, я то изъ всѣхъ писемъ вижу; толькобъ спросили: каково мнѣ? Одинъ Всевышній да будетъ помощникъ! Однако работаю и работать буду до положенія ризъ. Твори Богъ волю свою!"

Въ *Бугульмѣ*, небольшомъ Татарскомъ селеніи, Бибиковъ получилъ отъ *Голицына* увѣдомленіе о пораженіи Пугачева подъ *Татищевскою* крѣпостью. Силы самозванца простирались до 25 тысячъ и при немъ находилось 35 орудій. *Оренбургъ* былъ освобожденъ. Быстро преслѣдуя злодѣя, Голицынъ снова поразилъ его при городѣ *Сакмарскѣ*.

Уже Бибикову за ревностные его труды назначены были знаки Андрея Первозваннаго; но смерть не допустила его оные получить. Непрестанная дѣятельность, сильныя душевныя волненія, пренебреженіе собственной жизни для общей безопасности, — всѣ сіи подвиги великаго любителя Отечества повергли его въ неизлѣчимую болѣзнь. На смертномъ одрѣ, слыша отъ приближенныхъ своихъ напоминанія о бѣдномъ состояніи его семейства, онъ сказалъ: „Милосердая Государыня конечно ихъ призритъ; но болѣе жалѣю и страждy, оставляя въ бѣдствіи Отечество.“ Бибиковъ скончался въ *Бугульмѣ* 9 Апрѣля 1774 на 44 году. Екатерина пролила о немъ слезы и сдѣлалась благодѣтельницею и матерью его семейства.

Во гробъ съ Бибиковымъ скрылись блистательные успѣхи войскъ, имъ предводимыхъ. Между Начальниками произошло несогласіе. Извѣстясь о томъ, Пугачевъ умножилъ силы свои, усугубилъ люпость, осадилъ Казань, и снова угрожалъ Москвѣ. Въ сихъ обстоятельствахъ Екатерина обратилась къ Петру Ивановичу Панину, вышедшему въ отставку по неудовольствію. Жертвуя оскорбленнымъ честолюбіемъ пользамъ Отечества, Панинъ безотговорочно согласился быть преемникомъ трудовъ Бибикова и оправдалъ довѣренность Екатерины. Мужествомъ Князя Голицына и Полковника Михельсона самозванецъ вездѣ былъ поражаемъ. Въ то же врамя съ поля битвъ *Задунайскихъ* подоспѣлъ Суворовъ, никогда не опаздывавшій. Орлинымъ полетомъ съ двумя только Чиновниками проскакавъ степь, содѣйствовалъ онъ къ пойманію самозванца и къ прекращенію мятежа. Скованный Пугачевъ отвезенъ былъ въ Симбирскъ. Казнь надъ нимъ совершилась въ Москвѣ 10 Января 1775 года. Отслужа Отечеству, Панинъ снова вышелъ въ отставку. Въ мирное уединеніе сопровождали его любовь и благодарность соотечественн-

никовъ. Екатерина доказала, что, цѣня заслуги, забываетъ личное пролившъ себя неудовольствіе; а Панинъ засвидѣтельствовалъ, что возвышенная душа предпочитаетъ всему общую пользу.

„Долгъ историка“ сказалъ одинъ знаменитый Римскій историкъ (1): „представлять добродѣтель во всемъ ея блескѣ и отвращать отъ злодѣяній изображеніемъ ужасныхъ послѣдствій развратa.“ Повѣствуя вѣрно о томъ, что было, достигаемъ сей сугубой цѣли. Лѣтописи всемірныя свидѣтельствуютъ, что злодѣямъ угрожаютъ всечасныя опасности, и что ихъ повсюду преслѣдуетъ общенародная ненависть. Нѣкоторые изъ нихъ успѣваютъ, но не надолго; а притомъ среди блистательнѣйшаго торжества они не избѣгаютъ терзаній совѣсти, возмущающей ихъ и при дневномъ сіяніи и во мракѣ ночномъ, когда все вокругъ ихъ безмолвствуетъ, кромѣ сего неусыпнаго судіи. Памятники, сооружаемые извергамъ или ласкательствомъ, или боязливою слабостію, по смерти ихъ низвергаются и въ прахъ истлѣваютъ; но память о мужахъ добродѣтельныхъ побѣж-

(1) Тацитъ.

даетъ и смерть и гробъ, переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ и награждаетъ за оскорбленія, наносимыя неправотою и злобою человѣческой. Въ мірѣ и добродѣтель бываетъ гонима, и ей часто даютъ испивать горькую чашу; но добродѣтель презрѣнная, попираемая ногами сильнаго злодѣйства, щастливѣе ликующаго злодѣянія: она наслаждается внутреннимъ одобреніемъ совѣсти своей и справедливою наградою, ожидающею ее въ потомствѣ.

Мы видѣли паденіе коварнаго злоумышленника, который, упиваясь кровію невинныхъ жертвъ, производилъ сообщниковъ своихъ въ вельможи знаменитые, а себѣ дерзалъ присвоивать власть верховную: сей дерзкій самозванецъ, оставленный и мгновеннымъ щастіемъ и сообщниками, достался въ плѣнъ какъ бѣглецъ, и льстясь блистать въ вѣнцѣ могущества, уклонилъ голову свою подъ сѣкиру правосудія. Имя его подверглось вѣчному проклятію; но память тѣхъ ревностныхъ сыновъ Отечества и Вѣры, которые въ сіи горестные и бурные дни обрекали себя на смерть и муки, — память о нихъ никогда неизчезнетъ, хотя бы и имена ихъ остались въ

забвеніи. Когда сей мятежный извергъ истреблялъ роды дворянскіе, сколько ревностныхъ кормилицъ спасали порученныхъ имъ младенцевъ, укрываясь въ вертепы и убѣгая въ глубину лѣсовъ! Сколько Богобоязненныхъ служителей, отваживали жизнь свою на всѣ опасности для защиты помѣщиковъ благодѣтельныхъ! Ни сверкавшіе надъ ними мечи, ни обольщенія, ничто не погашало въ нихъ вѣры и вѣрности. Непоколибимое мужество служителей олтарей заслужило уваженіе и отъ иноземцевъ. „Руское духовенство" говоритъ Принцъ *де Линь:* „любило Екатерину. Въ то время, когда Пугачевъ, истребляя пламенемъ села и деревни, врывался съ скопищами своими въ храмы Божіи, одинъ приходскій Священникъ, вышедъ изъ церкви съ дарами Христовыми, воскликнулъ: *Злодѣй! усугуби неистовства свои; предай меня казни! Я умру, прижавъ къ сердцу дары Христовы. Вотъ моя голова; отруби ее. Я тебя не страшусь и молюсь за великую Государыню.*

Исторіи Отечественной, не разбирающей ни лицъ, ни званій, пріятно украшаться всѣмъ тѣмъ, что блистало добродѣтелью и въ чертогахъ и въ хижинахъ.

Но и самое пламенное желаніе останавливается тамъ, гдѣ невозможность полагаетъ предѣлы. По крайней мѣрѣ я старался хотя отчасти начертать исторію Вѣры и добродѣтелей того плачевнаго времени; а къ оживленію напоминаній о немъ приведу хотя нѣсколько примѣровъ.

Во время новыхъ замѣшательствъ, возникшихъ по смерти Бибикова, Пугачевъ со всѣми скопищами своими двинулся къ Казани. Губернаторъ немедленно приказалъ всѣмъ жителямъ удалиться въ крѣпость. Генералъ Маіоръ Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ, переживший уже сто лѣтъ, не пошелъ въ крѣпость. „Я останусь въ предмѣстіи,“ сказалъ онъ: „я хочу видѣть самозванца; я хочу изобличить его передъ Богомъ и людьми.“ Опъ глубокой старости и болѣзней не владѣя ногами, онъ упросилъ, чтобы его перенесли на креслахъ въ Соборъ Казанской Божіей Матери. Вскорѣ буйныя скопища ворвались и въ предмѣстіе и въ ту церковь, гдѣ былъ великодушный старецъ. Самъ Пугачевъ явился съ ними. При видѣ сего злодѣя и сообщниковъ его престарѣлый Кудрявцевъ оживился новыми силами. Грозно

и съ презрѣніемъ воззрѣлъ на нихъ и громко воскликнулъ: „Злодѣи! вы забыли Бога; вы измѣнили Вѣрѣ; вы измѣнили Императрицѣ. Спрашитесь суда Божія! Невинная кровь, вами пролитая, вопіетъ къ Небесамъ; и вы дерзаете присутствіемъ своимъ осквернять храмъ Господній! „Воскипѣвъ яростію, Пугачевъ приказалъ предать Кудрявцева смерти. Злодѣи устремились на него съ саблями и копьями. Столѣтній старецъ, пораженный уже многими ударами, и видя кровь свою, текущую изъ ранъ, снова возвысилъ голосъ, силою Вѣры подкрѣпляемый: „Я не страшусь смерти“ воспіялъ онъ: „вы отворяете мнѣ путь въ селенія небесныя. А для васъ ужасна будетъ и жизнь и смерть. Покайтесь; обратитесь къ Богу; вспомните присягу; истребите злодѣя: онъ ведетъ васъ къ пагубѣ!“ Мгновенно засвистала смертоносная пуля; мужественный голосъ Кудрявцева пресѣкся вмѣстѣ съ жизнію его. Негодуя и на добродѣтель, и на вѣрность, и на Бога, Пугачевъ приказалъ зажечь храмъ Господній. По удаленіи буйныхъ скопищъ погасили пламя и полусгорѣвшее тѣло великодушнаго страдальца было отыскано и

погребено въ той же церкви внукомъ его Петромъ Алексѣевичемъ Татищевымъ. Въ стѣнахъ сего храма воздвигнутъ памятникъ, возвѣщающій о семъ подвигѣ.

Въ необычайныхъ пожертвованіяхъ, въ непоколебимомъ сохраненіи вѣры и вѣрности Провидѣніе посылаетъ необычайную помощь.

При началѣ тѣхъ смутныхъ обстоятельствъ на заводѣ *Твердышева* произошла шаткость въ умахъ. Владѣлецъ онаго, находясь въ Москвѣ и желая предупредить пагубныя слѣдствія легкомыслія, вызвалъ изъ Петербурга приказнаго служителя своего *Арефья Ипатыча Круглова*. По пріѣздѣ его въ Москву *Г. Твердышевъ* сказалъ, что отправляетъ его на *Воскресенскій* заводъ въ *Стерлитамакскій* уѣздъ для убѣжденія крестьянъ въ должномъ повиновеніи и для предостереженія ихъ отъ обольщенія злоумышленниковъ. На дорогу и на нужныя заводскія издержки *Круглову* получилъ нѣсколько тысячъ буматками, которыя едва только что вошли въ употребленіе. Зная всю важность дѣлаемаго ему порученія, *Круглову* прибѣгъ къ Богу и съ полною на Него надеждою отправился въ путь. Пріѣ-

ѣхавъ на заводъ, явился онъ на мірской сходкѣ, именемъ Вѣры напоминалъ крестьянамъ обязанности ихъ, и доказывалъ, что бунтовщики и сообщники ихъ для пагубы обольщаютъ народъ. „Я самъ“ прибавилъ онъ: „я самъ видѣлъ погребеніе законнаго нашего Государя. Я пріѣхалъ сюда одинъ; а въ Петербургѣ осталась жена моя и четверо дѣтей. Сколько дорожу семействомъ моимъ; столько же и вамъ желаю добра. Щастіе наше и благо нашихъ семействъ состоитъ въ вѣрности; не измѣнимъ должности нашей: Богъ наградитъ насъ. Казнь постигнетъ бунтовщиковъ; вѣрность восторжествуетъ!“ Крестьяне, убѣдясь словами ревностнаго *Круглова*, поклялись умереть, но не быть измѣнниками. Въ то же время, наблюдая осторожность, онъ принялъ всѣ мѣры къ оборонѣ завода отъ внезапнаго нападенія.

Вскорѣ послѣ сего буйныя толпы *Башкирцевъ* окружили заводъ. Крестьяне, одушевляясь примѣромъ *Круглова*, непоколебимо защищались. Къ несчастію, на одной изъ башенъ заводскихъ находились работники, слывшіе въ селеніи подъ названіемъ *конокрадовъ*, то есть лошадиныхъ воровъ.

Привыкнувъ къ разврату, они не устояли въ вѣрности и впустили *Башкирцовъ*. Предводимые измѣнниками, поспѣшили въ *контору*, гдѣ находился *Круглов*ъ; угрожая ему обнаженными саблями, требовали денегъ. Одинъ изъ измѣнниковъ сказалъ, что золото скрыто подъ поломъ, полѣзъ, и вынесъ однѣ ассигнаціи. Въ шкатулкѣ было нѣсколько имперіаловъ, которые, можетъ быть, утаены донощикомъ. Для спасенія завода отъ разоренія и пожара *Круглов*ъ предлагалъ *Башкирцамъ* ассигнаціи; *Башкирцы*, не зная имъ цѣны, думали, что онъ отъ упорства не даетъ имъ спрятаннаго золота, напали на него съ саблями, разрубили голову и нанесли еще около пятнадцати ранъ. *Круглов*ъ упалъ въ безпамятствѣ, мятежники устремились грабить заводъ.

Злодѣй и сообщники его погибли; но Богъ чудеснымъ образомъ сохранилъ усерднаго прикащика, который не щадилъ жизни для соблюденія вѣры и совѣсти (1).

Между тѣмъ военныя дѣйствія возобновились за Дунаемъ; Румянцевъ прину-

(1) Дальнѣйшія о семъ подробности находятся въ Рускихъ моихъ Анекдотахъ.

диль Визиря къ миру. Извѣстіе о томъ препроводилъ онъ къ Екатеринѣ изъ лагеря въ *Болгаріи* при *Кайнарджи-Кайнарджи.*

„Въ 10 й день сего мѣсяца," писалъ Румянцевъ: „договоръ вѣчнаго мира между Имперіею Россійскою и Портою Оттоманскою подъ моими очами и взаимными полномочными заключенъ и подписанъ въ здѣшнемъ лагерѣ, а въ существѣ онаго сдержаны слѣдующія условія: 1 е. всѣмъ Татарамъ быть вольными, и ни отъ кого, кромѣ Бога, независимыми въ своихъ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, а въ духовныхъ сообразоваться имъ правиламъ Магометанскаго закона, безъ наималѣйшаго однакожъ предосужденія вольности и независимости; имъ утверждены всѣ земли и всѣ крѣпости, въ ихъ владѣніи прежде бывшія; имъ отдаются отъ меня Еникуль и Керчь, которые Порта Россіи съ ихъ гаванями и уѣздами симъ договоромъ уступила; 2 е. также Россіи замокъ Кинбурнъ съ его округомъ и всею степью между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ; Портѣ оставленъ Очаковъ съ его древнимъ уѣздомъ. 3 е. Молдавія, Валлахія и Архипелажскіе острова возвращены на выгодныхъ

для жителей условіяхъ; торговля и мореплаваніе купеческимъ кораблямъ взаимнымъ образомъ позволены, равно какъ плаваніе оныхъ изъ Чернаго моря въ Бѣлое, а изъ Бѣлаго моря въ Черное, и присвоены въ семъ случаѣ Россійскому кораблеплаванію и торговлѣ тѣ же выгоды и преимущества, какія Франція и Англія отъ Порты имѣютъ. 4 е. Заплатитъ обязалась Порта за убытки Россіи 4,500,000 руб. Въ прочихъ десяти статьяхъ, подписанныхъ на Бухарестскомъ Конгрессѣ, утверждены, и другія тамъ же предположенныя почти всѣ приняты въ ихъ силѣ. Пріимите, Всемилостивѣйшая Государыня, дѣло сіе и возвѣщеніе объ ономъ, яко плодъ силы оружія Вашего, яко доводъ Божіяго благоволенія въ такихъ Вашихъ предпріятіяхъ и яко пользу тѣхъ наставленій и руководствъ, которыми Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше учреждали къ тому мой подвигъ."

Увѣдомляя о сихъ происшествіяхъ Московскаго Градоначальника Князя Михайлу Никитича Волконскаго, Екатерина писала: „Васъ и всѣхъ сыновъ Отечества отъ всего сердца поздравляю съ благополучнымъ слав-

нымъ миромъ. Я сей день почитаю щастливѣйшимъ въ жизни моей: въ оный доставленъ Имперіи покой, столь для нее нужной."

Въ продолженіи 1774 года оказаны были въ Крымской Руской арміи два блистательные подвига личной воинской храбрости.

5го Апрѣля безпокойный Крымскій Ханъ *Девлетъ-Гирей* напалъ на одинъ Донской полкъ при вершинѣ рѣки Калалахъ. Симъ полкомъ начальствовалъ *Платовъ*, который въ послѣдствіи съ именемъ *Героя* и *Графа* гремѣлъ въ цѣлой Европѣ и за проспраннымъ Океаномъ. Отважный и остроумный Вождь Донской немедленно приказалъ спѣшиться козакамъ, выстроилъ продолговатый четвероугольникъ, помѣстилъ въ срединѣ коней; передній бокъ, подверженный яростному стремленію *Горцевъ*, окинулъ кулями, наполненными мукою. И такъ съ одной стороны защищался онъ сею оградой, сзади болотомъ, а со всѣхъ сторонъ непоколебимою неустрашимостію. На правой сторонѣ четвероугольника стоялъ *аулъ* или походный шатеръ. Ободряя подчиненныхъ своихъ, Платовъ съ саблею въ рукахъ былъ въ одной рубашкѣ. Грозныя

полны быстрыхъ наѣздниковъ непрестанно подскакивали къ козакамъ и непрестанно были жертвою мѣткихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Трое изъ сихъ храбрыхъ Донцевъ отправлены были Начальникомъ извѣстить войско о семъ внезапномъ нападеніи Горцевъ. Двое изъ нихъ ускакали, а третій принужденъ былъ сражаться съ пятью Горскими наѣздниками. Платовъ отбивался цѣлыя сутки и устоялъ. Такъ началъ блистательное свое поприще сей незабвенный Донскій Герой.

Въ томъ же году въ началѣ Мая прославился такою же отважностью Подполковникъ *Бухвостовъ*.

Начальствовавшій второю арміею Князь Василій Михайловичь *Долгорукой* извѣстился, что скопища Девлетъ-Гирея, мнимаго Хана Крымскаго, тревожатъ внезапными набѣгами союзныхъ нашихъ *Нагайскихъ* Татаръ, ближайшихъ къ рѣкѣ *Кубани*. Подполковникъ *Бухвостовъ* отправленъ былъ къ обезопасенію Нагайцевъ. Съ нимъ былъ только легкой полевой отрядъ и два козачьи полка; Горскихъ Черкесовъ было десять тысячъ. Замѣняя отважностью недостатокъ войскъ, Бухвостовъ три раза

на пути къ рѣкѣ *Кубани* сражался съ многочисленнымъ непріятелемъ и три раза увѣнчавался побѣдой. Первое дѣло происходило въ сорока верстахъ отъ рѣки. Сильно и упорно сопротивлялся непріятель, но былъ разбитъ и устремился въ лѣсъ. Крѣпка была его засада; но быстрое и отважное нападеніе спѣшившихся Донскихъ козаковъ вытѣснило его оттуда. Снова скопища Горцевъ явились у рѣки и рѣшились не подпустить къ ней Рускаго отряда; тщетно было и сіе покушеніе. Горцы сами принуждены были въ разсѣяніи бѣжать на сопротивный берегъ. Трупами ихъ усѣялось мѣсто сраженія, а въ плѣнъ достались два Черкескіе *Узденя*, родственники Девлетъ-Гирея.

Миновавъ *Копылъ*, Горцы устремились въ ущелины горъ. Бухвостовъ перешелъ за рѣку, занялъ городъ и на стѣнахъ его нашелъ тридцать четыре заряженныя пушки. Много было тамъ запасныхъ снарядовъ, но ни одного жителя; въ слѣдъ за Черкесами и они убѣжали въ горы.

Платовъ и при семъ случаѣ отличился: со спѣшившимися козаками полетѣлъ онъ въ лѣсъ. На каждомъ шагу угрожала ему

смерть, и каждый шагъ ознаменовывалъ онъ славой. Казалось, что онъ былъ при каждомъ изъ подчиненныхъ своихъ: всѣ живились его примѣромъ, и многочисленныя толпы Горцевъ съ трепетомъ бѣжали изъ лѣсу. Такъ сказано о семъ *лѣсномъ* сраженіи въ извѣстіяхъ того времени.

Вскорѣ по совершеніи казни надъ самозванцемъ, къ ободренію жителей древней Столицы, Екатерина посѣтила оную. Празднества народныя и милости, изліянныя на Россію, ознаменовали ея пріѣздъ. Герои Рускіе, гремѣвшіе на сушѣ и на водахъ, украсились новою почестью: Румянцевъ получилъ названіе *Задунайскаго*, Князь Василій Михайловичь Долгорукій именованъ *Крымскимъ*, Графъ Орловъ *Чесменскимъ*.

Въ Іюлѣ 1775 года происходило великолѣпное празднованіе мира. Тогдашній Генералъ-Прокуроръ Вяземскій отъ имени всѣхъ вѣрноподданныхъ читалъ пространную и витійственную Рѣчь; Вице-Канцлеръ Остерманъ отвѣчалъ отъ имени Императрицы. Изъявляя признательность всѣмъ ревностнымъ служителямъ престола и Отечества, она вѣщала, что *оныя не инако представляются ей, какъ облегчающими бре-*

мя земныхъ Владыкъ. Въ то же время Екатерина, по примѣру Петра Перваго, совѣтовала, *чтобы благодарить Бога, не ослабѣвать въ миръ о воинскомъ дѣлѣ, трудиться о общемъ добрѣ, о умноженіи торговли, мореплаванія и о народномъ облегченіи.*

Благодѣтельствуя народу, Екатерина отмѣнила сборы, наложенные во время войны, и многія затруднительныя подати; убавила цѣну на соль; предала забвенію слѣдствія и взысканія, произшедшія отъ мятежа; уничтожила разныя недоимки; постановила десятилѣтній срокъ на всѣ безгласныя дѣла; облегчила жребій преступниковъ, освободила купечество отъ подушнаго сбора и учредила подать съ капиталовъ; убавила пошлины съ продаваемыхъ имѣній; дозволила вольноотпущеннымъ по способности и по склонности избирать состояніе и упражненіе, полезное обществу.

Такимъ образомъ, соединял славу съ милосердіемъ, Екатерина оживила всѣ состоянія подданныхъ своихъ. Заботясь о внутреннемъ устроеніи Государства, она издала 12 Ноября 1775 года Указъ о *учрежденіи Губерній*. Намѣреніе Екатерины клонилось къ тому, чтобы доставить проч-

ныя основанія Судебнымъ Мѣстамъ, промышленности и торговлѣ. Сверхъ того она предполагала, что по раздѣленіи *Губерній* явственнѣе будутъ дѣянія и образъ жизни Дворянъ и прочихъ сословій. Наконецъ она желала, чтобы каждый усердно и искренно исполнялъ должность свою и чтобы время не гибло въ праздности и роскоши.

Екатерина, предвидя, что заключенный миръ не избѣгнетъ стрѣлъ зависти и пересудовъ, при самомъ началѣ онаго извѣстила о томъ *Штакельберга*, Рускаго Посланника въ Варшавѣ. „Заключенный миръ зажимаетъ ротъ многимъ людямъ, которые усиливались сдѣлать небылицы истиной. Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ молодаго Графа *Румянцева* съ симъ извѣстіемъ, я видѣла въ *Ораніенбаумѣ* всѣхъ иностранныхъ Министровъ. Искреннюю радость замѣтила въ Англинскомъ Посланникѣ и Датскомъ; въ Австрійскомъ и Прусскомъ менѣе. Вашъ другъ *Браницкій* смотритъ Сентябремъ. *Испанія* ужасалась; *Франція* въ унынiи и безмолвiи ходила одна, поджавши руки; *Швеція* не ѣстъ и не спитъ. Впрочемъ мы были скромны: о

миръ не молвили почти ни слова; да и какая въ томъ нужда: онъ самъ за себя говоритъ."

1775 Года Ипполитъ Федоровичъ Богдановичъ, говоря словами Сочинителя его жизни, *принесъ Душеньку въ даръ Граціямъ*; и сіе произведеніе, названное другимъ любителемъ словесности *цвѣткомъ Рускаго Парнасса*, сіе произведеніе сохранитъ всегда свѣжесть, нѣжность и прелесть, свойственныя Граціямъ.

1776 Года хотя и не воспылала рѣшительная война между Турціей и Россіей, но съ обѣихъ сторонъ происходили непріязненныя дѣйствія и принимаемы были мѣры осторожности. Россія подвигала войска свои къ Крыму; въ Константинополѣ заготовляли новыя орудія въ замѣну отнятыхъ у Турокъ. Въ теченіи сего года возвратился въ Кронштатъ побѣдоносный Россійскій флотъ. Екатерина посѣтила оный и засвидѣтельствовала благодарность Указомъ, писаннымъ собственною ея рукою. Щедрыя награды излились на мореходцевъ, прославившихъ Рускій *флотъ* на водахъ, омывающихъ страны древней Греціи. Между тѣмъ сколь ужасныя неистовства про-

исходили въ сихъ мѣстахъ! *Гассанъ-Паша*, отважный, мужественный, но необуздан-ный въ порывахъ мщенія, объѣзжая Гре-ческіе острова, вносилъ повсюду огнь и мечь. Выступя на берегъ въ *Морею*, приказалъ онъ казнить всѣхъ тѣхъ, которыхъ по-читалъ приверженцами Россіи, не разби-рая ни пола, ни возраста. Не удовлетво-ряясь ихъ смертію, по примѣру *Чингисъ-Хана*, *Тамерлана*, *Тахмасъ-Кулыхана* и прочихъ извергов, увѣковѣченныхъ Исторіей для вѣчнаго проклятія; по примѣру ихъ *Гассанъ* строилъ изъ отрубленныхъ головъ пирами-ды съ надписью: *смерть тому, кто при-коснется къ нимъ!* Такъ мстили Турки за-то, что по наущенію Франціи не могли овладѣть Кіевомъ и Москвою.

Въ Апрѣлѣ 1776 года Наслѣдникъ престола лишился первой супруги своей *Наталіи Алек-сѣевны*. Въ томъ же году, въ сопровожденіи Румянцева-Задунайскаго, отправился въ Берлинъ и обручился тамъ съ племянницею Короля Прусскаго, Принцессою *Виртемберг-Штутгардскою*. По прибытіи въ Петер-бургъ и по принятіи православія, обру-ченная невѣста наречена была Маріей Ѳео-доровной. Бракосочетаніе совершилось 26

Сентября въ придворной церкви Зимняго Дворца.

1777 Года Крымскіе Татары, получа призракъ независимости, междоусобіями своими готовили себѣ тотъ жребій, которому нѣкогда подверглись Казанскіе Татары, возмутясь разномысліемъ. *Нагайскія* орды, избравъ на *Кубани* въ Ханы Калги Султана *Шагинъ - Гирея*, для поддержанія сего избранія просили содѣйствія Рускихъ войскъ. Прозьба ихъ снова отворила входъ Рускимъ войскамъ въ Крымъ. Мечтая поддержать вольность свою чужими силами, они сами уготовляли паденіе свое. Независимость Крымскихъ Татаръ давно уже не существовала: они были или рабами Порты, или жертвами Хановъ, выводившихъ ихъ изъ мятежнаго гнѣзда для опустошенія пограничныхъ Рускихъ областей. *Девлетъ - Гирей*, преданный Портѣ, бѣжалъ съ сообщниками своими. Ему дали свободный путь, желая не погибели его, но удаленія. Щастіе, измѣнившее *Девлетъ - Гирею* въ Крыму, оставило его и въ Константинополѣ: онъ принятъ былъ какъ презрѣнный бѣглецъ. Хотя Турція не хотѣла признать новаго Хана, но *Шагинъ - Гирей*

съ помощію Рускихъ учинился *временнымъ* Ханомъ. Россія, покровительствуя малодушному *Шагинъ-Гирею*, ускоряла паденіе Крыма. Но какая же изъ земныхъ Державъ желала бы, ко вреду своему, поддержать опаснаго сосѣда?

Вскорѣ потомъ прибыло въ Петербургъ торжественное посольство отъ Крымскаго *Хана*. Слѣдуя внушеніямъ, управлявшимъ его жребіемъ, *Шагинъ-Гирей* просилъ, чтобы оставили Рускія войска до утвержденія *новаго бытія* Крымскихъ областей; прозьба его была принята, ибо она благопріятствовала дальнѣйшимъ предпріятіямъ Россіи. Екатерина, принявъ за правило, чтобы всѣ важныя произшествія ознаменовывать благостію къ народу, и при семъ случаѣ сложила съ подданныхъ многія подати.

Въ исходѣ *1777* года Декабря 12 родился нынѣ царствующій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЬ.

Со времени Крымскихъ дѣлъ часъ отъ часу болѣе возвышался чудесный Князь *Потемкинъ*, о которомъ Державинъ сказалъ, что онъ былъ *могицъ*, *хотя и не въ порфирѣ*. Пылая честолюбіемъ, онъ хотѣлъ

вездѣ первенствовать, на полѣ битвъ и на мирномъ поприщѣ. Онъ любилъ Россію, любилъ Отечество; но желалъ, чтобъ слава Россіи отъ него проистекала. Послѣ первой Турецкой войны, встрѣчая при Дворѣ соперниковъ, онъ уклонился въ обитель и готовился облачаться въ духовномъ санѣ. Примѣчая колеблемость случайности соперниковъ своихъ, онъ съ новымъ блескомъ возвратился ко Двору. Съ неровными былъ онъ ласковъ, снисходителенъ; съ соперниками гордъ и неуступчивъ. Блисталъ наружною пышностью, и склоненъ былъ къ уединенію; любилъ чтеніе и отовсюду собиралъ людей, способныхъ сообщить ему что нибудь полезное. Имя его вскорѣ возгремѣло въ Европейскихъ областяхъ; часто порицали его, а еще болѣе искали въ немъ. При составленіи военнаго *нейтралитета* по случаю войны, возгорѣвшейся 1772 между Англіей съ Американскими областями; Англичане, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, предлагали Потемкину пятьдесятъ тысячъ *фунтовъ стерлинговъ*, чтобы онъ благопріятствовалъ имъ. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, услыша о томъ, сказалъ: *Потемкина не льзя подкупить*. Ве-

ликодушный соперникъ и сопернику отдаетъ справедливость. Панинъ, украшаясь симъ превосходнымъ качествомъ, воздалъ лучшую похвалу Потемкину.

Въ Октябрѣ 1777 года скончался Александръ Петровичъ *Сумароковъ*, который вмѣстѣ съ Ломоносовымъ споспѣшествовалъ къ установленію у насъ новой Свѣтской Словесности. — Онъ упражнялся почти во всѣхъ родахъ. За театральныя сочиненія по всей справедливости названъ онъ *отцемъ Русскаго театра*; басни его проложили путь его послѣдователямъ. Онъ научилъ языку нѣжности и любви. Нѣкоторыя изъ Лирическихъ его произведеній, особенно *Гимнъ о премудрости Божіей въ солнцѣ*, ознаменованы истиннымъ паренiемъ духа и воображенія. По пылкости своего нрава онъ не могъ соблюдать постоянной равности въ прозѣ, но почти всѣ его прозаическіе отрывки наполнены остротою, силою и нерѣдко глубокомыслiемъ. Онъ умѣлъ вникать и въ изгибы сердца и въ причины дѣяній человѣческихъ. Притомъ же и на поприщѣ театральномъ и во всѣхъ другихъ частяхъ Словесности онъ изобрѣталъ новые пути; и превосходные образ-

цы стиховъ и прозы находятся въ собственныхъ его сочиненіяхъ. Предложимъ здѣсь въ примѣръ яснаго, чиснаго и умнаго прозаическаго слога, отрывокъ его о законодательствѣ. „Казни за беззаконія," говоритъ онъ въ похвальномъ словѣ Петру Первому: „суть орудія, привлекающія насъ на пути добродѣтели. Воздаяніе и наказаніе праведнаго судіи не превосходятъ мѣръ заслугъ и преступленія. Слабости препятствуютъ милосердію и покаряются ему; беззаконія сопротивляются милосердію и вооружаются противъ него. Слабости человѣчествомъ извиняются, беззакоія и звѣрствомъ самимъ извинишься не могутъ. Праведный судія рачительно и тонко разсматриваетъ дѣянія наши, и дѣйствіями нашими входитъ во внутренность нашихъ сердецъ. Симъ образомъ судитъ Богъ, симъ образомъ долженъ судить Царь. Такъ царствовалъ надъ нами Петръ, такъ царствуетъ дщерь его Елисавета (*). Истиною и милосердіемъ получаютъ Государи любовь отъ подданныхъ своихъ. Не страхъ, но любовь на-

(*) Сочиненіе Сумарокова относится къ 1759 г.

рода, есть ограда и украшеніе пре-
стола."

Екатерина сочиняла Наказъ по Французски; слѣдственно Сумароковъ первый изъ свѣтскихъ нашихъ писателей написалъ страницу о законодательствѣ чистымъ, яснымъ и основательнымъ слогомъ.

Въ Маѣ 1778 года умеръ *Вольтеръ*, живши 84 года и нѣсколько мѣсяцовъ.

Сближая съ собою всѣ области Европейскія, Вольтеръ сблизилъ съ собою и Россію, или лучше сказать, Екатерина для того сблизила его съ Россіей, чтобы онъ былъ отголоскомъ ея во Франціи.

Поднося изъ золотой чаши отравы и часто ядъ самой ничтожной лести, Вольтеръ никогда и капли изъ сихъ отравъ не могъ влить въ сердце Екатерины. Страстно любя Словесность, она отдавала справедливость нѣкоторымъ превосходнымъ твореніямъ всемірнаго *Фернейскаго* писателя, но она его знала; она понимала тайную причину всѣхъ его нападеній на самолюбіе; въ перепискѣ своей съ нимъ она и остроумнѣе и во всемъ основательнѣе его. Въ сей достопамятной перепискѣ она влады-

шествовала перомъ своимъ и надъ Вольтеромъ.

Не нашедъ того въ Исторіи Петра Перваго, изданной Вольтеромъ, чего ожидала, умная Екатерина замѣтила ему, что у нее есть теперь *лучшія записки* для составленія Исторіи Петра Великаго.

Вольтеръ предлагалъ Екатеринѣ ввести въ употребленіе противъ Туровъ колесницы, изобрѣтенныя Графомъ *Дарженсономъ*. Екатерина отвѣчала: „Увѣдомленіе ваше о нововыдуманныхъ колесницахъ всего болѣе увѣряетъ меня въ искреннемъ вашемъ участіи въ дѣлахъ моихъ; но наши военные люди похожи на всѣхъ другихъ военныхъ людей: имъ каждая *неиспытанная новость кажется сомнительною.*“

Имя Екатерины возгремѣло побѣдами. Вольтеръ въ письмѣ своемъ отъ Сентября *1770* года пишетъ, что онъ мысленно перенесшись на вершины Альпійскихъ горъ, обозрѣваетъ подвиги несравненной Сѣверной Героини и что вмѣстѣ съ *Даламбертомъ*, гостившимъ у него тогда въ *Фернеѣ*, ищетъ лавровъ для украшенія ея изображенія; но что всѣ наблюдатели приро-

ды увѣряютъ ихъ, что *теперь лавры остались въ одной только Россіи.*

На сіе пышное письмо скромная Екатерина отвѣчала: „Вы думаете, что я застѣсивилась отъ успѣховъ нынѣшней войны? Нѣтъ, я далека отъ того, хотя и знаю, что Европа стала тогда только находить во мнѣ умъ, когда щастіе начало мнѣ благопріятствовать.“

Выманивая у щедрой Руской Императрицы деньги продажею часовъ Фернейскихъ своихъ художниковъ, Вольтеръ пришворялся, будто бы они безъ вѣдома его послали ко Двору часовъ на 39,258 рублей, и убѣждалъ Екатерину постепенно, а не вдругъ уплачивать сіи деньги. Шутя надъ уловкою Вольтера и желая при всякомъ случаѣ защищать Россію, любезную ея сердцу, Екатерина отвѣчала: „Не браните поселенцевъ вашихъ; такія издержки меня не разоряютъ. Не заключайте о нашихъ Государственныхъ доходахъ по примѣру прочихъ разоренныхъ Европейскихъ Державъ; вы бы меня тѣмъ обидѣли. Не смотря на прехлѣтнюю войну, строенія у насъ не останавливаются и все такъ идетъ, какъ будто бы мы и не въ войнѣ. У насъ въ два

года не наложено ни одной новой подати; опредѣленное число военныхъ издержекъ не разстроиваетъ у насъ другихъ Государственныхъ издержекъ.“

Рускихъ, писавшихъ Французскіе стихи, Вольтеръ называлъ сынами *Овидія* и богинь; приверженцовъ своихъ жаловалъ въ Цари. „Можно ли“ говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: „можно ли, чтобы въ *царствованіе* Даламберта, Дидерота и Сен-Ламберта существовалъ какой нибудь предразсудокъ?“

Превосходныя его трагедіи принадлежатъ и Франціи и всѣмъ странамъ, гдѣ любятъ словесность.

Къ нещастію, онъ много смѣялся надъ родомъ человѣческимъ, и, какъ говоритъ Томасъ, *онъ смѣялся адскимъ смѣхомъ*. По прихотямъ воображенія, онъ выдавалъ себя и за ревностнаго защитника рода человѣческаго и въ то же время участвовалъ въ торговлѣ Негровъ.

Никто болѣе Вольтера не бранилъ Французовъ. Въ исходѣ Іюня 1771 года онъ писалъ къ Екатеринѣ: „Я живу отъ *Белжскихъ*, то есть отъ границъ Французскихъ, въ одной полькомилѣ, но не хочу умереть между Фран-

цузами.“ А въ другомъ письмѣ увѣрялъ, что естьлибъ онъ былъ моложе, то желалъ бы быть *Русскимъ*.

Но онъ умеръ въ Парижѣ, куда завлеченъ былъ порывами нестарѣющагося самолюбія. Веселясь данными ему торжествами и досадуя на дряхлость силъ своихъ, онъ съ негодованіемъ говорилъ приверженцамъ своимъ: *На что вы вывезли меня изъ моей пустыни? Вы уморите меня вашими торжествами!*

„Провидѣніе“ говоритъ знаменитый Германскій писатель *Галлеръ*: „надѣлило Больтера и сокровищами и всѣми благами міра и долголѣтнею жизнію, чтобы показать, что мятежъ тщеславныхъ страстей никогда не укрощается.“

Между Австріей и Пруссіей воспылали новые раздоры; поводомъ къ тому послужила смерть Курфирста *Баварскаго*, послѣдняго изъ Дома *Витебельскаго*. Австрія, почитая себя единственною наслѣдницею Баваріи, внесла въ области ея оружіе; Король Прусскій вступился за право свое. Начались переговоры и вскорѣ заблистали штыки. Въ сію войну особенно прославился Австрійскій Фельдмаршалъ *Лаудонъ*. Въ царство-

ланіе Анны Лаудонъ вышелъ изъ Руской службы и не былъ принятъ въ Прускую. Фридрихъ, взглянувъ на него, сказалъ приближеннымъ своимъ: *мнѣ лице этаго человѣка не нравится.* Лаудонъ доказалъ, что не должно судить по наружности. Посредничествомъ Екатерины прекратились распри Пруссіи съ Австріей. 1778 Года заключенъ былъ *Тешенскій* миръ.

Во время войны за Баварское наслѣдство; на устьѣ Днѣпра построенъ *Херсонъ*, предвѣстившій покореніе Крыма. Подражая древнимъ Римлянамъ, которые въ мирное время употребляли воиновъ для общеспвенныхъ работъ, Потемкинъ назначилъ нѣсколько полковъ для созиданія новой пристани. Милліоны были издержаны, но не потеряны; сіи издержки не истощали, но обезпечивали Отечество. Существованіе Крыма похищало у Россіи милліоны и тысячи полезныхъ обывателей, которыхъ не льзя замѣнить никакими деньгами. Вскорѣ изъ пристани Херсонской поплыли корабли въ Черное и Средиземное море.

1779. Года 27 Апрѣля родился Его Императорское Высочество Цесаревичь Великій Князь КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЬ.

1780 Года Екатерина предприняла путешествіе для обозрѣнія областей, отошедшихъ отъ Польши и присоединенныхъ къ Россіи. Столица поручена была въ управленіе Фельдмаршалу Князю Александру Михайловичу *Голицыну*. Дворянство С. Петербургское возобновило прозьбу, чтобы Государыня благоволила принять наименованія *Великой* и *Матери Отечества*. Въ то же время, по приглашенію тогдашняго Дворянскаго Предводителя, Князя Александра Борисовича *Куракина*, собраны были деньги съ Дворянства и купечества для сооруженія торжественныхъ воротъ и для приготовленія великолѣпной встрѣчи Высочайшей Путешественницѣ. Екатерина не согласилась ни на то, ни на другое. „Не пріобрѣтеніе пустыхъ названій,“ писала она: „есть предметъ моего царствованія, но доставленіе блага и спокойствія Отечеству и возвеселіе славы и величества его.“

8 Мая 1780 года Екатерина обнародовала постановленіе о мореплаваніи и торговлѣ по обстоятельствамъ морской вой-

ны Англіи съ Франціей, а также и войны Гишпанской. Сія многосложная война начинала причинять вредъ Русской торговлѣ; Екатерина приняла всѣ мѣры и къ обезопасенію сей торговли и къ вознагражденію за понесенные убытки. Всѣмъ воевавшимъ Державамъ было о томъ повѣщено; повторены были статьи торговаго союза съ Англіей и предложены явственныя и непреложныя основанія естественнаго и народнаго права. Екатерина ручалась, что и съ своей стороны будетъ то же исполнять, чего требовала отъ другихъ. Она убѣждала подданныхъ своихъ сообразоваться съ ея постановленіемъ; въ противномъ случаѣ лишала ихъ помощи и покровительства.

Не смотря на разглашенія зависти и ненависти, слава Екатерины гремѣла во всѣхъ предѣлахъ Державъ Европейскихъ. Австрійскій Императоръ Іосифъ, удивляясь душевнымъ ея качествамъ, спѣшилъ лично съ нею ознакомиться. Свиданіе произошло въ *Могилевѣ*. Екатерина, умѣвшая въ полной мѣрѣ *царствовать* и *плѣнять сердца*, еще болѣе очаровала Іосифа обхожденіемъ. Онъ удивлялся и величію ея и благородству ду-

шевному, возвышающему власть и могущество. Императоръ Австрійскій посѣтилъ Столицу, основанную Петромъ; былъ потомъ въ Москвѣ, и восхищаясь вездѣ устроеніемъ Россіи, по опыту узналъ несправедливыя сужденія иностранцевъ о нашемъ Отечествѣ.

1781 Года Екатерина занялась учрежденіемъ *народныхъ училищъ*. По сему случаю изданы были первоначальныя книги, сообразенныя съ правленіемъ и съ Вѣрою.

Въ Ноябрѣ 1780 года скончалась *Марія Терезія*, вѣрная союзница Императрицы Елисаветы Петровны. Не одинъ союзъ политическій, но и союзъ добродѣтели соединялъ сихъ двухъ Императрицъ. Обѣ онѣ подвержены были бѣдственному жребію и обѣ во дни злоключенія подкрѣплялись Вѣрою, а во времена щастливыя силою добродѣтели владычествовали надъ сердцами. Елисавета давала *новую жизнь мертвымъ*, то есть осужденнымъ къ смерти. Марія Терезія желала лучше умереть, нежели перестать благодѣтельствовать злополучнымъ. Сынъ ея Іосифъ Второй, питая къ ней неизмѣнное почтеніе, осмѣлился однако пожелать, чтобы она не такъ была

щедра въ раздачѣ милостей; Марія Терезія опивѣчала: *должно меня убить, естьли хотятъ запретить мнѣ быть благотворительною* (*).

Не отдѣляя себя ни въ чемъ отъ общеполезныхъ упражненій подданныхъ своихъ, Екатерина сочиняла въ досужные часы книгу для будущаго наставленія малолѣтныхъ своихъ Внуковъ, изданную потомъ подъ заглавіемъ: *Библіотека для Ихъ Императорскихъ Высочествъ*. Изъ сей самой книги передала она почти всѣ мысли и наставленія въ Букварь, назначенномъ для народныхъ училищъ. Премудрая Императрица желала, чтобы вновь возраставшее поколѣніе ея народа одушевлялось тѣми же правилами, которыя готовилась напечатлѣвать въ душахъ вѣнценосныхъ своихъ Внуковъ.

Въ семъ 1781 году предстояли два важныя обстоятельства касательно областей Россіи.

Гишпанія, обезпокоиваемая Африканскими морскими разбойниками, не способными къ законнымъ договорамъ, ни къ со-

---

(*) Смт. жизнь Іосифа Втораго, сочиненную Маркизомъ *Караціоли*, стр. 25.

блюденію слова, рѣшилась искать посредничества Россіи. Повѣренный ея *Боликі*, прибывшій въ Константинополь, возмѣрился сперва вступить о томъ въ переговоры съ Портою. Французскій посолъ, опасаясь, чтобы Гишпанія, освобожденная отъ морскихъ разбойниковъ, не приняла участія въ Левантской торговлѣ Французовъ, а посолъ Неаполитанскій, страшась лишиться денегъ, получаемыхъ имъ за хожденіе по дѣламъ Гишпанскимъ, старались полагать ему непреоборимыя препоны. Вотъ какія ничтожныя причины отвлекаютъ людей отъ общей пользы! Но для корысполюбія, обольщающагося мгновенными выгодами, будущее не существуетъ.

Между тѣмъ Россійскій Посланникъ Булгаковъ, проникнувъ тайну *Боликія* и зная душу Екатерины, всегда готовую ко всему тому, что относилось къ общему благу Царствъ и народовъ, увѣдомляя ее о семъ произшествіи, писалъ къ ней въ сихъ словахъ: „Ежели Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ обратить въ пользу дѣлъ сіе обстолпельство, для умноженія вліянія вашего въ Европѣ и для одолженія Гишпаніи, которая ищетъ дружбы съ Портою, между

тѣмъ и для того, чтобъ отдохнуть отъ разбойническихъ нахальствъ варварскихъ республикъ, я не смѣю отвѣчать за успѣхъ въ такой землѣ, гдѣ ничего вѣрнаго нѣтъ, но думаю, что попытка ничего испортить не можетъ, а Гишпанія будетъ вамъ обязана. На семъ основаніи осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить мысль мою, происходящую единственно отъ ревности и усердія къ службѣ Отечества, которое Ваше Императорское Величество возводите на верхъ всевозможной славы. Внушеніе о семъ, учиненное Гишпанскому Двору, можетъ побудить его прибѣгнуть къ покровительству Вашего Величества, которое столь было полезно многимъ Государствамъ. И нынѣ Гишпанія съ Россіей, нынѣ сіи два Государства сражаются за свободу Европы и вселенной, за Вѣру и добродѣтель; но нужно, кажется, притомъ наблюсти, чтобъ отъ Французовъ скрытно дѣло сіе производилось; ибо они конечно не упустятъ тайнымъ образомъ тому противиться."

Въ то же время Венеціанскій посолъ, бывшій въ Константинополѣ, откровенно признался Булгакову, что республика Ве-

нецiанская давно уже желаешь быть въ союзѣ съ Россiей, но для того доселѣ не приступала, что образъ правленія сей республики требуетъ времени и терпѣнія въ дѣлахъ. Письма Булгакова къ Екатеринѣ свидѣтельствуютъ, что Константинополь былъ столицею, гдѣ послы второстепенныхъ Европейскихъ Державъ, усиливаясь затруднять намѣренія Россіи, покорствовали послу Французскому; а другіе послы ссорились между собою, увлекаясь завистію или самолюбіемъ. Видя, сколь сіи ничтожныя страсти безславятъ имя Христіянскихъ пословъ въ глазахъ Турокъ, Булгаковъ, отдавая о томъ отчетъ Императрицѣ, съ горестію душевною прибавилъ: *Какой стыдъ для Европейцевъ!*

1782 Года Августа 17 открытъ въ С. Петербургѣ памятникъ, сооруженный Екатериною Второй Петру Первому. До открытія сего памятника туманъ застилалъ дневное сіяніе; но едва явился Петръ, сидящій на конѣ, солнце явилось въ полномъ блескѣ и раздались радостныя восклицанія жителей, изъ которыхъ нѣкоторые еще помнили черты лица того, *кѣмъ всегда веселялись ихъ очи.* Идя по стопамъ Великаго

Петра, Екатерина желала непрестанно имѣть въ глазахъ и ликъ предшественника своего. Истинно великіе люди любятъ и уважаютъ славу другихъ; они почли бы то для себя ущербомъ, чего бы не воздали добродѣтели и славѣ. Екатерина носила табакерку съ изображеніемъ Петра Перваго. „Смотря на него“ говорила она: „я воспоминаю его дѣянія и стараюсь имъ подражать.“

1783 Года въ ежемѣсячномъ изданіи *Собесѣдника* любителей Россійскаго слова, въ которомъ непосредственно участвовала Екатерина, напечатана была Державина ода *Фелицѣ*.

Гаврила Романовичъ Державинъ и до того уже времени извѣстенъ былъ нѣкоторыми стихотвореніями, особенно стихами на рожденіе *Порфироороднаго Отрока на Сѣверѣ* и одою на смерть Князя *Мещерскаго*. Сіи стихотворенія отличались живостью, силою и вымысломъ; но они не возвели его еще на степень единственнаго творца въ своемъ родѣ. Съ изданія оды *Фелицѣ* онъ проложилъ себѣ новый путь, и во все царствованіе Екатерины и въ прославленіи побѣдъ, увѣнчавшихъ Россіянъ на долинахъ

Италіи и на вершинахъ горъ *Альпійскихъ*, онъ твердою стопою шелъ симъ путемъ къ безсмертію и славѣ. Державинъ есть истинный стихотворецъ вѣка Екатерины Второй: ибо первое одушевленіе на новомъ своемъ поприщѣ почерпнулъ онъ изъ источника, открытаго *Екатериной - писательницей*. Киргизкайсатская Царица *Фелица*, Царевичъ *Хлоръ* и Бояринъ *Решемыслъ*, суть тѣ очаровательныя лица, которыми Екатерина въ сладостныхъ мечтаніяхъ населяла мысленную область, куда переходила отдыхать умомъ отъ заботъ и трудовъ царственныхъ. При чтеніи оды Державина Императрица проливала слезы; она видѣла, что онъ изобразилъ главную цѣль всѣхъ ея трудовъ, цѣль — чтобы *жить* для подданныхъ и щастіе свое полагать въ ихъ щастіи.

Ода Державина напечатана была въ первой Части *Собесѣдника*, въ которомъ, какъ я уже сказалъ, непосредственно участвовала Екатерина. Съ сего времени началось также и поприще Руской писательницы Екатерины Второй. Въ семъ изданіи помѣщала она *были* и *небылицы* и *записки касательно Россійской Исторіи*. Сей послѣдній

трудъ предприняла она къ изобличенію несправедливыхъ сужденій иностранцевъ о Руской древности, а въ остроумныхъ *быляхъ* и *небылицахъ* давала намѣки современникамъ. Разсуждая о небрежномъ и новомодномъ воспитаніи, она уподобляла *пороки*, имъ производимые, *стекающему половодію*. „Вода“ говорила она: „пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго: *берега* суть *воспитаніе*.“

Въ *былях* и *небылицах* изъявляла она желаніе, чтобы болѣе прибѣгали къ *совѣсти*, нежели къ *тяжбамъ*. „Одинъ дворянинъ“ разсказываетъ она: „тягавшись въ семи мѣстахъ болѣе тринадцати лѣтъ, помирился съ сосѣдями своими въ Совѣстномъ Судѣ.“

Въ томъ же остроумномъ сочиненіи предложила слѣдующее правило къ исправленію нравственности: „Запишите,“ говоритъ она: „чистосердечно одинъ день съ утра до вечера свои мнѣнія и поступки, и вы увидите, какъ уменьшится высокомѣріе высокомѣрныхъ и гордость гордыхъ.“

Подтверждая правило сіе собственнымъ своимъ примѣромъ, Екатерина признавалась, что она до тѣхъ поръ мечтала о невозможномъ, пока опытъ не убавилъ мечтательнаго полета ея мыслей. — „Не моему перу“ говорила она: „перемѣнить ходъ природы;“ и чрезъ нѣсколько страницъ предложила сію разительную мысль: „уму человѣческому во всякомъ случаѣ предложено много дорогъ разныхъ, прямыхъ и съ излучинами; дѣло въ томъ, чтобъ не сбиться, а дойти.“

Подкрѣпляясь опытомъ, Екатерина избрала себѣ вѣрнѣйшую дорогу, ту, которая ведетъ къ величественной простотѣ въ правленіи и къ надежному обладанію надъ сердцами.

По особенному желанію Екатерины въ *Собесѣдникѣ* печатались предлагаемые ей различные вопросы.

Сочиненія Екатерины суть Исторія ея мыслей, объясняющихъ ея дѣянія. И такъ приведемъ въ Руской Исторіи нѣсколько ея отвѣтовъ на вопросы *Фонъ-Визина*. Сіи отвѣты тѣмъ болѣе любопытны, что едва ли гдѣ встрѣтимъ такое благородное сношеніе Вѣнценосца съ подданными.

„*Отъ чего*“ спрашивалъ Фонъ-Визинъ: „въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличаться?“

„Отъ того“, отвѣчала Екатерина: „что сіе не есть дѣло всякаго.“

„Чѣмъ можно“ продолжалъ Фонъ-Визинъ: „возвысить упадшія души дворянства?“

На сей вопросъ Екатерина отвѣчала живымъ свидѣтельствомъ: „Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшнимъ,“ сказала она: „покажетъ несомнѣнно, сколько души ободрены или упали: самая наружность, походка и проч. то уже оказываютъ.“

„Въ чемъ состоитъ наше народное свойство?“ спрашивалъ Фонъ-Визинъ въ двадцатомъ своемъ вопросѣ.

Екатерина отвѣчала: „Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.“

Между тѣмъ, какъ Екатерина и важнымъ и шутливымъ слогомъ возбуждала вниманіе въ умахъ, Крымскія дѣла и прочія шли своимъ порядкомъ.

Съ того времени, когда Турки, покоря Греческую Державу, утвердили свой

военный станъ въ Европѣ, съ того времени смежность Крыма съ областями Россіи становилась часъ отъ часу опаснѣе. Предвидя замыслы Азіятскихъ пришельцевъ, Рускіе правители начали помышлять о завоеваніи или освобожденіи Константинополя. Въ 1462 году Іоаннъ Васильевичь, дѣдъ Іоанна *Грознаго*, съ симъ намѣреніемъ вступилъ въ бракъ съ Греческою Царевною Софіею, дщерію Ѳомы Палеолога, владѣльца Морейскаго, который отъ Турецкаго оружія бѣжалъ въ Римъ.

Іоаннъ Грозный воевалъ съ Крымскими Татарами; наслѣдники его принуждены были неоднократно отражать внезапныя ихъ нападенія, простиравшіяся до самаго сердца Россіи, до стѣнъ Московскихъ. Петръ, ограждая безопасностію Россію на Сѣверѣ, желалъ и на Югѣ утвердить ея спокойствіе; преждевременная кончина не допустила его совершить сего подвига. Извѣстно, что, когда оружіе его гремѣло въ Финляндіи, когда наглыя орды Крымскихъ Татаръ, врываясь въ предѣлы Украинскіе, похищали стада, жгли селенія и уводили въ плѣнъ тысячи жителей, подвергавшихся тягостному рабству и горестной разлукѣ съ

родным краемъ. Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны тѣ же разорители, поощряемые Портою Оттоманскою, внесли въ предѣлы Россіи мечь и огнь. Наконецъ мы видѣли, что и въ послѣдній годъ царствованія Императрицы Елисаветы, то есть 1761 года, Крымскій Ханъ сперва самъ вызывался для пользъ Короля Прускаго возстать противъ Австріи и Россіи, а потомъ, по настоятельнымъ убѣжденіямъ Короля, усиливался вмѣстѣ съ собою вооружить противъ Россіи и Порту Оттоманскую. И такъ не властолюбіе и не мечтательное разпространеніе областей, но существенная польза Россіи требовала, чтобы необузданные ея сосѣди были укрощены и чтобы Южныя наши области обезопасены были отъ меча и пламени, вносимыхъ въ нѣдра ихъ буйными ордами.

Совершеніе сего важнаго подвига вѣрено было тому, кто, по словамъ Державина, *умѣлъ взвѣсить силу Росса и духъ Екатерины.* При семъ случаѣ Потемкинъ доказалъ глубокое познаніе сердца человѣческаго и тѣхъ нравственныхъ средствъ, которыя надежнѣе всякаго оружія смиряютъ и покоряютъ народы. Овладѣвъ душою послѣдняго Крым-

ского Хана, Потемкинъ уловлялъ его всѣми прелестями роскоши и обычаевъ Европейскихъ. *Шагинъ-Гирей*, задремавъ на лонѣ нѣги и праздности, возненавидѣлъ образъ жизни предковъ своихъ. Уже для силъ его, истощенныхъ роскошью, верховая ѣзда стала казаться утомительною, а прежняя пища не могла услаждать его вкуса. Наблюдая всѣ шаги и новыя привычки владѣльца Крымскаго, Потемкинъ немедленно отправлялъ къ нему великолѣпныя кареты и всѣ тѣ прихоти, которыя оковываютъ душу желаніями, неизвѣстными и ненужными въ жизни простой и умѣренной. Звукъ оружія, суровые нравы соотечественниковъ, все сдѣлалось несноснымъ Шагинъ-Гирею. Но узнавъ очаровательныя прелести роскоши, онъ узналъ и то, что онѣ покупаются цѣною золота. Ханъ, порабощясь нѣгѣ и корыстолюбію, продалъ власть свою. *Годовое содержаніе*, свободно удовлетворяющее прихотямъ, предпочелъ онъ обладанію, тягостному для сыновъ роскоши и нѣги. Покореніе Таврической Области произошло въ теченіи 1783 года. За сей *безкровный* даръ, принесенный Потемкинымъ Россіи, Екатерина наградила

его наименованіемъ *Таврическаго*. Древнее Царство Митридатово пало къ стопамъ Екатерины.

Между тѣмъ, когда Екатерина покореніемъ Крыма обезопасивала Южныя области Россіи, лютая война свирѣпствовала между Англіей и Франціей за новую республику, возникшую въ областяхъ Сѣверной Америки. Екатерина, искренно желая содѣйствовать къ пользамъ Европы, предложила 12 Марта 1783 года посредничество свое Лондонскому и Версальскому Дворамъ. Съ радостію они на то согласились; и Россійская Императрица немедленно уполномочила во всѣхъ переговорахъ посланниковъ своихъ Князя *Барятинскаго* и Аркадія *Маркова*, находившихся тогда во Франціи.

При всемъ великодушномъ желаніи Екатерины примирить Англію съ Франціей, она не могла въ томъ успѣть. Необычайныя обстоятельства съ одной стороны воспалили неугасимую ненависть въ сердцахъ Американцевъ противъ Англіи, а съ другой стороны поселили непримиримую вражду въ Англичанахъ къ Франціи, вѣковой ихъ соперницѣ. О причинахъ нена-

висти Американцевъ къ Англичанамъ *Веніамину Франклину*, непосредственно содѣйствовавшій къ независимости Сѣверныхъ Американскихъ областей, еще въ 1776 году въ письмѣ своемъ къ *Лорду Гове* говорилъ: „Намъ не льзя покориться тому правительству, которое съ неистовымъ безчеловѣчіемъ истребило огнемъ беззащитные наши города, возбудило дикихъ рѣзать мирныхъ нашихъ земледѣльцевъ, а невольниковъ умерщвлять своихъ памѣщиковъ; которое и въ сіе мгновеніе присылаетъ наемныхъ иностранцевъ, присылаетъ для того единственно, чтобы напитать кровью наши селенія.“

Англичане не могли также простить того Франціи, что по предписанію ея правительства 1777 года скрывали вездѣ въ Американскихъ областяхъ гербы Короля Великобританскаго. Одинъ Англинскій писатель въ сочиненіи своемъ, какъ будто бы пророческимъ духомъ, вѣщалъ сіи слова злополучному Людовику XVI: „Неосторожный Король! ты радуешься свободѣ Американцевъ; но въ ихъ дремучихъ лѣсахъ и твои юные Французы заразятся дикою независимостію: ты приказываешь срывать гербы Короля

Великобританскаго; но святотатственныя ихъ длани могутъ посягнуть и на твой вѣнецъ: въ порывахъ неистоваго своеволія и твои подданные могутъ поколебать твой престолъ!“

Въ безкровномъ пріобрѣтеніи Крыма непосредственно участвовалъ и Яковъ Ивановичъ Булгаковъ. Князь Таврическій, зная, что одному ни въ чемъ не льзя достигнуть надежныхъ успѣховъ, уважалъ и отыскивалъ всѣхъ тѣхъ, которые могли споспѣшествовать къ пользамъ престола и Отечества. Сія внимательная искательность и безпристрастная справедливость къ заслугамъ другихъ были отличительнымъ качествомъ его души. Великая душа чуждается зависти и ненависти. Извѣщая Булгакова о присягѣ Крымскихъ чиновниковъ изъ лагеря при *Карасу-Базарѣ* отъ 12 Іюля 1783 года, онъ писалъ къ нему: „Да благословитъ Богъ старанія ваши! онѣ увѣнчаются успѣхами; въ томъ ручаются умъ вашъ, усердіе и дѣятельность. Я къ вамъ подвинусь поближе. Относитесь прямо ко мнѣ. Къ посланному наставленію нечего прибавить. Все состоитъ въ томъ, чтобы Крымъ принадлежалъ Россіи, обра-

тился къ Вѣрѣ и процвѣталъ подъ Державою Екатерины Второй."

28 Іюля 1783 года Екатерина препроводила къ Суворову знаки Владимира Первой степени за ревностное участіе въ дѣлахъ Крымскихъ и за присоединеніе различныхъ кочующихъ народовъ къ Россійской Державѣ.

Казань и Астрахань пали отъ междоусобныхъ распрей; тѣ же причины ускорили и паденіе Крымскихъ Татаръ. Въ приведеніи въ подданство Россіи различныхъ Татарскихъ племенъ, Суворовъ дѣйствовалъ не только какъ полководецъ, но и какъ искусный политикъ: онъ сближалъ съ Россіей кочующія орды силою ласки и дружелюбія. Данныя имъ празднества были родственными празднествами: Рускіе въ честь Екатерины возглашали *ура!* и Татарское *Алла!* сливалось въ воздухѣ съ сердечнымъ восклицаніемъ сыновъ Россіи. Подъ открытымъ небомъ *Нагайцы* присягали въ вѣрности, и сія присяга послужила образцемъ присяги Крымцевъ. Столѣтній старецъ *Мурза-Бей* называлъ Суворова своимъ *богатыремъ* и *сыномъ*.

Но сіи *Нагайцы*, съ предками которыхъ *Чингисъ-Ханъ* попрялъ предѣлы Азіи и

между которыми родился *Тамерланъ*: Нагайцы предались мятежу. Принявъ всѣ мѣры осторожности, Суворовъ въ сихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ дѣйствовалъ болѣе душевнымъ убѣжденіемъ, нежели силою оружія. Въ виду грознаго Кавказа, въ лѣсахъ и степяхъ, онъ казался законодавцемъ дикихъ племенъ. Наконецъ Нагайскіе Татары, не смотря на легкомысліе, свойственное кочующимъ народамъ, оказывали такую довѣренность къ словамъ Суворова, какую дѣти оказываютъ отцу, умѣющему благоразумно награждать и наказывать ихъ.

Во всѣхъ обстоятельствахъ, относившихся къ Портѣ, Екатеринѣ и Чиновникамъ ея, надлежало бороться съ происками Французовъ. Повѣренные Двора Французскаго, перетолковывая все по своимъ догадкамъ и мнѣніямъ, и въ семъ случаѣ укоряли Россію властолюбіемъ. Не помышляя о безопасности собственной своей страны, приближавшейся уже къ потрясенію, они не могли вѣрить, чтобы одно благонамѣренное обезпеченіе Отечества понуждало Русскихъ къ присоединенію къ Россіи Крыма. Безпечность о своемъ отечествѣ и желаніе

вмѣшиваться во всѣ дѣйствія и предпріятія чужихъ Державъ, не мало содѣйствовало къ ускоренію Французскаго мятежа. Сіе обстоятельство не укрылось отъ дальновиднаго Потемкина, которой, подъ личиною беззаботливости, внимательно и здраво наблюдалъ состояніе Державъ Европейскихъ, и особенно Францію, готовящуюся къ грознымъ бурямъ. Слѣдующія слова, собственною его рукою прибавленныя въ письмѣ къ Булгакову, очевидно свидѣтельствуютъ сію истину: „Презирайте“ говорилъ онъ: „происки Французовъ. Вѣрьте, что все обратится къ стыду ихъ и гибели. Французы у васъ мутятъ, здѣсь кланяются, а дома погибаютъ.“

1785 Года въ день 21 Апрѣля Екатерина утвердила Дворянскую Грамоту и подписала Городовое Положеніе.

Въ достопамятномъ Манифестѣ о Дворянствѣ разительно изображены главныя правила, созидающія и укрѣпляющія составъ Государственный. Тамъ убѣдительно показано, что душа сихъ правилъ заключается въ добромъ начальствѣ, въ повиновеніи, чести и благородствѣ душевномъ. На сихъ правилахъ основала Великая

Екатерина преимущества и законную вольность Дворянства. Сію законную вольность полагала она въ томъ, чтобы пользы сословія Дворянъ нераздѣльны были съ престоломъ и Отечествомъ. Она знала, что благодарность и любовь во всѣхъ случаяхъ возбуждаютъ къ пожертвованіямъ необычайнымъ; ибо душа благородная торжествуетъ, изъявляя свою признательность.

Достоинство превосходныхъ узаконеній знаменуется не тогда только, когда оныя издаются; польза ихъ созрѣваетъ и утверждается во времена послѣдующія. Сообразуя правила съ душевными побужденіями, Екатерина въ числѣ *личныхъ преимуществъ Дворянъ* заключила и преимущественныя пожертвованія престолу и Отечеству. Дозволивъ имъ вступать въ службу союзныхъ Державъ и выѣзжать въ чужія края, она въ двадцатой статьѣ прибавила: „Но какъ благородное дворянское названіе изстари, нынѣ, да и впредь пріобрѣтается службою и трудами, Имперіи и престолу полезными, и существенное состояніе Россійскаго Дворянства зависимо есть отъ безопасности *Отечества и престола; и для того*,

во всякое таковое Россійскому самодержавію нужное время, когда служба Дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякій благородный Дворянинъ обязанъ, по первому позыву отъ самодержавной Власти, не щадить ни труда, ни самаго живота для службы Государственной."

Я уже сказалъ, что сила превосходныхъ узаконеній временемъ утверждается. Мы видѣли силу узаконенія, которое съ личными преимуществами Дворянъ соединило и обязанность приносить престолу и Отечеству *преимущественныя* пожертвованія: мы видѣли то время, когда Дворяне, истинно достойные сего имени, несли на жертву престолу и Отечеству и имущества, и жизнь, и сыновъ своихъ.

Екатерина, неусыпно заботящаяся о щастіи подданныхъ и убѣжденная, что пользы одного сословія не могутъ существовать безъ общаго блага другихъ сословій, подписала въ томъ же году и того же числа *Городовое Положеніе.*

Между тѣмъ, какъ въ предѣлахъ Франціи, къ пагубѣ Государства, умствовали ложно и дерзновенно о *равенствѣ состояній*, Екатерина старалась явственно опре-

дѣлитъ степень и принадлежности каждаго званія и сословія. Во всѣхъ сихъ отношеніяхъ руководствовалась она животворительными и единственными силами порядка общественнаго: *вѣрою, добродѣтелью и честью.* Въ нѣсколькихъ строкахъ объяснила она *о среднемъ состояніи* то, чего Французскіе лжеумствователи не рѣшили въ безчисленныхъ своихъ сочиненіяхъ. Предложивъ въ Городовомъ Положеніи вопросъ о *среднемъ состояніи*, Екатерина отвѣчаетъ: „Городовыхъ обывателей средняго рода людей, или мѣщанъ названіе есть слѣдствіе прудолюбія и добронравія, чѣмъ пріобрѣли они отличное состояніе.“

Въ узаконеніяхъ Екатерины предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ, во всемъ заключается связь неразрывная. Всѣми учрежденіями своими старалась она возвысить духъ каждаго подданнаго, соотвѣтственно званію и кругу его существованія. Дворянъ и средняго состоянія людей одушевляла она честію и соревнованіемъ къ пользамъ общественнымъ. Каждому изъ нихъ опредѣляла заслуженную и справедливую награду: вотъ *единственное равенство*, возможное между обитателями сей земли!

Входя во всѣ подробности, относящіяся къ ремесламъ и промышленности, къ продовольствію и спокойствію городовъ, Екатерина не забыла въ *Городовомъ Положеніи* и того, что зависитъ отъ воли одного Провидѣнія. Не рѣдко самый добронравный и трудолюбивый обыватель подвергается или долговременнымъ немощамъ, или отъ непредвидимыхъ обстоятельствъ впадаетъ въ нищету; не рѣдко гражданинъ, отецъ семейства, среди успѣшнѣйшихъ своихъ предпріятій похищается преждевременною смертію отъ жены и дѣтей. Екатерина, сближая сердце свое со всѣми приключеніями, постигающими человѣчество, и сообразуясь съ *Учрежденіемъ о Губерніяхъ*, узаконила покровительство обнищавшимъ ремесленникамъ и сиротамъ. Опытный умъ и добродѣтель начертали *Городовое Положеніе.*

Ничего не приписывая личности своей, но относя все къ связи первобытнаго порядка и къ необходимости общественнаго существованія, Екатерина, въ изданномъ Манифестѣ по случаю *Городоваго Положенія*, объясняется такимъ образомъ: „Мы и тутъ не имѣемъ нужды искать примѣровъ чуждыхъ; но заимствуя оные

изъ собственныхъ дѣяній Отечества нашего, находимъ, что предки Россійскіе, Славяне, отъ славныхъ подвиговъ и самое названіе свое получившіе, гдѣ только досягала побѣдоносная рука ихъ, оставляли слѣды свои созиданіемъ городовъ, именами Славянскаго языка украшенныхъ, донынѣ сіе соблюдшихъ, и насажденіемъ въ оныхъ торговли, до самыхъ отдаленныхъ краевъ тогда распространенныхъ (1). Всероссійскіе Самодержцы отъ самыхъ древнихъ лѣтъ, съ распространеніемъ предѣловъ ихъ и съ умноженіемъ народнымъ, умножали и число городовъ, доставляя безопасное пристанище торговлѣ и рукодѣліямъ. Обширность Государства, обиліе произрастѣній, не только на поверхностяхъ земли, но и въ нѣдрахъ ея сокровенныхъ, удобства сообщенія сухопутнаго или водоходнаго, раченіе и предпріимчивость Славенороссійскаго народа не могли не имѣть добрыхъ успѣховъ. Полезнымъ таковымъ установленіемъ предковъ нашихъ мы пщимся под-

(1) Въ книгѣ подъ заглавіемъ: *Исторія Краткая Россійской торговли*, подробно описаны обширные торговые промыслы предковъ нашихъ.

ражать по мѣрѣ размноженія народа и возращенія богатства его, какъ то свидѣтельствуютъ города, въ двадцати трехълѣтнее царствованіе наше числомъ двѣсти шестнадцать воздвигнутые повсюду, гдѣ того требовали или мѣстныя выгоды, или стеченіе окрестныхъ жителей.“

Заботясь о благѣ Россіянъ, Екатерина помышляла и о благѣ чужеземцевъ, пріѣзжавшихъ или на время, или для водворенія въ гостепріимной Россіи. Развязывая имъ руки ко всѣмъ полезнымъ промысламъ, не стѣсняя ихъ совѣсти и вѣры праотеческой, она опредѣлила, чтобы *каждый изъ нихъ присягалъ по своей вѣрѣ и закону*. Извѣстно, что то же самое узаконилъ Царь Алексѣй Михайловичъ въ своемъ Уложеніи, которому Екатерина, по чувствію врожденной ей справедливости, отдала должную похвалу въ своемъ Наказѣ. Незабвенно должно быть для всѣхъ жителей Россіи, что *Грамота Дворянская и Городовое Положеніе* подписаны были въ одинъ годъ и въ одинъ день. Вотъ несомнѣнный памятникъ любви и вниманія Екатерины Второй ко всѣмъ подданнымъ, жившимъ подъ ея державою.

1786 Года выпущено *сто* милліоновъ *ассигнацій* или бумажекъ для облеченія общественныхъ и торговыхъ оборотовъ; въ томъ же году учрежденъ двадцатилѣтній *Банкъ*, изъ котораго Дворянство получало вспоможеніе съ уплатою легкихъ процентовъ. Симъ установленіемъ Екатерина хотѣла избавить Дворянъ отъ лихоимцевъ и отъ потери наслѣдственныхъ имуществъ. Она желала, чтобы получаемыя деньги обращались къ устроенію сельскаго хозяйства. Но сама Екатерина сказала, что *на землѣ нѣтъ совершенства*. Такимъ образомъ и благонамѣренная ея цѣль послужила ко вреду. Усиливавшаяся часъ отъ часу иноземная роскошь поглощала сіи вспомоществованія: за модныя бездѣлицы платили тысячи, а на сельское хозяйство едва ли и сотни употреблялись.

1787 Года въ первыхъ числахъ Января Екатерина предприняла путешествіе въ Таврическую Область. Европейцы, взирая на Россійскую Императрицу съ удивленіемъ и завистью, по сему случаю выдумывали и разсѣявали различные слухи и догадки. Одни представляли сіе путешествіе въ блистательномъ, другіе въ смѣшномъ видѣ,

третіе предполагали, что Екатерина намѣрена именоваться *Таврической Царицей*. Императрица, переписываясь въ сіе время съ знаменитымъ *Циммерманомъ*, сочинителемъ книги *О уединеніи*, съ откровенностью изъяснила ему, что желаніе разсѣять сердечную скорбь заставило ее предпринять дальній путь. Безпредѣльнаго щастія нѣтъ на землѣ; скорбь посѣщаетъ и чертоги и хижины. Щастіе заключается не въ блескѣ и великолѣпіи, но въ сердцѣ и душѣ.

Принцъ *Делинь*, сопровождавшій Екатерину въ путешествіи ея по Тавридѣ, разсказываетъ слѣдующій случай о ея неустрашимости: „Недалеко отъ *Бакчисарая* двѣнадцать лошадей, заложенныя въ шестимѣстную карету, понесли съ горы, или лучше сказать, увлеклись тяжестію кареты. Я вѣрно бы спрусилъ, естьлибъ не наблюдалъ, не испугалась ли Екатерина. Къ удивленію моему, она также спокойно сидѣла, какъ и за завтракомъ, послѣ котораго отправились мы въ путь.

„Путешествіе Екатерины Второй по Области Таврической," продолжаетъ Принцъ *Делинь*: „можно назвать волшебствомъ. На каждомъ почти шагѣ встрѣчали мы нача-

янное, неожиданное. Тамъ видѣли *эскадры*, тамъ конные отряды, тамъ освѣщеніе, на нѣсколько верстъ простиравшееся; здѣсь сады, въ одну ночь сотворенные! Повсюду увѣнчавалась Екатерина торжествами, изъявленіями благодарности, благоговѣнія и восторговъ. Господари Валахскіе, Цари Кавказскіе, съ престоловъ сверженные, гонимыя семейства Князей, всѣ стекались подъ покровъ Екатерины, всѣ умоляли ее быть ихъ защитницею, благотворительницею, матерью!

„Екатерина среди сихъ торжествъ, очарованій и поклоненій была все Екатериною: ни что не возмущало скромности ея и великодушія; тщеславіе и гордость не смѣли къ ней подступить.“

Обозрѣніе вновь пріобрѣтенныхъ областей разсѣяло унынie Екатерины; она упѣшалась тѣмъ, что безлюдныя степи стали оживляться, и что Крымъ, столь долгое время угрожавшій Россіи, не могъ уже болѣе ей вредить. Въ продолженіе всего путешествія своего она не забывала древней Руской Столицы. Уничтожая несправедливыя мнѣнія о пріобрѣтеніи *Таврической* Области и желая вниманіемъ своимъ и до-

вѣренностью утвердить единомысліе, она извѣщала *Ерапкина*, тогдашняго Московскаго Градоначальника, о каждомъ шагѣ, о каждомъ наблюденіи своемъ; словомъ, она заочно бесѣдовала съ Ерапкинымъ и съ Московскими жителями, какъ нѣжная мать и какъ снисходительная Царица. Между прочимъ она писала къ Ерапкину опъ 20 Мая 1787 года: „Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣ, которые безславили пріобрѣтеніе Таврической Области. Съ пріобрѣтеніемъ оной изчезаетъ страхъ, наносимый Татарами Бахмуту, Украйнѣ и Елисаветграду. Съ сими мыслями и съ небольшимъ утѣшеніемъ написавъ сіе къ вамъ, спокойно ложусь спать сего дня, видя своими глазами, что я не причинила вреда, но принесла величайшую пользу своей Имперіи.“

Подтверждая слова Екатерины, Принцъ *Делинь* говоритъ: „Зная, что нынѣче не въ модѣ вѣритъ ни путешественникамъ, ни придворнымъ, ни хорошимъ вѣстямъ о Россіи, потому нѣкоторые распустили небылицу, будто бы, обманывая Екатерину, на пути ея разставляли бумажныя села,

деревни; живописные корабли и что вся конница была безъ лошадей!“

На обратномъ пути изъ Тавриды Суворовъ представилъ Екатеринѣ примѣрное Полтавское сраженіе. Взирая на поле, гдѣ рѣшилась судьба двухъ Царствъ, Екатерина произнесла сіи незабвенныя слова: *Смотрите*, сказала она сопутникамъ своимъ: *смотрите, отъ чего зависитъ жребій Державъ! Одинъ день, одно мгновеніе рѣшитъ ихъ судьбу... Одна погрѣшность, одинъ легкомысленный шагъ уничтожилъ всю славу, всѣ долговременные успѣхи Карла XII. Тотъ, кто приводилъ въ трепетъ Саксонію, Австрію, Италію; тотъ самый побѣдитель народовъ бѣжалъ съ полей Полтавскихъ... а безъ того и насъ бы здѣсь не было.*

Принцъ Делинь, сохранившій сіи безсмертныя слова, прибавляетъ: „Взирая на Екатерину на полѣ Полтавской битвы, я видѣлъ въ ней истинную Наслѣдницу Державы и души Петра Перваго.“

Великость украшается снисходительностію и милосердіемъ. Выѣзжая изъ одного Намѣстничества, Екатерина, сѣвъ уже въ карету, громко выхваляла Чинов-

никовъ. Принцъ *Делинь* сказалъ: „Ваше Величество безъ сомнѣнія очень довольны сдѣшними Чиновниками?“ — Вы не угадали моей мысли, отвѣчала милосердая Государыня: я *хвалю вслухъ*, а *браню потихоньку*. —

Возвращясь въ Петербургъ, Екатерина писала къ *Циммерману*: „Путешествіе мое кажется мнѣ сновидѣніемъ, быстро пролетѣвшимъ; но не могу забыть того, что одна моя улыбка приносила удовольствіе новымъ жителямъ Крыма.“

Въ проѣздъ черезъ Таврическія Области сопутникомъ Екатерины былъ Австрійскій Императоръ Іосифъ, прибывшій подъ именемъ Графа *Фалкенштейна*. Предполагаютъ, что въ сіе время возобновилась мысль о изгнаніи Турокъ изъ Европы. Сіе намѣреніе, извѣстное подъ названіемъ *Восточнаго проэкта*, занимало Миниха въ Сибири. Не входя о семъ въ дальнія подробности, скажу только, что легче покорить, нежели изгнать цѣлый народъ. Турки не изгнали Грековъ изъ Греціи, но поработили ихъ силою оружія.

Между тѣмъ, когда Екатерина и Іосифъ обозрѣвали Таврическую страну, въ *Але-*

рикѣ окончились *важныя произшествія*, а во *Франціи* скоплялась буря, низвергшая престолъ и олтари Вѣры.

Вскорѣ по прибытіи Екатерины въ Петербургъ обнаружились явные замыслы Турокъ къ войнѣ. Порта, призвавъ Рускаго Посланника *Булгакова*, пребовала отъ него, чтобы Россія возвратила Крымъ и уничтожила прежніе мирные договоры. Булгаковъ отвѣчалъ: *Россія не согласится ни на то, ни на другое.* Немедленно былъ онъ задержанъ и заключенъ въ семибашенный замокъ. Французскій посланникъ вызывался доставить ему свободу; Булгаковъ отвѣчалъ: *Посолъ Екатерины, Рускій Посолъ не требуетъ посторонняго посредства и личной безопасности своей не пожертвуетъ честію престола и Отечества.*

Услыша о семъ, Императоръ *Іосифъ* писалъ къ Екатеринѣ: „Получа извѣстіе, что одинъ изъ служителей вашихъ въ Константинополѣ посаженъ въ семибашенный замокъ, и я также, почитая себя вашимъ слугою, посылаю въ походъ всѣ мои войска.“

Манифестъ о второй войнѣ съ Турками обнародованъ 9 Сентября 1787 года. Пред-

водителями войскъ назначены были Румянцевъ - *Задунайскій* и Потемкинъ-*Таврическій*. Румянцеву ввѣрена была *Украинская* армія; Потемкину *Екатеринославская*.

Французской сочинитель *Оттоманской Исторіи признается*, что Екатерина, не желавшая первой Турецкой войны, не желала предпринять и второй; Турція подвигнута была къ войнѣ внушеніями *Англіи* и Пруссіи (*).

9 Сентября объявлена война, а 1 Октября возгремѣло имя Суворова. Турки подъ начальствомъ Французскихъ Офицеровъ учинили сильное нападеніе на *Кинбургскую* косу, гдѣ находился *Суворовъ*. Три раза возобновляли они нападеніе въ превосходныхъ силахъ, *и три раза были отражены*. При первомъ нападеніи Рускіе отступили. Суворовъ, подвергая жизнь свою опасности, ободрилъ и остановилъ бѣгущихъ. Турки выбиты были изъ пятнадцати окоповъ; побѣдоносный Герой получилъ двѣ раны. *Потемкинъ*, извѣщая Суворова о приготовляемыхъ ему наградахъ,

---

(*) См. четвертую Часть Оттоманской Исторіи, *изданную въ Парижѣ 1817 года, стр. 104.*

сказалъ: „Я поставлю себѣ достоинствомъ отдавать вамъ справедливость.“

На Кинбургской косѣ мысли Суворова, летавшія въ слѣдъ славы, неразлучны были и съ дочерью. Сердечнымъ и шутливымъ слогомъ онъ писалъ къ ней: „Любезная Наташа! ты меня порадовала письмомъ своимъ отъ 9 Ноября; но больше порадуешь, когда будемъ жить вмѣстѣ. Будь благочестива, благонравна, почитай свою начальницу; она служитъ тебѣ матерью. Желаю тебѣ благополучно препроводить святки; Христосъ Спаситель тебя соблюди на новой и многіе годы! Твоего прежняго письма не читалъ за недосугомъ; я отослалъ его къ сестрѣ *Аннѣ Васильевнѣ*. У насъ была сильная драка, игра не шуточная. Въ боку пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули скважина (*); да подо мною лошади челюсть отстрѣлили: насилу часовъ черезъ восемь на покой отпустили. Не долго отдыхалъ. Я теперь только что возвратился; выѣздилъ близъ пяти сотъ верстъ верьхомъ въ шесть дней. . . . Какъ же весело на *Черномъ* морѣ, на *Лиманѣ*!

(*) Суворовъ раненъ былъ пулею въ лѣвую руку на вылетъ.

Вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики; по полямъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди, осетры: пропасть! Прости, мой другъ *Наташа*; я чаю, ты знаешь, что мнѣ моя Матушка Государыня пожаловала Андреевскую ленту за *вѣру* и *вѣрность*."

На другой день послѣ молебствія за Кинбургскую побѣду Екатерина сказала своимъ приближеннымъ: „Александръ Васильевичъ поставилъ насъ вчера на колѣни; но жаль, что его старика ранили."

Пріятно описывать дѣла *Героя*; еще пріятнѣе видѣть въ Героѣ человѣка, видѣть добраго родственника и нѣжнаго отца.

Въ Февралѣ 1788 года начались военныя дѣйствія Австрійцевъ. Увѣдомляя о семъ Суворова, Потемкинъ писалъ: „Сей часъ получилъ я изъ Вѣны извѣстіе, что Цесарскія войска дѣлали покушеніе на *Бѣлградъ*; имъ хотѣлось его схватить, но не удалось. Война открылась; въ *Манифестѣ* будутъ поставлены требованія на *Боснію*, *Бѣлградъ* и на область, близъ Турецкой *Далмаціи* лежащую."

Принцъ Кобургскій выступилъ къ *Хотину*; Генералъ *Фабрисъ* дѣйствовалъ далѣе

въ *Молдавіи*. Графъ *Вартенслебенъ*, захвативъ на Дунаѣ всѣ Турецкія суда, бывшія вдоль границъ *Банната*, вошелъ въ *Валлахію*. Генералъ *Митровскій*, также овладѣвъ судами, осадилъ *Бербуръ*. Генералъ *Венсъ*, впоргшись въ Турецкую *Кроацію*, взялъ приступомъ два замка, покушался покорить *Дубицу*, но былъ отбитъ. Императоръ *Іосифъ* отправился къ войску своему въ концѣ Февраля, а въ Апрѣлѣ подъ личнымъ начальствомъ овладѣлъ *Сабачемъ* на *Савѣ*.

Въ сихъ обстоятельствахъ Потемкинъ писалъ къ Суворову изъ *Херсона*: „Я получилъ извѣстіе изъ Царьграда, что Муфти смѣненъ. Визирь съ Капитанъ-Паши содралъ нѣсколько мѣшковъ на походъ себѣ; онъ хотя и губы кусалъ съ досады, но отдалъ. — Цесарцы опъ Графа Петра Александровича требуютъ, чтобы онъ, перешедъ *Днѣстръ*, присоединилъ ихъ къ себѣ и дѣйствовалъ общими силами. Онъ прислалъ ко мнѣ, требуя моихъ мыслей; я писалъ, что это будетъ хорошо.“

Блистательные успѣхи Австрійцевъ вскорѣ прекратились; наступательная война перемѣнилась въ оборонительную. Сквозь ряды войскъ, растянутыхъ по Австрій-

скимъ границамъ, толпы Турокъ отважно пробивались. *Іосифъ* былъ дѣятеленъ, искалъ славы и любилъ ее, но былъ малосвѣдущъ въ подлинныхъ воинскихъ разпоряженіяхъ. Желая отнести къ личности своей всю славу возгорѣвшейся войны въ 1788 году, онъ пренебрегъ опытнаго и престарѣлаго Фельдмаршала *Лаудона*.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ морскія Турецкія силы въ продолженіи трехъ дней поражаемы были на *Лиманѣ* подъ Очаковымъ. 23 Числа того же мѣсяца Руское войско заняло станъ свой при *Алжигорѣ* ниже устья *Буга*, при Днѣпровскомъ устьѣ, въ виду *Очакова*.

Въ сіе самое время Король Шведскій *Густавъ*, возбуждаемый *Англіей* и *Пруссіей*, перемѣнившейся къ Россіи по смерти Фридриха Втораго; Густавъ, нагло наруша всѣ договоры, напалъ внезапно на Россіянъ на сухомъ пути и на морѣ. Обольщаясь воинскою славою, Густавъ часто повторялъ: *одна война возвеличиваетъ правительство*. Екатерина, напоминая союзъ родства и древнія связи, пщетно увѣряла, что она желаетъ соблюдать непоколебимый миръ съ Королемъ Шведскимъ и его Государствомъ. На сіи увѣренія Густавъ

возражалъ, что Екатерина отдѣляетъ его отъ народа. Императрица отвѣчала: „Ни одинъ Государь не поставилъ бы себѣ въ оскорбленіе, естьли его подданныхъ почитаютъ равно съ нимъ благомыслящими.“

Границы наши со стороны Швеціи вовсе обнажены были отъ войскъ, что и служило доказательствомъ миролюбивыхъ намѣреній. Мужество Рускихъ противустало оружію и силамъ вѣроломнаго врага. Шведы напали на замокъ *Нейшлотскій*, охраняемый малымъ числомъ отставныхъ солдатъ и таможенныхъ Чиновниковъ, составившихъ подъ начальствомъ *безрукаго* Коменданта *Баранова*. Осажденные терпѣли голодъ и нуждались водою, хотя и были окружены ею со всѣхъ сторонъ. Кто выходилъ изъ замка, тотъ былъ неизбѣжною жертвою Шведскаго оружія. По крѣпости пальба производилась не столь удачно. Густавъ, спѣша встревожить Петербургъ, не успѣлъ взять съ собою осадныхъ орудій. Онъ надѣялся однако, что голодъ и многочисленная его сила принудятъ *Нейшлотскій* замокъ покориться. Забывъ, что воюетъ противъ питомцевъ Петра Перваго, Густавъ послалъ къ Коменданту пре-

боватъ сдачи. *Барановъ* отвѣчалъ: „Доложите Королю, что хотя я лишенъ одной руки, но у меня осталась другая для защиты замка. Онъ тогда овладѣетъ замкомъ, когда всѣ его оборонители, посѣдѣвшіе въ службѣ, вмѣстѣ со мною падутъ подъ развалинами крѣпости.“

Между тѣмъ 3 Іюля 1788 года на водахъ *Чернаго* моря Контръ-Адмиралъ Графъ *Воековичъ*, отличившійся въ Архипелагѣ 1770 года, сразился съ Турками близъ *Ѳеодосіи*. Мужество, отважность и расторопность восторжествовали. 7 Числа Турецкій флотъ, убѣгая отъ взоровъ побѣдителей, уклонился къ *Румельскимъ* берегамъ. Въ то же самое время, то есть 8 Іюля, Адмиралъ *Грейгъ* имѣлъ битву съ Шведскою эскадрою, бывшею подъ начальствомъ Герцога *Зюндерманландскаго*. Какъ будто бы въ предвѣстіе паденія легкомысленнаго Густава, опустилъ флагъ и сдался семидесяти-пушечный корабль, называемый *Принцъ Густавъ*. Такимъ образомъ оружіе Руское гремѣло на двухъ отдаленныхъ моряхъ. Екатерина, подкрѣпляясь правотою своей, писала къ *Циммерману*: „Петербургъ похожъ теперь на поле сраженія. Я сама живу какъ буд-

то бы въ главной *квартирѣ*; но Богъ сдѣлаетъ все по своему.“ За два мѣсяца передъ тѣмъ, то есть 6 Мая 1788 года, Екатерина предвѣстила неудачи непріятелей своихъ, измѣнявшихъ по воображенію своему намѣренія ея и поступки. „Три вещи“ говорила она: „дѣлали мнѣ всегда много добра: *вопервыхъ*, ослѣпленіе моихъ завистниковъ; *вовторыхъ*, худыя средства, ложь и двоедушіе моихъ непріятелей; *въ третьихъ*, то, что завистники и недоброжелатели мои, судя о дѣлахъ моихъ по своимъ замысламъ, не угадывали моихъ намѣреній и удалялись отъ истины.

23 Іюля 1788 года Екатерина, послѣ побѣды, одержанной надъ Шведскимъ флотомъ Адмираломъ Грейхомъ на водахъ Финскихъ, удостоила его слѣдующимъ письмомъ (1):

„*Предостойному и прехраброму Адмиралу!* Мы погрѣшилибъ противъ благодарности и вѣжливости, естьлибъ не поспѣшили изъяснить и вамъ, и нашимъ храбрымъ Чиновникамъ и матросамъ, явившимъ себя достойными сынами Отечества, полное одобреніе за

(1) Подлинникъ Французскій; я предлагаю переводъ.

столь почтенные подвиги. Мы живо чувствуемъ цѣну вашего мужества, ознаменовавшагося въ сраженіи съ флотомъ нашего непріятеля, Короля Шведскаго. Вашимъ рѣдкимъ дарованіямъ, вашему постоянству и вашему непоколебимому усердію къ славѣ всей Россійской Имперіи и моей, я приписываю, послѣ Божіяго содѣйствія, блистательную побѣду, вами одержанную. Мы увѣрены, что во всѣхъ обширныхъ нашихъ областяхъ на нее будутъ взирать въ такомъ же видѣ. Ваша храбрость и искусство одушевили насъ родостію; но мы съ глубочайшимъ прискорбіемъ и съ справедливѣйшимъ негодованіемъ читали отчетъ вашъ о постыдномъ поведеніи трусовъ, которые, не умѣвъ подражать благородному великодушію своихъ сотоварищей, вписали имена свои въ лѣтописи измѣны. Швеція обязана имъ въ семъ дѣлѣ сохраненіемъ своихъ кораблей, особенно Адмиральскаго, которымъ они два раза могли овладѣть. Предоставляя себѣ непосредственно удовольствіе наградить славные подвиги, мы равно приложимъ попеченіе и о томъ, чтобы преступленіе понесло примѣрное наказаніе. И такъ мы васъ просимъ быть

увѣреннымъ въ нашей благодарности и поручаемъ вамъ быть изъяснителемъ оной нашимъ почтеннымъ и храбрымъ чиновникамъ, заслужившимъ отъ насъ сіе чувствованіе.

„Мы повелѣваемъ, чтобы виновные, означенные въ вашихъ письмахъ, немедленно были отправлены въ Кронштатъ, гдѣ будутъ ожидать, что предписать заблагоразсудимъ. Желаемъ вамъ и соучастникамъ вашей славы торжественнаго покровительства Всевышняго, у престола Котораго испрашивали мы помощь, и осѣнившаго васъ щитомъ своимъ въ столь праведномъ дѣлѣ.

„Ваши заслуги всегда будутъ жить въ нашей памяти и лѣтописи нашей Имперіи передадутъ потомству имя ваше и всѣхъ вашихъ почтенныхъ воиновъ, увѣнчавшихся общимъ почтеніемъ и единодушною любовью.“

Отдѣленіе войскъ, находившихся подъ начальствомъ Румянцева, осаждало *Хотинъ*. Непріятель, защищаясь упорно, учинилъ вылазку 31 Іюля на егерскій отрядъ; но отраженъ былъ егерями, козаками и гренадерскою ротою Санктпетербургскаго

полка. Румянцевъ 1788 года былъ уже второстепеннымъ предводителемъ, а Потемкинъ главнымъ. По обыкновенному жребію сего міра, одни возносятся, другіе упадаютъ. Искуспво не оставило Героя *Кагульскаго*; но щастіе ему измѣнило.

25 Іюля для вытѣсненія Турокъ изъ садовъ и для открытія *траншей* подъ *Очаковымъ*, сдѣланъ былъ *редутъ* къ берегу Чернаго моря на пушечный выстрѣлъ отъ города. Наканунѣ Принцъ *Делинь*, бывшій въ Рускомъ войскѣ подъ Очаковымъ, разговаривая съ Потемкинымъ о взятіи *Сабача*, сказалъ, что Императоръ *Іосифъ* самъ велъ на приступъ войско, подвергаясь сильнымъ пушечнымъ выстрѣламъ. Въ день 25 Іюля Потемкинъ обозрѣвалъ устроеваемый *редутъ*. Ядры сыпались изъ крѣпости со всѣхъ сторонъ; близъ Князя убили козака и двухъ лошадей; Генералъ-Маіоръ Синельниковъ былъ смертельно раненъ. Потемкинъ, сохраняя хладнокровіе, оборотился къ Графу *Браницкому* и сказалъ: „Спросите у Принца *Делиня*, не устрашимѣе ли меня былъ Императоръ при взятіи Сабача? Принцъ Делинь отвѣчалъ: — Князь! васъ

одиѣ только пушечныя ядра могутъ развеселять. —

27 Іюля Суворовъ самовольно напалъ на непріятеля. Любя быстроту и внезапность, онъ просилъ позволенія у Потемкина еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1787 года взять Очаковъ; Князь Таврическій отвѣчалъ: „Я на всякую пользу руки тебѣ развязываю; но касательно Очакова попытка неудачная тѣмъ болѣе можетъ быть вредна, что теперь начинается уже дѣйствіе общихъ силъ. Я не желалъ бы до времени и флотиліи показываться, чтобы Турки не приглядѣлись. Очаковъ непремѣнно должно взять; я все употреблю, надѣясь на Бога, чтобы достался дешево.“

Суворовъ, полагавшій *сбереженіе людей* въ быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, не взирая на мнѣніе Потемкина, отважился на попытку противъ Очакова. Онъ былъ раненъ при семъ случаѣ и не успѣлъ; внезапное его нападеніе не было подкрѣплено. Негодующій Потемкинъ писалъ къ Суворову: „Солдаты не такъ дешевы, чтобы ими жертвовать по пустякамъ. Къ тому же мнѣ странно, что вы въ присутствіи моемъ дѣлаете движеніе безъ моего приказа-

нія пѣхотою и конницею. Ни за что потеряно безцѣнныхъ людей столько, чтобы ихъ довольно было и для всего Очакова. Извольте меня увѣдомлять, что у васъ происходить будетъ, а не такъ, что даже и не прислали мнѣ сказать о движеніи *впередъ*."

Суворовъ, отвѣчая Князю Потемкину своимъ слогомъ, просился за ранами и отъ *продолжительной осады* къ водамъ. „Цѣленіе мое ближе," прибавилъ онъ: „оно въ обновленіи вашей милости. Свѣтлѣйшій Князь! защитите простонравіе мое отъ ухищрений ближняго. Проницивъ Государственныхъ непріятелей готовъ."

Суворовъ на время удалился въ Кинбургъ, гдѣ едва не умеръ отъ воспаленія раны и потомъ едва не погибъ отъ загорѣвшагося пороховаго *магазина*. Летѣвшею бомбою разбило часть стѣны той комнаты, гдѣ сидѣлъ выздоравливавшій Герой. Смерть и опасности вездѣ его преслѣдовали; но Провидѣніе вездѣ сберегало его для славы и побѣдъ.

Не стану доискиваться, что заставляло Потемкина медлить взятіемъ Очако-

ва; сей тайны не могли разгадать и тѣ, которые находились близь него.

Общая связь дѣйствій была въ головѣ Князя Таврическаго. Государственной человѣкъ и предводитель войскъ хранитъ тайны свои. Потемкинъ, бывъ и тѣмъ и другимъ, въ полной мѣрѣ обладалъ симъ качествомъ. Одинъ Римской Полководецъ сказалъ: *Я сжегъ бы и подушку свою, естьлибъ она выѣдала мою тайну.* Потемкина трудно было угадать; и теперь еще недоумѣваютъ о его дѣяніяхъ. Рѣдко можно постигать предпріятія великихъ людей. Легкомысліе любитъ все выказывать; превосходный умъ во всемъ выжидаетъ времени.

Вскорѣ Потемкинъ примирился съ Суворовымъ и писалъ къ нему: „Мой другъ сердечный, любезный другъ! лодки бьютъ корабли и пушки заграждаютъ теченіе рѣкъ. Христосъ посреди насъ! Боже! дай Тебя найти въ Очаковѣ. Попытайся съ ними переговорить; обѣщай имъ моимъ именемъ цѣлость имѣнія и безопасность женъ и дѣтей.“

Въ Августѣ мѣсяцѣ безсмертный Кутузовъ получилъ подъ Очаковымъ опасную рану. Принцъ Делинь, увѣдомляя о семъ

Императора своего, писалъ къ Нему: „Тотъ самый Генералъ Кутузовъ, у котораго въ первую Турецкую войну пролетѣла пуля сквозь голову позади глазъ, и теперь раненъ. Онъ захотѣлъ посмотрѣть въ амбразуру, чрезъ которую я наблюдалъ непріятеля. Кажется, онъ и дня не переживетъ.“ Къ щастію Россіи, предсказаніе Принца Делиня не сбылось. Онъ прибавляетъ, что егери Кутузова, не дожидаясь приказанія, сами бросились отомщать Туркамъ за рану своего Генерала. Кутузовъ давно уже умѣлъ управлять сердцами: безъ сего качества не льзя быть ни великимъ Полководцемъ, ни великимъ человѣкомъ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, передъ сраженіемъ съ Турками въ узкомъ пространствѣ залива между Кинбургомъ и Очаковымъ, Принцъ *Нассау*, начальствовавшій Адмиралъ, отрядилъ небольшое судно для обозрѣнія берега и для наблюденія непріятеля. Сіе судно не могло уже присоединишься къ Рускимъ, и рѣшилось сразишься съ многочисленнымъ непріятелемъ, который, пользуясь способнымъ вѣтромъ, быстро удалялся отъ нашихъ кораблей. Начальникомъ отрѣзаннаго судна былъ Капишанъ-Лейтенантъ *Са-*

кенъ. Подчиненные, примѣромъ его ободряемые, сражались какъ львы. Сперва опасправлялся онъ пушками; потомъ рѣшился сцѣпиться и вступить въ ручной бой. Казалось, что каждый Русскій воинъ оживлялся душою Начальника своего. Отъ саблей и топоровъ кровь лилась ручьями; ни одинъ Турокъ, выказывавшійся на палубу, не избѣгъ смерти. Вдругъ раздается крикъ, что корабль пречетъ и тонетъ. Неустрашимый Сакенъ содрогнулся отъ сей вѣсти, не о себѣ мысля, но жалѣя товарищей. „Ребята!“ воскликнулъ онъ: „спасайтесь; дозволяю и приказываю вамъ: когда вы будете безопасны, тогда о себѣ подумаю.“ И оборотясь къ молодому офицеру, сражавшемуся подлѣ него, прибавилъ: „Спасайте себя!“ юный Герой отвѣчалъ: „Я васъ дождусь; я привыкъ слѣдовать вашему примѣру.“ — Не смотря на сію благородную рѣшимость, Сакенъ принудилъ его удалиться. Каждый изъ его подчиненныхъ, схватя бревно, отдался на произволъ волнъ. Радуясь спасенію товарищей своихъ, Сакенъ вырываетъ у послѣдняго пушкаря зажженный фитиль и бѣжитъ въ пороховое хранилище. Пушкарь, угадавшій его намѣреніе,

бросается въ море. Сакенъ немедленно повергаетъ въ первую бочку горящій фитиль. Торжествующій непріятель устремляется на нашъ корабль, крѣпко сцѣпившійся съ его судномъ. Мгновенно корабль разрывается на безчисленныя части; въ то же время съ трескомъ взлетѣло на воздухъ и судно Турецкое. Никто не спасся. — Сакенъ погибъ, — онъ погибъ съ безсмертною славою. Екатерина пролила о немъ слезы и наградила его родныхъ. Имя его возгремѣло тогда на ряду съ отважнѣйшими Героями. Рускіе воины завидовали славной его смерти, и каждый поклялся въ сердцѣ своемъ соревновать ему во всѣхъ опасностяхъ.

Между тѣмъ, какъ продолжалась осада Очакова, умныя разпоряженія осторожной Екатерины часъ отъ часу болѣе уничтожали предпріятія высокомѣрнаго Густава. Въ наказаніе за вѣроломство, она успѣла отдѣлить отъ него войско и народъ. Финскіе и Шведскіе полки говорили: „Мы были обманутыы Королемъ и неправедная война съ Россіей начата безъ согласія Чиновъ Государственныхъ.“ Ропотъ превратился въ явное непослушаніе. Войско

Шведское, опрѣкшись дѣйствовать наступательно, возвратилось въ предѣлы свои. Густавъ, ласкавшійся надеждою, что недостатокъ Рускихъ войскъ откроетъ ему свободный путь въ Петербургъ, въ Августѣ мѣсяцѣ удалился сперва въ *Ловизу*, потомъ въ *Свеабургъ*, а отпуда отправился въ столицу свою съ горестнымъ увѣреніемъ, что безразсудная предпріимчивость и самонадѣяніе влекутъ за собою вредъ и погибель.

Въ сіе время Екатерина писала къ Циммерману: „Въ посредники со мною о миръ Король Шведскій избираетъ Францію, Испанію, Пруссію, Англію, Голландію и Данію, словомъ, онъ приглашаетъ всю Европу. Частные люди сочли бы насмѣшкою, естьлибъ кто шести лицамъ сказалъ: *Каждый изъ васъ самовольно уполномоченъ распоряжать дѣлами моими.*“

Часть оставшейся Шведской пѣхоты находилась почти въ бездѣйствіи; флотъ запертъ былъ въ *Свеабургѣ*; непріятель укрывался на мѣстахъ неприступныхъ. Сентября 6 начальствовавшій въ Финляндіи Рускими войсками, Графъ *Мусинъ-Пушкинъ*, вмѣстѣ съ сыномъ Ека-

тернын обозрѣвалъ укрѣпленный станъ Шведовъ на горахъ въ *Гекфорсѣ*. Усердствуя участвовать въ подвигахъ славы, Цесаревичь еще при началѣ второй Турецкой войны просился въ войско; Императрица не соблаговолила. „Что же скажетъ обо мнѣ Европа?“ спросилъ Наслѣдникъ. „Она скажетъ,“ отвѣчала Екатерина: „что сынъ повиновался матери.“

Шведскій флотъ по недостатку съѣстныхъ припасовъ закупалъ оные у проѣзжавшихъ купеческихъ кораблей. Рускіе корабли свободно плавали въ *шхерахъ* и, не смотря на суровость погоды, держались при *Гангутѣ*, гдѣ нѣкогда Петръ Первый увѣнчался побѣдой. Въ сихъ обстоятельствахъ, бѣдственныхъ для враговъ, а благопріятныхъ для Рускихъ, скончался знаменитый Адмиралъ Самуилъ Карловичь *Грейгъ*, блиставшій военною славой, общественными добродѣтелями и заслугами Отечеству. Смерть постигла его 19 Октября 1788 года; но о имени его и теперь еще напоминаютъ воды двухъ морей: *Средиземнаго* и *Балтійскаго*.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1788 года начались военныя дѣйствія за Кубанью. *Абазинцы* и

Черкесы, отправя жень и дѣтей своихъ въ горы, рѣшились или умереть, или поразить Рускихъ. Сильныя скопища ихъ быспро собрались. Къ остановленію сего столпленія Генералъ-Поручикъ *Талызинъ* отрядилъ *Берхмана* съ тремя баталіонами егерей и съ тремя спами козаковъ. 12 Августа встрѣтили его болѣе четырехъ тысячь *Атюкайцевъ* и *Абазинцевъ*. Мужественно ополчились они къ защитѣ жилищъ своихъ, но тщетно; мечь и огонь Рускихъ все истребили. Всѣ солдаты порывались на бой. *Талызинъ*, начальствовавшій тогда за *Кубанью*, писалъ къ Потемкину: „Естьли бы всѣмъ охотникамъ идти на непріятеля позволено было, то едва ли бы кто остался въ лагерѣ.“ Послѣ сей побѣды Талызинъ соединился съ Генераломъ *Текеліемъ* для дальнѣйшихъ поисковъ общими силами.

Въ исходѣ Августа, то есть 23 числа, Полковникъ *Нелидовъ*, отряженный за Кубань съ тремя *баталіонами* и козацкимъ полкомъ, сошелся съ непріятелемъ при урочищѣ, гдѣ сливаются двѣ рѣчки *Ерла* и *Обынь*. Быстрымъ нападеніемъ не далъ онъ врагамъ зарядить въ другой разъ пушекъ. Горцы бѣжали, и пользуясь пруд-

ностію мѣсть, снова собирались и усиливались. Вмѣсто двухъ разсѣянныхъ явились семь тысячь. Умножившееся число непріятелей умножило славу *Нелидова*. До пяти тысячь положены были на мѣстѣ, прочіе стремительно разбѣжались.

При сихъ успѣхахъ войска *Закубанскаго* Потемкинъ все еще соблюдалъ мнимое бездѣйствіе подъ Очаковымъ. Принцъ *Делинь*, досадуя, что не можетъ проникнуть цѣли Рускаго Полководца, сказалъ ему: „Князь! я жалуюсь вамъ на ваше бездѣйствіе.“ Не отвѣчая ни слова, Потемкинъ послалъ за курьеромъ, прибывшимъ изъ-за Кубани. Показывая Принцу Делиню извѣстіе о новыхъ побѣдахъ, Князь Таврическій сказалъ: „Смотрите! дѣлаю ли я что нибудь. Я положилъ на мѣстѣ десять тысячь *Черкесовъ*, *Абазинцевъ*, *Грузинъ* и уже пять тысячь Турокъ истреблены въ Кинбургѣ.“ Къ сему разсказу можно прибавить собственныя слова Принца *Делиня*: „Хотя Потёмкинъ притворялся, будто бы ничего не дѣлаетъ, но онъ всегда былъ занятъ.“

Въ Августѣ мѣсяцѣ воспослѣдовала перемѣна въ Цесарскихъ войскахъ. За болѣз-

нію Принца *Лихтенштейна* и для поправленія неудачъ призванъ былъ Фельдмаршалъ *Лаудонъ*, давнишній и неизмѣнный любимецъ славы. Отъѣздъ его изъ *Вѣны* былъ общимъ празднествомъ; войско приняло его съ радостными восклицаніями. Вмѣстѣ съ *Лаудономъ* возвратилися къ *Цесарцамъ* слава и побѣда. При самомъ началѣ дѣйствій своихъ *Лаудонъ*, говоря словами Суворова, *взялъ шуткою крѣпость Дубицу*, долгое время тщетно утѣсняемую; вскорѣ потомъ осадилъ онъ *Нови*. Въ сіе время получено извѣстіе, что многочисленная непріятельская толпа находится въ двухъ миляхъ отъ Нови. Одинъ Турокъ, умышленно перебѣжавшій къ Цесарцамъ, просилъ, чтобы его представили Фельдмаршалу, и сказалъ: „Генералъ! удались отсюда скорѣе. Паша идетъ съ сильнымъ войскомъ; полки твои пропадутъ.“ Лаудонъ отвѣчалъ: „Въ молодости моей я прытко бѣгалъ; а теперь, доживъ до сѣдыхъ волосъ, отвыкъ бѣгать: и такъ я дождусь Паши. Прощай! Благодарю тебя за добрый совѣтъ.“ Присутствіе Лаудона оживило нашихъ союзниковъ, и хотя онъ поздно былъ при-

званъ, но дѣйствія пошли удачнѣе и рѣшительнѣе.

Сентября 8 *Хотинъ*, осаждаемый Графомъ *Салтыковымъ* и Цесарскимъ Генераломъ Принцемъ *Саксенъ-Кобургскимъ*, сдался на условіяхъ.

Дѣйствія за *Кубанью* продолжались. Генералъ *Текелій* перешелъ за сію рѣку и приближался къ *Анапѣ*, чтобы разсѣять толпы Турокъ, соединенныя съ окрестными народами. 21 Сентября непріятель разбитъ былъ у рѣки *Моты*. Текелій продолжалъ идти сквозь лѣса и болота. Устрашаясь Рускаго оружія, владѣлецъ *Бжедухбеской* отдался въ покровительство Екатерины; покорность спасла его отъ разоренія. Сентября 26 непріятель напалъ на Полковника *Мансурова* между двухъ ущелинъ. Построясь въ *карре*, онъ упорно защищался съ четырехъ часовъ утра до девяти. Полковникъ *Гротенеельмъ* подоспѣлъ съ пѣхотнымъ Казанскимъ полкомъ, а Бригадиръ *Савельевъ* съ баталіономъ гренадеръ и козачьими полками. Все войско туда же двинулось. Генералъ-Маіоръ Князь *Patiевъ* устремился съ первымъ отрядомъ. Искуствомъ *Текелія* и мужествомъ его спо-

движниковъ разсѣяны горскіе народы, подкрѣпленные двумя тысячами Турокъ, прибывшихъ на фрегатахъ. Пріятно припоминать имена прежнихъ нашихъ Героевъ; подвиги ихъ не должны оставаться въ однихъ *современныхъ* извѣстіяхъ: Руская слава принадлежитъ Рускимъ лѣтописямъ.

Отъ стѣнъ Очаковскихъ Князь Таврическій распространялъ ужасъ до Царьграда и далѣе. Желая развлечь вниманіе враговъ и чтобы тревожить ихъ непрестанно, Потемкинъ малыми отрядами отъ флота безпокоилъ берега *Анатольскіе*: сими поисками раздѣлялъ онъ Турецкія силы и обезпасивалъ войско свое. Къ симъ поискамъ особенно употребленъ былъ Генералъ-Адъютантъ *Синявинъ*. Распространяя страхъ по берегамъ *Анатоліи*, онъ вездѣ поражалъ враговъ, гдѣ съ ними встрѣчался; истребилъ многія суда; препятствовалъ въ перевозкѣ войскъ, и съ плѣнными и съ значительною добычею возвратился 6 Октября въ *Севастопольскую пристань*.

То же почти самое происходило и на водахъ *Балтійскихъ*. Въ послѣднемъ извѣстіи 1788 года сказано, что нашъ флотъ, продолжая безпокоить Шведскій флотъ,

не допускалъ до него съѣстныхъ припасовъ. При окончательномъ истребленіи Шведскихъ судовъ отличился *Джемесб-Травеньербъ*, произведенный изъ Капитановъ втораго *ранга* въ слѣдующій чинъ. Съ 27 Октября прекратились военныя дѣйствія на морѣ и въ Финляндіи. Густавъ ни въ чемъ не достигъ цѣли своей; Екатерина, разстроивъ его предпріятія, приготовляла новыя силы къ нанесенію рѣшительнаго удара.

На Сѣверѣ наступило отдохновеніе; на Югѣ военныя дѣйствія продолжались и усиливались. 4 Ноября Капитанъ-Паша отплылъ съ флотомъ своимъ къ Царьграду. Въ бытность свою у Очаковскаго берега Капитанъ-Паша, устроя переднюю стражу изъ мѣлкихъ судовъ у острова *Березани*, привелъ *Березанскую* крѣпость въ оборонительное состояніе, и стараясь сдѣлать ее неприступною; учредилъ *батарею* на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ удобно было пристать. Тщетны были всѣ сіи предосторожности: гдѣ болѣе трудностей, тамъ сильнѣе дѣйствуетъ отважность. 7 Числа поутру *Черноморскіе* козаки, подъ начальствомъ Войсковаго своего Судьи, Подполковника

Головатаго, въ виду всего войска поплыли къ острову. Выстрѣля изъ ружей, они бросились въ воду, вползли на берегъ, устремились на враговъ и преслѣдовали ихъ къ крѣпости, гдѣ встрѣчены были картечами. Козаки немедленно поворотили пушки съ набережной захваченной бабатареи и взятыя орудія съ лодокъ. Движеніе, учиненное нѣсколькими фрегатами и отправленіе *канонерскихъ* лодокъ подъ начальствомъ Бригадира *Рибаса* заставили непріятеля умолкнуть и просить пощады; Турки сдались. Взятіе *Березани* предвѣстило паденіе Очакова. Къ общему сожалѣнію, при производствѣ работъ у крѣпости сперва былъ раненъ, а потомъ изрубленъ Генералъ-Маіоръ *Максимовичъ*, отличавшійся храбростью, искуствомъ и ревностію къ службѣ.

Между тѣмъ движеніе, сдѣланное однимъ корпусомъ арміи *Задунайскаго*, обратило въ бѣгство Турокъ и Татаръ, столпившихся у *Рябой Могилы*, гдѣ неоднократно уже собирались они, надѣясь на крѣпость сего мѣста. Въ быстромъ бѣгствѣ не могли преслѣдовать ихъ даже и легкія войска. Принцъ *Делинь*, находившійся въ сіе время

при войскѣ Румянцева, говоритъ, что естьлибъ его послушались, то бы Турки и Татары не ушли. Но, прибавляетъ онъ, *голосъ мой раздавался въ пустынѣ.* Досадуя и признаваясь, что онъ не могъ угадывать намѣреній Потемкина, ему надлежало бы размыслить, что не легко было постигнуть и опытнаго Румянцева. Не льзя негодовать на Рускихъ Полководцевъ за то, что они не хотѣли принимать въ наставники того, кто пріѣхалъ въ армію или *охотникомъ*, или *наблюдателемъ*. Но естьли и очевидцы ложно судили о дѣйствіяхъ Россіянъ, то можно ли полагаться на иностранныя извѣстія, писанныя по догадкамъ и по пристрастію?

Внезапно наступила сильная стужа, сопровождаемая большими снѣгами. Румянцевъ, по случаю сей стужи, необычайной въ томъ краю, разположилъ на замній постой войско свое въ *Ясахъ* и въ другихъ мѣстахъ по обѣимъ сторонамъ рѣки *Прута*. Въ продолженіи Ноября и Цесарцы прекратили дальнѣйшія предпріятія.

Такимъ образомъ въ исходѣ 1788 года на поприщѣ военномъ остался дѣйствующимъ лицемъ — одинъ Потемкинъ. Про-

пивоборствуя зимнимъ бурямъ и упорству Турокъ, Рускіе взяли Очаковъ приступомъ въ *пять* четвертей часа. Все войско пылало рвеніемъ къ славѣ и желаніемъ показать усердіе Предводителю своему. Принцъ Делинь, описывая Рускихъ солдатъ, осаждавшихъ Очаковъ, говоритъ, что они пѣли подъ свистомъ Турецкихъ пуль и старались угадывать изъ глазъ Начальниковъ волю и желаніе ихъ. Кто воспламенилъ души такимъ рвеніемъ, тотъ безъ сомнѣнія зналъ сердца Рускихъ: сіе искуство извѣстно было Потемкину. Главная потеря состояла въ Офицерахъ, которые, подавая собою примѣръ, первые летѣли туда, гдѣ было болѣе опасности. Генералъ-Маіоръ *Волконской* одинъ взошелъ на *ретраншаментъ* и убитъ, оказавъ явную неустрашимость въ виду Рускихъ и Турокъ. Бригадиръ *Зоричъ* вступилъ на *бастіонъ* почти вмѣстѣ съ смертію своей. При изъявленіи должной справедливости каждому сподвижнику Князя Таврическаго, въ извѣстіяхъ того времени сказано: „Генералъ-Фельдмаршалъ отдаетъ справедливость служащимъ подъ нимъ Генераламъ: Князю Репнину и Миллеру, изъ коихъ первой не мало

несъ трудовъ во все время пребыванія его при арміи, во время же *атаки* ревностно распоряжалъ по данному предписанію; а послѣдній при неутомимыхъ трудахъ не щадилъ себя, употребляя съ несказанною охотою все, что могло служить къ успѣху.

„*Рекомендуетъ* также Генералъ-Поручиковъ: командовавшихъ колоннами первою и второю Принца Ангальтъ-Бернбурскаго, третьею и четвертою Князя Долгорукова, пятою и шестою Самойлова; Начальниковъ колоннъ: Генералъ-Маіора Барона Палена; Бригадировъ: Мейендорфа, Львова и Хрущова; Полковниковъ: Байкова и Платова, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, кои выше упомянуты въ описаніи о произведеніи штурма.

„Сверхъ того повергаетъ Монаршему благоволенію Дежурнаго Генералъ-Маіора Рахманова, который, находясь при Главнокомандующемъ, былъ во время дѣлъ посылань не однократно съ его приказаніями; равнымъ образомъ Бригадира Попова, которой, сверхъ многихъ трудовъ, понесенныхъ имъ по правленію Канцеляріею, находился изъ охоты *вездѣ при послѣдней атакѣ*; Дежурнаго Полковника Боура, пожалованнаго потомъ въ Полковники, яко

исправнаго и расторопнаго Офицера, который всегда оказывалъ отмѣнное усердіе къ службѣ и охотно подвергался опасностямъ; а наконецъ *Генеральсъ-Адъютанта* Генерала Суворова Князя Горчакова, который былъ въ сильномъ огнѣ, взялъ знамя и принесъ къ Главнокомандующему.“

Взятіемъ Очакова окончились военныя дѣйствія 1788 года.

Французскій Сочинитель новой *Оттоманской Исторіи* утверждаетъ, будто бы на приступъ Очаковскомъ погибло двадцать пять тысячь Рускихъ; онъ увѣряетъ также, что не были пощажены ни старики, ни жены, ни младенцы. Напротивъ того Принцъ *Делинь* говоритъ: „Потемкинъ, не рѣдко отваживая свою жизнь, плакалъ, когда лилась кровь человѣческая.“ И въ другомъ мѣстѣ онъ же пишетъ: „Князь Потемкинъ для того употреблялъ военныя хитрости и тратилъ деньги, чтобы щадить кровь людей.“ Зависть и клевета ополчались и будутъ всегда ополчаться на славу и достоинства. За великихъ людей отвѣчаютъ ихъ дѣла.

Наступило уже время гибельное для Франціи и для всего человѣчества: наступилъ

шопъ годъ, когда въ предѣлахъ Франціи въ одинъ день и въ одинъ часъ долженствовало рушиться и оцѣпенѣть все прежнее правительство. Но *Шуазель-Гуфье*, ослѣпленный непреоборимою ненавистію къ Россіи, увлекался все еще тою же ничтожною *дипломатикою*, которая, дѣйствуя по ложнымъ расчетамъ личнаго самолюбія, забываетъ общее благо и не видитъ общаго бѣдствія. И такъ сему Французскому Министру надлежало бы обратить вниманіе на внутренность Франціи, гдѣ часъ отъ часу болѣе скоплялась губительная буря. Естьли и столь превозносимые Министры, каковъ былъ Шуазель-Гуфье и ему подобные, даже за три мѣсяца ничего не видѣли: то что же видѣли сіи мнимые распорядители жребія Государствъ? Но страсти не разсуждаютъ. Изливая въ послѣдній разъ ядъ злобы своей противъ Россіи, Шуазель говорилъ Туркамъ: „Вы требуете, чтобы я далъ вамъ писменное наставленіе, какъ вамъ дѣйствовать въ наступающую войну: вотъ главныя мои правила:

„*Вопервыхъ* вы должны стараться исправить вашъ флотъ какъ можно скорѣе; имѣть въ готовности, прежде нежели прій-

детъ ледъ въ Очаковѣ, не давъ времени Россійскому флоту выдти изъ Севастополя и занять мѣсто подъ Очаковымъ. Естьлижъ Рускіе предупредятъ, то всѣ ваши пріуготовленія будутъ безполезны; ибо съ помощію батарей, флота и Херсонской флотиліи не допустятъ они васъ никоимъ образомъ. Успѣвъ же появиться передъ Севастополемъ прежде выхода Рускихъ изъ сей пристани, вы не допустите ихъ подъ Очаковъ. Вотъ первое и главное ваше дѣло. Вашъ крупный флотъ, то есть *линейные* корабли и *фрегаты*, долженъ слѣдовательно употребленъ быть для воспрепятствованія Россійскому выдти изъ Севастополя, разшириться по морю и плыть подъ Очаковъ, или въ другія мѣста, дабы прервать провозъ пропитанія въ вашу столицу.

„Тогда ваша флотилія будетъ совершенно свободна и можетъ смѣло идти подъ Очаковъ; но надлежитъ имѣть великое число прамовъ и канонерскихъ шлюпокъ для составленія двухъ эскадръ; ибо батареи, сдѣланныя Рускими передъ Очаковымъ, нанесутъ вамъ безъ всякаго сомнѣнія немало вреда; но все зависитъ отъ отваги,

Ежели при первомъ нападеніи они васъ побьютъ и вы отвагу потеряете, то ничего уже не сдѣлаете. Напротивъ того, имѣя другую эскадру флотиліи въ готовности для другаго приступа и употребя всѣ способы завладѣть батареями Рускихъ, вы проложите себѣ путь ко всѣмъ успѣхамъ: вы отдалите непріятеля отъ крѣпости, доставите свободный проходъ вашему флоту и даже можете напасть на Кинбурнъ. Но для вѣрнаго успѣха надлежитъ ихъ принудить раздробить свои силы, и вдругъ привесть ихъ въ замѣшательство. Такимъ образомъ вы разстроите непріятеля, выручите изъ осады Очаковъ и будете въ силахъ — нападать.

„Надлежитъ вамъ имѣть по меньшей мѣрѣ двести тысячь человѣкъ на сухомъ пути, и раздѣлить ихъ на три корпуса. Одинъ долженъ высаженъ быть въ *Ходжабей* (1), идти подъ Очаковъ, и въ то самое время напасть на Рускихъ, когда приспѣетъ къ крѣпости вашъ флотъ; другіе два *корпуса* къ Крыму со стороны Европы и Азіи. Еще до прибытія флотиліи вашей

(1) Что нынѣ Одесса.

къ Очакову войска ваши должны быть въ движеніи, дабы принудить Рускихъ раздѣлить силы свои. Я могу васъ увѣрить о точномъ числѣ Рускихъ войскъ въ Крыму и подъ Очаковымъ; у нихъ *сто десять* тысячь. И въ войскахъ Европейскихъ для нападенія на *сто десять* тысячь надлежитъ имѣть *двести*. Нападающій слабѣе защищающагося непріятеля, укрѣпившаго свой лагерь и караулы. Выставя непремѣнно двести тысячь, вы поравняетесь со ста десятью тысячами Рускихъ.

„Записка ваша о малой флотиліи недостаточна; 56 канонерскихъ шлюпокъ, 10 пловучихъ и 12 кирлангичь (1) сущая бездѣлица. Съ самаго начала не льзя вамъ напасть съ меньшимъ числомъ; а ежели васъ побьютъ, тогда прощай побѣда и вся польза войны. Необходимо должно умножить флотилію. Мои два мастера меня увѣряютъ, что, получа отъ васъ работниковъ, успѣютъ они изготовить до ста канонерскихъ лодокъ. Не погрѣшите въ сію войну, какъ и въ прошедшую; я вамъ предсказываю: тогда лишитесь всей на-

(1) Родъ Турецкихъ галеръ.

дежды. Недовольно также и многочисленности судовъ, даже и хорошо вооруженныхъ; главное дѣло — умѣть ими управлять и имѣть много людей, обученныхъ сражаться, нападать на непріятеля отважно и съ твердостію уклоняться отъ оборотовъ, могущихъ наносить вредъ, и тотчасъ исправляться. Офицеры мои *Оберъ* и *Туссенъ*, къ которымъ вы имѣете справедливую довѣренность, готовы къ вашимъ услугамъ. Одинъ научитъ васъ управлять судами, другой мортирами и пушками. Но прибавляю настоятельно: изготовьте флотъ вашъ за мѣсяцъ такъ, какъ долженъ оный пуститься въ бой (1).

„Не хочу васъ обнадѣживать, что вы совсѣмъ возьмете Крымъ; но увѣряю, что, исполня мое наставленіе, вы выручите изъ осады Очаковъ, завладѣете батареями Рускихъ, нападете на Кинбурнъ, запрете флотъ Руской въ Севастополѣ; словомъ —

(1) Когда Россійскій флотъ плылъ въ Архипелагъ, ей же самый *Шоазель* совѣтовалъ, чтобы выслать немедленно Французскій флотъ и потопить всѣ Рускіе корабли. „Погубя Руской флотъ“ говорили Французы, „мы возвысимъ морскую силу Франціи.“ Изъ книги *о политикѣ всѣхъ Европейскихъ Дворовъ* Часть II, стран. 173 и 174.

во всемъ ихъ обезсиліи. Такимъ образомъ навсегда возвратите Портъ Очаковъ, весьма для выгодъ ея важный, а Рускимъ нанесете вредъ и стыдъ. Вся Европа посмѣется, что 80 тысячь въ сполъ долгое время не взяли крѣпости, отрѣзанной отъ всѣхъ пособій! Правда, за такой отпоръ въ Очаковѣ обязаны вы Французскому инженеру *Лафиту*. Непріятель, узнавъ, что *Лафитъ* сдѣлалъ шесть подкоповъ, не смѣлъ напасть на крѣпость, которая безъ того давно бы уже была въ рукахъ у Рускихъ.

„Правила Визиря въ прошедшую войну, которыхъ и въ нынѣшнюю хочетъ онъ держаться, вовсе неосновательны: я говорю о намѣреніи его употребить главныя силы противъ *Нѣмцовъ*, а не противъ *Рускихъ*. Вотъ мои доводы. Австрійскій Императоръ не мало не помышляетъ распространять своихъ областей, ни удерживать вашихъ земель, хотя бы въ сію войну и удалось ему чѣмъ завладѣть. Земли у него слишкомъ много; онъ устроиваетъ и печется о своемъ, а не о вашихъ пограничныхъ степяхъ. Мысли свои объяснилъ онъ въ Херсонѣ своему Министру, который по возвращеніи своемъ предло-

жилъ вамъ оныя убѣдительно. Императоръ сказалъ: *не хочу присовокуплять степи къ степямъ*. И войну началъ онъ противъ желанія. Самый выгодный съ Императоромъ миръ ничто предъ выгоднымъ миромъ съ Рускими. До самаго дня разрыва вы испытали, какъ справедливо и какъ дружелюбно обходился онъ съ Портою. Коль скоро воспослѣдуетъ миръ, онъ оставитъ васъ въ совершенномъ покоѣ. Да и вамъ что за выгоды въ его земляхъ. И такъ противъ Императора будьте только въ состояніи оборонительномъ, а всѣми силами ударьте на Рускихъ. Смирите ихъ гордость, ихъ надменность. Не ждите отъ нихъ ни мира, ни покоя: они поклялись лишить васъ славы, изобилія и сокровищъ. Уже Россія простираетъ хищную руку на вашу столицу. Благодарите Францію; она доселѣ васъ спасала!

„Императрица Екатерина, разговаривая въ Крыму съ Императоромъ Австрійскимъ, сказала: *Пусть только не лѣнятотъ мнѣ Европейскія Государства, въ два похода выгоню Турокъ изъ Европы*. Императоръ отвѣчалъ: *А я желаю лучше имѣть сосѣдомъ Абдулхамата, нежели Екатерину Вторую*.

„Единственный вашъ непріятель — Россія. Миръ съ нею обманъ. Россія васъ давно ненавидитъ; истребите Рускихъ. Для всякаго случая оставя противъ Нѣмцовъ нужное число войскъ, Верховный Визирь всѣ прочія силы долженъ обратить на Россію. Мѣстное ея положеніе сильнѣе, нежели у Цесарцевъ; воины Рускіе лучше знаютъ, какъ съ вами воевать: ихъ труднѣе побѣдить.

„По правиламъ воинскаго искуства должно ослаблять и унижать сильнаго непріятеля; а вы — въ три уже войны испытали силу оружія и неустрашимость Рускихъ. Порта страждетъ отъ Россіи. Чтобы достигнуть успѣха, скрывайте намѣренія свои, храните ихъ въ тайнѣ; разгласите, будто бы Визирь идетъ на Цесарцевъ; скрывайте также и то, что намѣрены произвесть на Черномъ морѣ. Непріятель, узнавъ мысли *нападающаго*, возьметъ свои мѣры — и цѣль ваша разрушится.

„На судъ благоразумія вашего отдаю мои распоряженія; онѣ суть плодъ усердія и чистосердечія. Я желаю одного: желаю, чтобы Турція возвысилась, и чтобы для вѣчныхъ пользъ своихъ смирила и унизила Россію!“

Не льзя не подивиться, какимъ образомъ Булгаковъ, находясь въ строгомъ заключеніи, подъ неусыпною стражею, и въ то самое время, когда возбранены были всѣ сношенія: какимъ образомъ Русской Посланникъ наблюдалъ коварство Французскаго злоумышленія и всѣ происки, вредные Россіи? Онъ удостовѣренъ былъ, что естьли перехватятъ хотя одну изъ его бумагъ, то будетъ отвѣчать жизнію! Но чѣмъ болѣе опасностей, тѣмъ отважнѣе ревность вѣрнаго служителя Отечества и Престола. Его желанія — польза общественная; его отрада — не щадить себя для Отечества.

Пылая мщеніемъ къ Россіи и желая обмануть Булгакова мнимыми увѣреніями доброжелательства, Шуазель Гуфье писалъ къ нему: „Я скорблю о вашемъ заключеніи; я радъ вмѣсто васъ терпѣть неволю; я проливаю слезы чувствительности о вашемъ жребіи.“ Но Булгаковъ, не вѣря никакимъ обольщеніямъ, не переставалъ и въ темницѣ наблюдать всѣ шаги возмутителя Турціи и врага Россіи.

Въ Январѣ 1789 года отличился *Каменскій* при изгнаніи непріятеля изъ селенія

Гангутъ. Рускіе воины, ободряемые примѣромъ Вождя своего, не взирая на стужу, глубокіе снѣга и усталость, желали сразиться съ Турками и показать свое усердіе. Любя цѣнить заслуги, Екатерина говорила: „Каменскій пылаетъ мужествомъ и ревностію.“

Въ семъ сраженіи убитъ былъ сынъ Татарскаго Хана. Каменскій, слѣдуя чувствію *отцовскаго сердца, отправилъ къ* нему при письмѣ тѣло его сына, чтобы горестный отецъ могъ воздать ему послѣдній долгъ. Ханъ *Магометъ Гиреевъ*, исполненный благодарностію за сей поступокъ, отвѣчалъ ему въ сихъ словахъ: „Вы пишете, что вы долгомъ почли прислать ко мнѣ тѣло моего сына, и что вы слѣдовали сему долгу какъ отецъ, имѣющій сыновъ, которые могутъ быть подвержены равному жребію. Примите мою глубочайшую признательность. Меня утѣшаетъ то, что онъ умеръ на полѣ славы, какъ сынъ отечества и какъ вѣрный подданный своего Государя.“

Въ *Февралѣ* начались военныя дѣйствія на Сѣверѣ. Неудачи прошедшей войны не ослабили упорства Короля Шведскаго. Увле-

каясь раздраженнымъ тщеслaвіемъ, онъ снова рѣшился жертвовать спокойствіемъ и благомъ подданныхъ ненадежной славѣ *Полководца нецстрашимаго*. Англія, Прусія и золото Оттоманское усиливали его замыслы. Малые Шведскіе отряды открыли на Финляндской границѣ наступательныя дѣйствія; первая схватка произошла неподалеку отъ кирки *Сухоловской*.

Потемкинъ, увѣнчанный побѣдоносными лаврами, по взятіи *Очакова* отправился въ Петербургъ. Столица, подражая Двору, встрѣтила его съ восторгомъ. Екатерина славилась подвигами Князя Таврическаго. Въ семъ случаѣ поступала она не по пристрастію, но по благородному чувству, побуждавшему ее относить все къ подвигамъ и усердію своихъ чиновниковъ. Во время путешествія по Таврической Области, бесѣдуя съ своими приближенными и съ Принцемъ *Делинемъ*, она сказала: „Слава моего царствованія не мнѣ принадлежитъ. *Орловъ* присовѣтовалъ мнѣ послать флотъ въ Архипелагъ; Потемкину обязана я изгнаніемъ Татаръ, угрожавшихъ непрестанно предѣламъ Россіи: Я только выбрала того и другаго. . . . Блескъ

моихъ побѣдъ принадлежитъ Румянцеву (*). Я только щастлива; а естьли мною довольны, то потому, что я стараюсь быть тверда въ моихъ правилахъ. Я поручаю большую власть моимъ чиновникамъ. Нѣкоторые употребляютъ ее во зло въ отдаленныхъ областяхъ: тѣмъ хуже для нихъ. Богъ видитъ, что я желаю узнавать и поправлять зло.“

Разговаривая однажды съ *Пущинымъ* о строеніи судовъ для флота Черноморскаго и слыша отъ него, что каждый по части своей запрудняется, Екатерина сказала: „Кажется, что во всѣхъ должно быть равное усердіе въ исполненіи воли Монаршей, тѣмъ болѣе, что всѣ дѣла принадлежатъ одной хозяйкѣ. Можетъ быть думаютъ, что я худая хозяйка.“

Между тѣмъ ревностный Руской посланникъ, страдая въ семибашенномъ замкѣ и не получая никакого отвѣта на донесенія свои, въ горести душевной писалъ въ Петербургъ отъ 7 Марта 1789 года сіи слова: „Пишу украдкою.... Не знаю, дошли ли

(*) Тогда еще не повсемѣстно гремѣло имя Суворова.

прежнія мои донесенія? Ни откуда и ни отъ кого не получаю ни отвѣта, ни одобренія, и въ семъ положеніи страдаю около семнадцати мѣсяцовъ. Дай Боже, чтобъ только доходило то, что пишу: сего довольно для моего упѣшенія. Истощивъ всѣ средства, подвергаю себя всѣмъ опасностямъ. Что могу болѣе дѣлать для пользы Отечества?“

Среди шумной Столицы Потемкинъ хотя и казался празднымъ, но былъ непрестанно занятъ. Отъ великолѣпныхъ пировъ, изъ чертоговъ Екатерины переносился онъ мыслями въ столицу Оттоманскую, и пользуясь перемѣною правленія, уловлялъ умы и сердца. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1789 года скончался Султанъ *Абдулъ-Гамидъ*, обремененный лѣтами и скорбію. Онъ желалъ блага подданныхъ, онъ любилъ славу отечества своего; но происки Европейскихъ Дворовъ, не доброжелательствовавшихъ Россіи, и малодушіе его Визирей, уничтожали полезныя его намѣренія. Сокрушаясь о злополучіи Турціи, онъ именовалъ себя *Печальнымъ*. Племянникъ его *Селимъ* Третій, процвѣтавшій юностію и пылавшій отважностію, вступилъ на пре-

столъ. Сильнымъ воззваніемъ къ подданнымъ домогался онъ возбудить мужество и подвигнуть ихъ къ отмщенію за удары, нанесенные Турціи. Наблюдая неусыпно всѣ шаги своихъ сопротивниковъ и расточая золото, чтобы щадить кровь человѣческую, Потемкинъ богатыми подарками подкупалъ Турецкихъ чиновниковъ и Султаншу *Валиду*, игравшую тогда первое лице при Дворѣ Оттоманскомъ.

Конецъ девятой Части.